

КАЗАХСТАН-СПЕКТР
аналитические исследования

Учредитель: Казахстанский институт
стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан

**Шеф
редактор:** М.С. Ашимбаев,
Директор Института

**Адрес
редакции:** Республика Казахстан, 480100, Алматы,
проспект Достык 87-6, Казахстанский
институт стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан
Телефон: (3272) 64-34-04 Факс:(3272)64-49-95
E-mail: office@kaziss.alma-ata.su

Журнал зарегистрирован Национальным агентством
по делам печати и массовой информации Республики
Казахстан 8 сентября 1997 г.
Регистрационное свидетельство № 644.

При перепечатке, микрофильмировании и других
формах копирования статей ссылка на журнал
обязательна.

Мнение редакционной коллегии журнала может не
совпадать с точкой зрения авторов статей.

© КАЗАХСТАН - СПЕКТР, 2000

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ашимбаев М.С.
Абдыгалиев Б.Б.
Косиченко А.Г.
Музапарова Л.М.
Нурмухамедов Б.Ж.
Султанов Б.К.

КАЗАХСТАН-СПЕКТР
№ 3-4 (2000)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

- Ашимбаев М.С.* К вопросу о демократизации как факторе развития страны 3
- Ертысбаев Е.К.* Массовое сознание
в период общественной трансформации в Казахстане 6
- Абдыгалиев Б.Б.* Ценностно-идентификационная ориентация казахстанцев 21
- Куанышев Ж.И.* Институционализация плюралистской системы
в бикультурном обществе Казахстана 28
- Мустафаев Н.И.* Маргинализация населения как фактор
социально-политической нестабильности 36
- Туреханова Б.* Политические ценности населения Казахстана
в контексте социальных изменений 46

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- Курманбаева Ш.А.* Специфика политических избирательных
технологий на постсоветском пространстве 53

ГЕОПОЛИТИКА

- Кучкаров А.М.* Бесконтрольные зоны – угроза безопасности в Центральной Азии 56
- Сыроежкин К.Л.* Синьцзян вчера и сегодня. К 45-й годовщине образования
Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР 60

СОТРУДНИЧЕСТВО

- Арыстанбекова А.Х.* Франция – стратегический партнер Казахстана 67

ОБОРОНА

- Дубовцев Г.Ф.* Новые подходы к проблемам обеспечения военной безопасности
государства в Военной доктрине Республики Казахстан 75

ЭКОНОМИКА

- Матаев Т.М.* Депрессивные регионы
как объекты региональной экономической политики 81
- Гусева Л.Ю.* Транспортный транзитный потенциал Республики Казахстан
(железнодорожный транспорт) 84

ЭКОЛОГИЯ

- Кушалиева Г.* Развитие взглядов на проблемы окружающей среды 92

ИСТОРИЯ

- Мамедов Р.* Международно-правовой статус Каспийского моря
в его историческом развитии 98
- Маскеев М.У.* Миграция населения в Казахстан в условиях
Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г. 113

РЕЦЕНЗИИ

- Лаумулин М.Т. 119

- SUMMARY 124

- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 127

INTERNAL POLITICS

<i>Ashimbayev M.S.</i> To the Question of Democratization as a Factor of the Country's Development	3
<i>Ertysbayev E.K.</i> Mass Consciousness at the Period of Public Transformation in Kazakhstan	6
<i>Abdygaliyev B.B.</i> Value-Identity Orientation of the People of Kazakhstan	21
<i>Kuanyshev Zh. I.</i> The Institutionalisation of the Pluralistic System in the Bicultural Society of Kazakhstan	28
<i>Mustafayev N.I.</i> Marginalization of the Population as the Factor of Socio-Political Instability	36
<i>Turekhanova B.</i> Political values of the population of Kazakhstan in the Context of Social Changes	46
<i>Kurmanbayeva Sh.</i> Specifics of Political Election Technologies in Post-Soviet countries	53
GEOPOLITICS	
<i>Kuchkarov A. M.</i> Uncontrolled Zones are Threats to Security of Central Asia	56
<i>Syroezhkin K.L.</i> Xinjiang Yesterday and Today. By the 45 th Anniversary of the Creation of Xinjiang-Uighur Autonomous Region of the People's Republic of China	58
COOPERATION	
<i>Arystanbekova A.Kh.</i> France – the Strategic Partner of Kazakhstan	65
DEFENCE	
<i>Dubovtsev G.Ph.</i> New Approaches to Problems of the Military Security of the State, Expounded in the Military Doctrine of the Republic of Kazakhstan	73
ECONOMY	
<i>Matayev T.M.</i> Depressive Regions as Objects of the Regional Economic Policy	79
<i>Gusseva L.Yu.</i> Transit and Transport Potential of the Republic of Kazakhstan (Railway transport)	82
ECOLOGY	
<i>Kushaliev G.</i> The Development of Views on Environmental Problems	90
HISTORY	
<i>Mamedov R.</i> International Legal Status of the Caspian Sea in the Historical Development	96
<i>Muskeyev M.U.</i> The Migration of the Population in Kazakhstan during the Great Patriotic War of 1941-1945	111
BOOK-REVIEW	
<i>Laumulin M.</i> Poujol C. Le Kazakhstan	119
SUMMARY	122
CONTRIBUTORS	125

К ВОПРОСУ О ДЕМОКРАТИЗАЦИИ,
КАК ФАКТОРЕ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Ашимбаев М.С.

На нынешнем этапе развития Казахстана существует ряд факторов, определяющих дальнейшую демократизацию и политическую реформу в стране.

Во-первых, это потребность к развитию самой политической системы в целях её укрепления и обеспечения устойчивости.

Общая конструкция политической системы в Казахстане создана. Сегодня необходимо работать над тем, чтобы наполнить ее внутренним содержанием и развивать дальше. Как показывает мировой опыт, при отсутствии динамики в развитии политической системы возникает тенденция к снижению ее устойчивости, что может иметь негативные социальные и политические последствия.

Во-вторых, политическая либерализация отвечает устремлениям набирающего силу нового класса собственников.

Любые недостатки в функционировании политической системы автоматически становятся препятствием для дальнейшего свободного развития этой социальной группы как опоры рыночной экономики.

В-третьих, одним из важных побудительных мотивов к демократизации общества является высокий уровень образования населения Казахстана.

Высокая образованность населения, а также вовлеченность в информационные потоки во многом становятся фактором дальнейшей демократизации общества.

В-четвертых, к развитию демократических процессов побуждает и этническое многообразие Казахстана.

Полиэтничность делает жизненно необходимым существование таких механизмов, которые бы обеспечивали согласование интересов всех этнических групп, живущих в Казахстане. Мировой опыт показывает, что демократическая политическая система сама является таким механизмом согласования интересов различных этнических групп.

В-пятых, одной из детерминант демократических реформ в стране косвенно выступает продолжающийся в Казахстане процесс активной урбанизации населения.

В будущем следует ожидать, что под воздействием развития казахстанской экономики определенная часть сельского населения, преимущественно молодежь, продолжит активно переселяться в города. Это объективный и неизбежный процесс.

Мигрирующая в города сельская молодежь в своем большинстве является стихийным носителем «либеральной идеи» и может стать одной из основных движущих сил демократизации казахстанского общества. В то же время существует опасность, что если демократические настроения этой социальной группы не будут удовлетворены, то это приведет к её криминализации и превращению в массовый дестабилизирующий элемент общества.

И, наконец, важным фактором демократизации становится на современном этапе расширяющаяся включенность казахстанского общества в глобальные мировые процессы.

В условиях глобализации и глобальных информационных процессов создание каких-либо закрытых обществ бесперспективно. Демократия – это универсальная формула вхождения страны в мировое сообщество на равных условиях.

***

Обобщение опыта десятков стран, осуществивших переход к демократии, дает огромные преимущества нашей стране. Это позволяет нам учитывать общие закономерности этого процесса, избежать ошибок и недочетов.

Процесс трансформации политической системы каждой страны представляет собой неповторимый и уникальный феномен. Тем не менее, можно отметить следующие наиболее общие закономерности этого процесса.

Во-первых, как показывает мировая практика, быстрые темпы политических преобразований характерны для тех стран, в которых осуществляется процесс «возвращения» к некогда существовавшим демократическим традициям. В число таких стран входит большинство государств Восточной и Центральной Европы и Балтии.

Во-вторых, для тех стран, в которых одновременно осуществлялись экономические и политические преобразования, а также шел процесс создания своей национальной государственности, демократические процессы приобрели характер постепенных политических реформ. Эта группа стран включает ряд государств СНГ, а также такие балканские страны, как Хорватия, Словения, Македония.

В-третьих, попытки отдельных стран осуществить «скачок» к демократии при отсутствии необходимых экономических и социокультурных предпосылок, как правило, приводили к неудачам. В ряде государств это повлекло резкое осложнение внутренней ситуации, конфликты, примером чему явилась ситуация в некоторых странах СНГ в начале 90-х годов.

В-четвертых, искусственное сдерживание либерализации политической системы при высоких темпах экономических преобразований также чревато опасностью утраты контроля над ситуацией. Наглядное тому подтверждение – последние годы правления президента Сухарто в Индонезии.

***

Перечисленные закономерности мирового опыта перехода к демократии не претендуют на завершенность. Их круг может быть значительно расширен. Тем не менее, все они позволяют извлечь некоторые уроки.

Главный из них заключается в том, что, несмотря на привлекательность и удачность отдельных моделей перехода к демократии, не следует забывать, что процесс демократизации сам по себе не является некоей самоцелью, а представляет собой средство для обеспечения надежных и достойных условий для жизни граждан той или иной страны.

Отсюда следует, что механический перенос в отдельно взятую страну тех методов, которые сыграли решающую роль в демократизации политической системы в других государствах, будет, скорее всего, малоэффективен. Более того, это может завести общество в политический тупик со всеми вытекающими опасными последствиями этого состояния.

Окончательное учреждение и органичное влечение демократических институтов в общественную жизнь страны возможно только тогда, когда для этого будут созданы необходимые социо-культурные и экономические предпосылки.

История не знает примеров существования демократии в государствах без рынка и

частной собственности, без мощного среднего класса. Высокая степень урбанизации и грамотность населения также ускоряют темп демократических преобразований в обществе.

Поэтому дальнейшее развитие политической реформы в Казахстане должно строиться с учетом имеющихся особенностей.

Прежде всего, должны приниматься во внимание реальное состояние экономики Казахстана, переживаемые страной социально-экономические трудности. Они оказывают ощутимое воздействие на социально уязвимые слои населения, способствуют росту социальной напряженности. В этих условиях быстрые политические реформы могут спровоцировать социальные коллизии в обществе.

Другой проблемой является необходимость учитывать особенности менталитета населения страны. Следует принять во внимание, что в обществе сохраняется большое количество архаичных политических и экономических стереотипов.

Так, например, значительной части казахстанцев по объективным причинам до сих пор присущ патерналистский тип сознания. В то же время для части граждан характерно и сознательное самоотчуждение от государства. При сохранении в общественном сознании таких установок массовые модели поведения людей еще долгое время останутся неадекватными любым форсированным темпам создания новых политических институтов.

И, наконец, при реформировании политической системы необходимо учитывать реальную геополитическую ситуацию, складывающуюся вокруг Казахстана.

Соседство с «горячими точками», усиление нестабильности в регионе Центральной Азии вынуждают Казахстан проводить на нынешнем этапе принципиальную политику по профилактике и пресечению терроризма и экстремизма, что может оказать определенное влияние на темпы политических реформ.

В целом, отмеченные обстоятельства очень важны для определения темпов, этапов и последовательности мер, направленных на демократизацию политической системы Казахстана. С учетом реально существующих социокультурных и экономических предпосылок для Казахстана наиболее верной является поэтапная демократизация политической системы. Альтернативы этому нет.

***

Императив демократического развития страны может долго оставаться лишь предме-

том бесконечных дискуссий, если не будет выработана конкретная программа дальнейшей демократизации общества.

Основы такой программы демократизации изложены в ежегодном Послании Президента страны народу Казахстана.

В целом считаю, что при реализации данной программы целесообразно учитывать также следующие моменты.

Первое. Необходимо обеспечить прозрачность государственной политики.

Без доверия населения к государственным органам демократические преобразования не принесут желаемых результатов. А для этого, прежде всего, необходимо обеспечить прозрачность государственной политики.

Одной из серьезных проблем сегодня является отсутствие устоявшейся линии доверия между населением и нашими государственными органами. Казахстанцы в большинстве не знают, чем занимается та или иная государственная структура. Во многом это вина руководителей государственных органов, которые не доводят до населения работу своих структур, не разъясняют общую политику, проводимую государством.

Другая составная часть этой проблемы заключается в отсутствии предварительного обсуждения на уровне институтов гражданского общества важных правительственных решений. Это ведет к неверным стереотипам о закрытости государственной политики.

Второе. Многие позитивные инициативы, идущие сверху, сегодня блокируются на низовом уровне бюрократического аппарата.

В этой связи бюрократизм и коррупция могут стать одними из главных препятствий на пути демократизации. Почти все люди, сталкивавшиеся с чиновничеством, знают, что наиболее простой путь загубить какую-либо инициативу – это пустить ее по обычному бюрократическому кругу.

В целом, коррумпированному чиновнику очень важно сохранять существующую среду, препятствовать каким-либо нововведениям, лишаящим их привычной «кормушки». Поэтому мы можем столкнуться с таким явлением, как тихий саботаж демократических реформ на низовом уровне.

Третье. При реализации программы демократизации может возникнуть ряд непредвиденных проблем.

В частности, возьмем выборность акимов. Эта мера крайне нужна, однако формальная ее организация при нашей ментальности и сложившихся традициях может привести к серьезным проблемам.

К примеру, в некоторых районах и городах действующие акимы для своего прохождения на выборах могут использовать все имеющиеся у них средства. Не секрет, что у районных и городских акимов имеются достаточно рычаги воздействия, в том числе полиция, прокуратура, налоговые службы и т.д., для борьбы с конкурентами. Акимам легче будет «обрабатывать» население. В итоге мы в некоторых местах получим достаточно коррумпированные выборы с сомнительными результатами. Но это еще полбеды. Еще более серьезная проблема заключается в том, что таким образом «избранного населением» акима будет очень трудно отстранить от должности, это повлечет бесконечные судебные тяжбы.

Если на сегодняшний день акимы во многом боятся, что их снимут сверху, то после избрания они могут стать еще более неподконтрольными в своих действиях, прежде всего в коррупционном плане. Надеяться на то, что население такого акима не переизберет на следующий срок также неоправданно, так как несколько лет – это достаточный срок, чтобы на районном уровне заблокировать перспективного конкурента.

При выборности акимов можно также столкнуться с такой серьезной проблемой как внутринациональная и межэтническая дифференциация.

Чтобы всего этого не произошло, следует четко взвесить все негативные последствия, которые могут возникнуть в ходе выборов акимов, и продумать конкретные механизмы по их недопущению.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что на сегодняшний день не существует альтернативы демократическому развитию Казахстана. Эффективность демократических реформ во многом зависит от взвешенности и продуманности конкретных механизмов их реализации. Этого можно достичь предварительным тщательным обсуждением данных механизмов на уровне институтов гражданского общества.

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В ПЕРИОД ОБЩЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ

Ертысбаев Е.К.

Массовое сознание – специфический род общественного сознания, получивший широкое распространение и весьма важное значение в современных типах обществ [1]. Подобно классовому, национальному, профессиональным и иным групповым формам общественного сознания, субъектом которого являются классы, нации и т.д., массовое сознание выделяется в первую очередь на основе особенностей его носителя, субъекта. В случае массового сознания в качестве такого субъекта выступает особая совокупность индивидов, именуемая массой.

Социально-политическое реформирование казахстанского общества, демократизация политических процессов, выход политики в сферу публичной деятельности, изменение характера политического участия и развитие института свободных выборов предопределили выдвижение феномена массового политического сознания как широкого комплекса явлений, связанных с отношением общества к различным аспектам и сторонам политической жизнедеятельности. Предметом пристального изучения политологов, социологов, психологов становится отношение населения к различным политическим институтам, режимам власти, политическим ценностям. Особенно широкое распространение получило измерение массовых настроений, выявление механизмов электорального поведения, способов политического участия, а также различных аспектов политической культуры и политической психологии.

В западной философии и социологии массовое сознание освещалось с различных позиций: откровенно антидемократических, отождествляющих массы с «толпой», «чернью» (Я. Буркхардт, Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет); социально-критических, рассматривающих массу в качестве негативного порождения современных антигуманных типов обществ (Э. Фромм, Р. Миллс, Г. Маркузе); позитивистских, связывающих массы с научно-техническим прогрессом, деятельностью современных средств массовой информации

(Г. Блумер, Э. Шилз, Д. Мартиндейл). В советской науке на протяжении десятилетий позитивное исследование массового сознания было, в сущности, запрещено из-за полной несовместимости этой проблематики с господствующими в обществе идеологическими установками, хотя некоторые авторы массовое сознание рассматривали в качестве атрибута «массового общества» и как альтернативу классовому сознанию [2].

Трансформация общества и политической системы невозможны без преобразования политической культуры, без формирования на основе согласия обновленной системы ценностей. Именно ценности выступают основой тех поисков в условиях политических перемен, которые всегда сопровождают развитие общества. На этой основе выстраиваются политические идеологии, исходя из особенностей и уровня развития общества, его традиций, географического положения, геополитической ситуации, менталитета социальной общности. Политические ценности, будучи явлением социально-духовного плана, глубоко укоренены в сознании, этнопсихологии, поведении людей и выражают мировоззренческую основу понимания тех или иных вещей.

Несмотря на осознание большей частью населения объективности и необходимости перемен, фактором, сдерживающим адаптационные процессы, может выступать ментальность общества, чуткая к навязыванию чуждых традиций. Современные исследователи высказывают различные взгляды относительно многоуровневого массового сознания, содержания и форм проявления политической культуры, особенностей политических ценностей в переходных обществах [3].

Термин «массовое сознание» многозначен. На практике выделяются широкий и узкий смысл данного понятия. Массовое сознание в широком смысле есть сознание больших масс, людей, народа. В более узком смысле массовое сознание есть та особая форма бытового сознания, которая появляется под влиянием определенных средств, и, прежде

всего, средств массовой информации [4]. Массовое бытовое сознание появляется в процессе духовного освоения действительности в рамках повседневной практической деятельности. Его специфическими особенностями являются нормы, обычаи, оценочные представления и потребности, которые выражают реально существующие в обществе ценности и нормы.

Массовое бытовое сознание, с одной стороны, формируется стихийно, спонтанно, с другой – опирается на исторические и теоретические предпосылки, организованный духовный труд. В «спонтанном» и «направленном» процессах изменения массового сознания можно выделить различную роль организованных и неорганизованных социальных общностей.

В условиях неорганизованной социальной общности формируется такой функциональный элемент общественного сознания, как верование, которое становится регулятором массового поведения, приобретая такое состояние, как общее настроение. В организованной социальной общности вырабатывается качественно новое надличностное образование – общественное мнение. Первое связано со спонтанным процессом нормирования межличностного взаимодействия и общения, второе – с деятельностью специализированных регулятивных социальных подсистем. Первое осуществляется взаимным изменением психических состояний индивида, персонификацией идей, принятием их как «своих», формированием личного убеждения, что является наиболее сильным регулятором поведения, ибо «внутренний» более значим для личности, чем любой внешний, институционализированный. Во втором случае надо учитывать специфику социально-институционального способа реализации идей. Она заключается в опосредованности и функциональности взаимодействий индивидов и общности в целом [5]. Масштабные изменения, переживаемые в рамках одного десятилетия, существенным образом отразились на массовом сознании. Перед обществом переходного типа встала важнейшая проблема формирования системы новых общественных ценностей.

Пристальное внимание массовому сознанию в период общественной трансформации уделяет Президент Казахстана Н.А. Назарбаев, который подчеркивал: «...несмотря на то, что абсолютное большинство казахстанцев поддерживает реформаторский курс, мы долж-

ны отдавать себе отчет в том, что многие, восприняв необходимость перемен, так сказать, сердцем, еще не осмыслили разумом их сути, испытывают неуверенность, не вполне ясно представляя свое будущее. Состояние некоего душевного дискомфорта усиливается экономическим кризисом, который для рядового человека выразился, прежде всего, в безудержном росте цен, падении жизненного уровня, нерешенности многих социальных проблем. Нередко дезориентируют людей и крайности политической борьбы. Порой самые неожиданные политические спекуляции находят себе ниши в общественном сознании» [6].

В изучении казахстанского национального самосознания накоплен определенный опыт, выявлены с большей или меньшей точностью его структурные составляющие. Большую работу в этом направлении проводят Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Центр анализа и стратегических исследований Администрации Президента РК [7].

Ученые Казахстана с различных позиций рассматривают процесс формирования и проявления массового сознания в нынешнее переломное время. По мнению Т. Асанова и Г. Шерьяздановой, важнейшей чертой казахского народа является авторитарность мышления, которая выступает здесь как целостная характеристика глубинного понимания морального истока власти у кочевников и авторитета как единственного ресурса власти. Анализируя типологию политических культур, авторы приходят к выводу, что Казахстан как страна, переживающая радикальную модернизацию, находится в состоянии изменения политических ценностей и политической культуры [8]. Из существующих трех типов политической культуры – подданнической, патриархальной и активистской, Казахстану присущ в большей степени патриархально-подданнический тип (безусловная подчиненность людей существующему порядку вещей в области властных отношений при минимальном участии в политической жизни общества). Данный тип культуры характерен для тоталитарных и авторитарных режимов. В период «развитого социализма» этот тип политической культуры преобладал, так как более всего соответствовал идеологии приспособленчества, конформизма того времени. Патриархальный тип культуры присущ традиционным, доиндустриальным обществам с низким уровнем политичес-

кого сознания вообще и политических знаний в частности. Этот тип характеризуется аполитичностью, политической неосведомленностью и безграмотностью. Активистский тип политической культуры отличается развитостью гражданского самосознания, индивидуализмом, знанием своих прав, политической осведомленностью и включенностью в политическую жизнь общества [9].

В условиях рыночной модернизации и направленности политической трансформации в демократическое русло в Казахстане происходит обратный процесс патриархализации политической культуры, что можно утверждать, опираясь на социологические данные. По внешней, официальной направленности на демократизацию нашего общества происходит усиление политической безучастности, апатии, неверия и неосведомленности. Причины этого следует искать в наследии тоталитарного прошлого, конформистской, пассивной идеологии «винтика» в общественных отношениях.

Л. Адилова связывает существенные различия ценностных ориентаций граждан в политической жизни со спецификой восточных норм и традиций. Казахстанскому обществу, по ее мнению, свойственно признание главенствующей роли в политике элит и государства, предпочтение патронажа государства над личностью, доминирование ценностей корпоративизма, тяготение к авторитарному типу правления, поиску харизматического лидера, сакрализации (обожеествлению) правителей и их деятельности по управлению обществом [10].

Современную политическую безграмотность также можно считать слабостью политического просвещения. Политическая пассивность, отсутствие гражданской активности, неверие властям свидетельствуют об отсутствии политической мобилизации, умения и привычки к самоорганизации, о незнании способов выражения своих социальных интересов. Как известно, социальные интересы – это двигатель политических отношений. Неумение и объективное отсутствие способов, содействующих формированию механизмов выражения своих интересов через политические партии, общественные организации и движения, являются основным тормозом демократизации нашего общества. При такой тенденции патриархализации политической культуры формирование основ демократии и дальнейшая демократизация общества будет

оставаться проблематичной. Ключом к побуждению политической жизни, индивидуализма и гражданской инициативы являются коренные преобразования в экономике, введение и расширение института частной собственности.

Ж. Джунусова считает, что мнение об отсутствии или низкой политической культуре является некорректным. Политическая культура всегда присутствует в обществе, важно только выяснить, какой ее тип преобладает. Для коренного этноса казахов во многом была характерна традиционная политическая культура, в которой не существует специализированных политических ролей. Члены общества знают о существовании политических институтов (государство, право, политические движения), даже испытывают по отношению к ним определенные чувства – неприязнь, гордость и так далее, могут оценивать их как законные или незаконные, но отношение к политической системе в целом носит пассивный характер. Этот тип политической культуры бытовал с периода колонизации и был удобен властям все последующие десятилетия [11].

Известный ученый Н. Амрекулов предлагает учитывать цивилизационно-культурную особенность казахов, их посткочевую ментальность как индивидов, не имевших длительных традиций напряженного (земледельческого или промышленного) труда, развитой культуры предпринимательства и этики самоотверженной капитализации накопленного богатства, его производительного использования. Помимо этого, казахи наследуют традиционную толерантную ментальность кочевников, которые прибегали в спорных, тяжелых случаях не к насилию или кровной мести, а к мирным, консенсусным формам штрафов через бийские суды и другие традиционные институты [12].

Действительно, в политических и социальных действиях, направленных на массы людей, учет фактора ментальности становится совершенно необходимым. Под менталитетом, на наш взгляд, необходимо понимать совокупность формальных и неформальных норм, стереотипов сознания, поведения и общения, образа мыслей и самосознания индивида, отражающих систему ценностей, традиций и привычек, национальных и иных особенностей, присущих в целом той или иной социально-демографической группе населения или жителям данной местности. По сути дела, менталитет – это

регулярно воспроизводимый и внутренне непротиворечивый способ восприятия окружающей действительности, сложившийся у той или иной части населения и принимаемый этой частью населения как истинный, правильный.

Тип политической культуры непосредственно влияет на тип политического сознания и степень гражданской самоидентификации. По мнению казахстанских исследователей, существуют два основных типа политического сознания в нашем обществе – либеральный и неокommунистический. Текущий процесс капитализации отношений порождает конфликт ценностей, вытекающий из противоречия политического настоящего и прошлого. Основа противоречия между либеральной и неокommунистической позициями, по их мнению, лежит в разнице отношения к ключевому понятию в политике – власти. Либерально-демократическому типу политического сознания, опосредованному через отношение к власти, присущи следующие черты:

1. Активистская политическая культура.
2. Эгалитаризм – черта, определяющая равенство стартовых условий роста.
3. Индивидуализм, жесткий прагматизм [13].

Подданническая же политическая культура основывается на отчуждении себя от власти, рассмотрения себя не как субъектов, а как объектов властных отношений. Подданничество определяет и следующие за ним черты – патернализм, отход от участия во властных отношениях и возложение ответственности на сильную государственную власть. Патриархализация также вытекает из отчуждения от власти и нежелания вмешиваться во властные отношения. Отчуждение от власти происходит при рассмотрении себя как части довлеющего общего интереса, т.е. коллективизма. Вывод из данного анализа сопоставления типов политической культуры заключается в том, что для формирования активной гражданской позиции, гражданской самоидентификации необходимо изменить отношение к ключевому понятию в политике – к власти.

Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев подчеркивал, что в переходный период «все общественные преобразования необходимо осуществлять в соответствии со сложившейся психологией и традициями народа, с обязательным учетом рудиментов прежнего тоталитарного режима в нашем

сознании и поступках, от которых невозможно быстро освободиться, как бы нам этого не хотелось» [14].

На основе результатов республиканского социологического опроса, проведенного Институтом развития Казахстана («Устойчиво ли развитие Казахстана?») авторами делается вывод об уровне политизированности в нашем обществе [15]. Среди приоритетных вопросов социальной озабоченности граждан выделяются в первую очередь озабоченность расширением криминальности общества, проблемы экономики и социального обеспечения, а затем только вопросы политики и проблемы национальных отношений. Опрашиваемые отмечают большой уровень пассивности, авторитарность политического мышления, что подтверждает высказанный нами тезис о наличии у нас патриархально-подданнической политической культуры. Среди казахстанцев согласны выйти на митинги протеста только 31,3% граждан, да и то только с местными властями. Количество постоянных участников в политических выступлениях – 11,6%, из них самые активные – 5,4%. Остальная часть граждан не настроена на активное участие в политических действиях. Из этого можно сделать вывод о низкой политической мобилизации, агрегированности социальных интересов граждан, слабой структурированности социальных интересов. Таким образом, среди казахстанцев в большей степени существует не «интерес к политике, а, скорее, лишь обеспокоенность ею».

Снижение интереса к политике, нежелание идентифицировать себя с теми или иными политическими силами, разбираться в их расстановке, участвовать в политической жизни, при сохранении эгалитарных настроений, можно, на наш взгляд, рассматривать не только как признак низкой политической культуры и неразвитости политического сознания, но и как тенденцию проявления охранительного инстинкта.

Представляют интерес выводы, сделанные на основе социологических исследований по анализу структуры массового политического сознания в Казахстане, где рассматривался вопрос о преобладании типа политического сознания в Казахстане [16]. Анализ проводился, исходя из пяти гипотетических типов политического мышления: либерального, демократического, коммунистического, правоавторитарного и национального. Итогом социологического

анализа явилось выявление двух основных типов политического сознания – либерально-демократического и левоавторитарного, из них большее распространение имеет левоавторитарный (неокоммунистический тип). Под левым авторитаризмом понимается политика контроля со стороны государства над экономикой, возврат к этатистско-эгалитарной модели с определенными атрибутами демократии в виде свободы слова, совести и других либеральных прав. Особую значимость представляет изучение политической активности, политических настроений и политического сознания населения Казахстана. Е. Бабакумаров подчеркивает, что в казахском обществе интересы по отношению к политическому строю структурировались в трех уровнях:

Во-первых, коррекция курса проводимых реформ в сторону ее большей социализации.

Во-вторых, усиление либеральной направленности реформ и модернизации страны.

В третьих, стабилизация существующего политического режима [17].

В марте 1996 г. Институтом развития Казахстана был проведен общереспубликанский социологический опрос взрослого населения по всем областям республики и г. Алматы по репрезентативной выборке общим массивом 3000 респондентов. Вопросы были составлены таким образом, чтобы охватить основные типы политического сознания, присущие казахстанскому обществу. Как показал опрос, в структуре массового сознания наблюдается противоречивость, выражающаяся в ярком дисбалансе экономического и политического его компонентов. Если в экономических вопросах доминирует коммунистический подход, то в политике – демократический.

42% опрошенных считают, что государство должно управлять всей экономикой в интересах сохранения общего социального равенства. За исключением 3% либералов и 14% затруднившихся ответить, абсолютное большинство населения одобряет вмешательство государства в экономику в различных формах. В пользу преобладания частной инициативы при различных вариантах этатизма и без него высказались 33% респондентов. С антирыночных позиций выступили 53% опрошенных. Таким образом, значительная часть населения Казахстана не готова к отходу

государства от активной регулирующей роли в экономике.

При выборе оптимального типа собственности наибольшей поддержкой все еще пользуется коммунистический подход (37%). В то же время 11% опрошенных считают, что частная собственность приведет страну к процветанию, а 31% респондентов выступают за преобладание частной собственности в сочетании с государственной. На основе этих данных можно констатировать, что в республике существует примерный паритет сил сторонников частной и государственной собственности.

29% населения однозначно не согласны на установление режима «жесткой руки» и столько же респондентов согласны – только в случае соблюдения прав человека при реальной угрозе массового кровопролития. Идея наведения «железного» порядка для возврата к прошлому популярна у 12% респондентов, в целях поддержки рыночных преобразований – у 11%, в целях поддержки нации – у 8%. Следовательно, поддержка либерально-демократических требований соблюдения прав человека может быть оказана в зависимости от обстоятельств 30 – 60% населения республики, а база для установления «железного порядка» составляет как минимум 8%, как максимум – 60%.

В вопросе необходимости многопартийности и политических свобод либерально-демократический курс поддерживает подавляющее большинство опрошенных (67%). 2% респондентов отрицательно относятся к демократическим свободам, так как «они угрожают перспективе рыночных преобразований» (правый авторитаризм) и 7% также относятся отрицательно, так как «происходит деление единой народной воли на части» (коммунистический тип сознания). Отсюда следует, что политика свертывания демократических преобразований и наступления на права человека найдет отрицательный отклик у большинства населения.

По отношению к процессу углубления социального неравенства, 33% респондентов считают необходимым возврат к коммунистической модели государственного регулирования доходов, 12% негативно смотрят на социальную дифференциацию по причине раскола их этноса на богатых и бедных, 20% относятся к расслоению как к естественному процессу, и 24% поддерживают создание государством равных стар-

товых возможностей без гарантии равенства результатов. Таким образом, модели государства – «ночного сторожа» и государства «всеобщего благосостояния» находят примерно равную поддержку населения.

Сравнительно низкий удельный вес неопределивших свое отношение к углублению социального неравенства и установлению «железного порядка» является косвенным свидетельством актуальности данных проблем и обостренности их восприятия массовым сознанием. Указанный фактор значительно снижает поле для маневра в данных вопросах, так как подавляющее большинство населения уже определилось во мнениях.

Исследование показало существование сильной установки на «авторитаризм наоборот», т.е. на свободную политическую сферу при несвободной экономической, иными словами – на неокоммунизм. Электорат неокоммунистических сил может составлять 37-42%, а ортодоксальных коммунистов – 7-12%. При примерно равной доле сторонников «железного порядка» правого, левого и национального толка, неокоммунистический сценарий развития политического процесса имеет определенные перспективы.

Наиболее яркими линиями дифференциации структуры политического сознания являются уровень образования, возраст и род занятий. Неокоммунистическому варианту развития отдают предпочтение преимущественно лица старше 50 лет, с начальным и средним образованием, рабочих профессий. Данные категории населения составляют потенциальный электорат неокоммунистов. Напротив, курс реформ находит наибольшую поддержку у более образованных и более молодых.

Вышеуказанное противоречие между экономическим и политическим компонентами массового сознания обуславливает структуру формирующейся оппозиции курсу проводимых реформ. В политической сфере основная критика будет исходить «справа» под лозунгами демократии и соблюдения прав человека, а в экономической сфере – «слева» под лозунгами возврата к коммунистической модели экономики и социальной стратификации. Все это может привести к многовариантности развития политического процесса в Казахстане с точки зрения ее легитимности в глазах общественного мнения, к формированию двусторонней структуры оппозиции реформаторскому курсу и к усилению,

прежде всего, неокоммунистического крыла оппозиции.

В 1999 году в Казахстане прошли президентские и парламентские выборы. Экспертная группа VIProblem выявила наиболее острые проблемы казахстанского общества, позволяющие мобилизовать электорат во время выборов. Согласно экспертному опросу, к таковым относятся:

- 1) бедность населения (92% ответивших респондентов);
- 2) безработица (78%);
- 3) высокий уровень преступности (62%);
- 4) деградация малых городов и сел (60%);
- 5) экологическая обстановка (51%);
- 6) снижение культурного уровня населения, его маргинализация (48%);
- 7) проблемы демократизации общественных процессов (16%) [18].

«Невооруженным взглядом заметно, считает М.Машан, – что данный перечень более выгоден оппозиции, которая может обвинить правящую элиту и лояльные политические партии в некомпетентном администрировании» [19]. Мы солидарны с этой точкой зрения, хотя структура массового политического сознания характеризуется разорванностью, противоречивостью, способностью к быстрым, неожиданным изменениям, что особенно остро проявляется именно в период выборных кампаний.

Представляя собой систему ценностных ориентаций по отношению к власти, политического опыта и традиций, политическая культура казахстанского общества относится к смешанному типу с преобладанием на настоящий момент элементов подданнического типа. Для него характерны персонализация власти, скорее монистические, чем плюралистические представления о форме государственности. На бытовом уровне распространены предпочтения на роль государственного лидера «сильной личности», «твердой руки» и т.д.

Сегодня необходим комплексный анализ главных составляющих, главных факторов формирования и выражения массового сознания казахстанского народа. По нашему мнению, наиболее важными доминантами, оказавшими и оказывающими решающее влияние на судьбы самосознания нашего народа, являются следующие факторы:

- 1) исторический (историческая память народа, представление об общности происхождения и общности исторических судеб);

- 2) политический (связанный с формированием казахстанской государственности);
- 3) культурный (казахстанская культура во всех ее структурных элементах);
- 4) социальный (социальное самосознание является противоречивым, поскольку в нем отражаются интересы и самосознание различных социальных слоев и классов;
- 5) нравственно-психологический (национальная психология);
- 6) этнический (связан с отношением к другим народам и нациям, другим этносам).

Основным противоречием современного этапа развития казахстанского общества стало противоречие между традиционными ценностями и ценностями формирующимися, адекватными рынку и социальной демократии. Реальность такова, что в переходном обществе сосуществуют различные, нередко взаимоисключающие друг друга социальные субкультуры, например, в молодежной среде имеются легитимные и неконвенциональные формы политической деятельности, мирные и насильственные виды политического участия. Следует учитывать уровень политической культуры в ее национальном, этническом измерении, психологические факторы в сознании и поведении индивидов и социальных групп, наличие альтернативной политической культуры, большие трудности политической социализации и в целом вхождения в общество подрастающего поколения.

В последние годы происходит устойчивый сдвиг в размытии традиционных для казахов ценностей, которые столь долгое время сохраняли устойчивость в новом социуме, что казались инвариантными по отношению к нему. Однако устойчивость ценностных систем была связана скорее с их инерционностью и отношением населения к происходящим переменам как к временному явлению. Осознание долговременного характера последних привело к началу серьезных сдвигов в ценностных системах казахстанцев, которые только начинают разворачиваться. Наиболее ярко начавшийся сдвиг в ценностных системах проявился в ценностях, связанных с материальными факторами. В последние годы начинают достаточно активно работать такие факторы, как отношение, в том числе опосредованное наймом, к различным формам собственности, причем люди с наиболее типичной для Казахстана ментальностью оказываются в ходе этой стратификации в более неблагоприятном положе-

нии, чем носители западной индивидуалистической ментальности.

До тех пор пока не достигнуто воплощение нового режима в ценности и идеалы, которым предано население, институциональная реорганизация посткоммунистического государства не может считаться завершенной. Если демократические институты и экономические ресурсы могут быть «трансплантированы» извне (либо их введение облегчается, а их устойчивость обеспечивается позитивными и негативными санкциями, предназначенными для поддержания и укрепления новых демократических режимов), то «дух народа» или «ментальная запрограммированность» общества, необходимые для приведения в действие механизмов новых институтов, не столь легко поддаются внешней интервенции» [20].

Становление устойчивого гражданского общества не может быть инициировано извне. Очевидно, что формирование политической и культурной модели гражданского доверия и самоопределения в многонациональном государстве может быть ускорено до некоторой степени в рамках правового регулирования. Однако сами по себе правовые нормы, в конечном итоге, не могут создать подобных моделей, моральные и культурные составляющие которых не являлись бы заимствованными.

Анализ социологических исследований позволяет выделить следующие особенности казахстанской политической культуры:

- 1) значительные политические, идеологические и культурные различия областей страны и города Алматы. Они обуславливаются политическими, экономическими и этническими различиями между крупнейшими южными, северными, западными, центральными и восточными регионами Казахстана;

- 2) в условиях постсоветского Казахстана с наличием огромной русской диаспоры, существенную роль играет этнический фактор. Сегодня этничность, помимо культурной функции, в силу объективных причин играет также роль механизма политической мобилизации граждан. На основе этнического фактора происходит образование общественно-политических организаций, осуществляется социально-культурная политика, существует латентное межгражданское противостояние. В массовом сознании занятие государствен-

ных или иных должностей зачастую связывается с этнической принадлежностью лиц, их занимающих, а не с их деловыми качествами;

- 3) отсутствие солидарного общественного мнения, когда политические группировки формируются не по социально-классовому принципу, а имеет место кланово-корпоративный характер политических отношений. Следствием традиционной политической культуры является ситуация, когда ее носители латентно обращаются в сторону более ограниченной политической подсистемы: этнос, местность, конфессия и т.д.;
- 4) отсутствие традиций согласования интересов как следствие субкультуры подчинения, низкий уровень политической активности населения.

Прослеживается дифференциация социально-психологической напряженности в различных регионах Казахстана. Так, ситуация в приграничных с Россией областях не только в целом отлична от ситуации в других регионах страны, но и внутренне дифференцирована. Это видно из анализа данных социологического исследования в разрезе отдельных областей, проведенного информационно-аналитическим центром Администрации Президента Республики Казахстан в середине 90-х годов (для сравнения приводятся также данные по г. Алматы).

Общий психологический фон по областям позволяет дифференцировать их по степени социальной напряженности (см. Табл. 1). Оптимизм как наиболее позитивный социальный настрой характерен в наибольшей степени для жителей Семипалатинской и

Павлодарской областей. Данная тенденция обретает большую четкость, если брать в сумму ответы респондентов, отметивших, что преобладающим настроением у них в настоящее время являются оптимизм и спокойствие. В Павлодарской области таких 40,8%, в Семипалатинской -35,1%. Меньше всего испытывают оптимизм и спокойствие респонденты, проживающие в Северо-Казахстанской области - 21,2%, Восточно-Казахстанской области - 21,4%, Кустанайской области - 23,1%. Респондентам этих областей в наибольшей степени присуще состояние беспокойства и неуверенности. Здесь выделяется Восточно-Казахстанская область, 61,3% жителей которой обеспокоены своим сегодняшним положением [21].

Динамика социального самочувствия респондентов данного региона представлена в таблице 2. Данные таблицы показывают, что с 1993 года идет уменьшение доли людей, находящихся в пограничном состоянии озлобленности и отчаяния и увеличение тех, кто испытывает беспокойство и неуверенность, ставшими преобладающим настроением большинства жителей этого региона.

Мониторинг развития социально-политической ситуации в Республике Казахстан (апрель 1999 года) показывает достаточно высокий уровень социальной напряженности. Динамика развития ситуации в первом квартале 1999 года определялась событиями финансово-экономического плана: пересмотром бюджета на 1999 год и девальвацией национальной валюты. Главный фактор повышения уровня социальной напряженности - это невыплаты зарплат и пен-

Таблица 1.

Социальное самочувствие населения приграничных с Россией областей

	Оптимизм	Спокойствие	Беспокойство	Озлобленность	Затрудились ответить
Восточно-Казахстанская	8,7	12,7	61,3	10,7	6,0
Западно-Казахстанская	12,3	18,5	50,8	19,2	0,8
Кокшетауская	13,4	14,2	58,3	13,4	0,8
Кустанайская	10,1	13,0	51,5	18,3	7,1
Павлодарская	17,1	23,7	47,4	7,9	5,3
Семипалатинская	17,2	17,9	54,5	6,0	4,5
Северо-Казахстанская	7,8	12,4	50,4	17,1	11,6
Для сравнения-г. Алматы	8,9	18,9	48,9	21,1	2,2

Таблица 2.

Динамика социального самочувствия населения приграничных с Россией областей [2 2].

	Июль 1993г.	Ноябрь 1995г.	Апрель 1996г.	Июль 1996г.
Оптимизм, уверенность, спокойствие	20,9	13,7	24,2	28,3
Беспокойство, неуверенность	27,6	43,6	63,8	53,0
Отчаяние, озлобленность, тревога	47,5	25,9	12,0	13,9

сий. Однако развитие социально-политической ситуации в целом обусловлено целым рядом факторов: политическими (завершение президентских выборов, ожидание перемен, смены правительства, корректировки курса реформ, глобальных внутренних и внешнеполитических инициатив); экономическими и социальными (бюджетный кризис, обострение ситуации в сфере выплаты пенсий, сокращение штатов в бюджетных организациях, реорганизация в системе здравоохранения и др.); этническими (дестабилизирующее воздействие акций протеста курдского населения, рост этноконфликтного потенциала в среде активистов уйгурского национально-культурного центра и др.) [23].

Заслуживает внимания дифференциация политической активности населения. Социально-психологическая напряженность, обусловленная низким уровнем доходов и несвоевременной выплатой заработной платы, канализируется по трем основным направлениям:

- 1) поддержка деятельности оппозиционных политических партий и движений;
- 2) готовность к политическим акциям протеста;
- 3) готовность к выезду за пределы страны.

В областях с критическим социально-психологическим фоном поддержка оппозиционных партий и движений выше, чем поддержка лояльных правительству. В Северо-Казахстанской области компартию поддерживает 13,2% респондентов, казахский «Азат» – 3,9%, славянский «Лад» – 3,1%, соцпартию – 2,3%, в сумме 22,5%, в то время как пропрезидентский ПНЕК – 9,3%, пропрезидентскую Демпартию – 2,3%, в сумме – 11,6%. В этой же области примечателен низкий рейтинг казахских организаций – 0,8% и рабочего движения 0,8%. В Кустанайской области коммунисты также на 1 месте – 9,5%, но ПНЕК имеет 7,1% поддержки. При этом оппозиционные партии (Компартия, «Лад», «Азат», казахские организации, соцпартия, рабочее движение) имеют в сумме 21,5%, а проправительственные (демпартия, ПНЕК) – 10,7%. В Восточно-Казахстанской области почти одинаковой поддержкой

пользуются коммунисты – 9,3%, ПНЕК – 9,3%, и «Лад» – 8,7%. Наиболее критически по отношению к власти и в плане поддержки оппозиционных партий настроено население Западно-Казахстанской области: Компартия – 16,2%, казаки – 6,9% (самые высокие показатели по региону), «Лад» – 5,4%. Если прибавить сюда рейтинг соцпартии – 2,3% и «Азата» – 2,3%, то в сумме оппозиция имеет здесь поддержку 33,1%, т.е. трети населения.

Почти такая же ситуация в Алматы, здесь симпатии респондентов поделили коммунисты – 15,6% и «Азамат» – 14,4%, еще 40% негативно относятся ко всем партиям, а 27,8% затруднились с ответом. Из числа лояльных партий только ПНЕК имеет 3,3%. В Кокшетауской области наибольшей поддержкой пользуются коммунисты – 14,2% и ПНЕК – 8,7%.

Благополучные области – Павлодарская и Семипалатинская выделяются по степени поддержки оппозиционных и проправительственных партий. В Павлодарской области уникальность ситуации в высокой политической активности населения – многие партии здесь имеют достаточно высокий рейтинг. Хотя коммунисты здесь имеют 14,5% поддержки и «Лад» – 5,9%, вместе с тем Демпартия имеет 7,2%, ПНЕК – 6,6% и Народный Конгресс Казахстана – 5,3% (НKK традиционно относится к умеренной оппозиции, но в стратегическом курсе солидаризуется с властью). В сумме основные оппозиционные партии имеют 20,4%, а проправительственные – 19%, т.е. примерно равное количество сторонников.

Еще более рельефная картина в Семипалатинской области. Здесь ПНЕК имеет 19,4% поддержки (абсолютно высокий показатель среди всех партий и областей), НKK – 6,7% и Демпартия – 5,2%. Компартия пользуется поддержкой 8,2% населения, а «Лад» и «Азат» – всего по 0,7%. Данные мониторинговые исследования убеждают, что даже в случае ухудшения социально-экономической ситуации нынешние оппозиционные организации не способны аккумулировать протестные ожидания населения.

Другим показателем уровня социальной напряженности является готовность участвовать в акциях протеста. Анализируя данные социологического исследования по этому вопросу, можно прийти к двум выводам: наиболее критическими по степени напряженности являются Северо-Казахстанская, Восточно-Казахстанская и Западно-Казахстанская, а также Кокшетауская области. И наиболее острой проблемой является проблема задержек выплат заработной платы и пенсий. Более 50% респондентов этих областей готовы к акциям протеста из-за задержек с выплатами.

В Северо-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Кокшетауской и Кустанайской областях проблема бесперебойного обеспечения электроэнергией, водой, газом и теплом является для населения второй по значимости причиной возможного участия населения в акциях протеста. Здесь каждый третий высказал готовность к участию в акциях протеста, если данная проблема не будет решаться. А в Кокшетауской области почти половина жителей (44,9%), и среди них в основном жители сел и малых городов (52-57%) недовольны энергообеспечением и эта проблема является перманентной, стержневой в потенциальном конф-

и смене гражданства. Взгляды представителей различных национальностей на причины выезда граждан на постоянное место жительства имеет существенную разницу. Казахи видят причины выезда сограждан в следующем: низкий уровень зарплаты, выезд на историческую родину, поиски работы. Русские видят следующие причины выезда: неуверенность в будущем детей, отсутствие социальных перспектив, ущемление национальных прав [25].

Проведение масштабных и коренных преобразований в обществе сопровождается ростом социальной напряженности. Это своеобразный индикатор кризисного состояния общества. Современная сложная социально-экономическая ситуация, заключающаяся в росте массовой безработицы, сохранении значительных темпов инфляции, кризисе неплатежей, наличии огромных просроченных сумм по заработной плате и пенсиям, сказывается на оценке хода реформ населением (см. Табл. 3).

Большинство населения не видит реально ощутимых результатов реформ, как в масштабах республики, так и области. Согласно табл.1 48,9% респондентов считают, что экономические реформы в Казахстане пока

Таблица 3. Оценка хода экономических реформ (в %)

	В Казахстане	В Вашей области	В России
Реформы дают положительные результаты	9,8	8,3	10,9
Реформы пока ничего не дают	48,9	48,7	36,6
Реформы дают отрицательные результаты	25,9	28,1	14,0
Затруднились ответить	15,2	14,5	37,8

листе. В то время как в Павлодарской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областях (области, имеющие собственные источники электроэнергии) эта проблема не так остра.

В благополучных Семипалатинской и Павлодарской областях – другая картина. В данных областях второй по значимости проблемой явилось ущемление гражданских прав 33,6% и 28,9% соответственно (первой – задержка с заработной платой).

К участию в политических акциях может подтолкнуть и ущемление национальных интересов респондентов. Так в Семипалатинской (20,9%), Кокшетауской областях (15,0%), Восточно-Казахстанской областях (13,3%) респондентов этот вариант поставили на третье место [24].

Важным индикатором социально-психологического состояния населения является вопрос о гражданстве и стремлении к выезду

ничего не дают. Аналогичная оценка дается ходу реформ в областях (48,7%). Более четверти населения считает, что реформы в республике и в области дают отрицательные результаты (соответственно – 25,9% и 28,1%). Наибольший процент респондентов, оценивающих ход реформ в республике как отрицательный, – в Семипалатинской области (34,8%), в г. Алматы (33,7%), в Кустанайской области (28,2%). Что касается оценки хода реформ на областном уровне, то они крайне отрицательно оцениваются в Семипалатинской области (53,8%), что почти в 2 раза превышает общереспубликанский показатель.

Изучение массового сознания в переходный период убеждает, что самый тяжелый и долговременный просчет в ходе реформирования – извращение социального порядка, вызванные властными действиями или бездействиями. Низкая социальная отдача проводимых

преобразований подрывает веру населения в способность органов власти решить наиболее актуальные социально-экономические проблемы. Это напрямую связано с оценкой деятельности Правительства, Парламента и местных властей по улучшению экономической ситуации в республике.

Почти половина респондентов считают, что не способствует улучшению экономической ситуации в республике деятельность Правительства (45,5%), деятельность Парламента (43,5%), деятельность местных властей (41,2%). В разрезе областей наиболее негативно оценивается деятельность Правительства в Кустанайской области (51,7%) и г. Алматы (51%), деятельность парламента в г. Алматы (59,2%) и Семипалатинской области (47,8%), деятельность местных властей в Семипалатинской области (63,0%, г. Алматы (52,0%), Акмолинской области (45,7%)²⁶.

Успешность реформирования общества в значительной мере зависит от того, насколько безболезненно населению удастся адаптироваться к новым социально-экономическим условиям. Как показывают данные опроса, население разбивается на три категории по степени адаптированности к новым экономическим отношениям.

Наиболее многочисленной является категория населения, характеризующаяся средней степенью адаптации. От адаптировавшихся они отличаются большей критичностью в оценке влияния реформ на их жизнь. Но критичность их умеренна. В отличие от лиц с низкой адаптацией они более оптимистичны, наряду с трудностями отмечают положительные изменения.

Согласно проведенного опроса, численность данной категории составляет примерно 40-45% респондентов. Каждый десятый от числа опрошенных респондентов сменил место работы и специальность, почти 8% респондентов занялись мелкой коммерцией,

такую же долю составляют лица, сменившие место работы и сохранившие специальность, по 4% респондентов начали учиться и взяли дополнительную работу по специальности. Незначительный процент составляет лица с высокой степенью адаптации, которые предприняли действия, требующие дополнительных материальных затрат и моральных усилий. В эту группу входят те, кто за последние 2-3 года открыли свое дело (3,9%), начали осваивать новую специальность (3,3%). Низкая степень адаптации отмечается у более чем 36% респондентов. Данная группа респондентов заявила о том, что ничего не предпринимали в плане улучшения своих жизненных условий за последние 2-3 года.

Социально мобильнее лица моложе 30 лет, так как они менее зависимы от сложившегося образа жизни, профессии, должности, значительная часть этих людей находится под опекой родителей. Адаптация обследуемых старше 50 лет в значительной мере облегчена у них и их детей наличием определенных материальных (квартира, мебель, машина и т.д.) и нематериальных (профессия, квалификация) благ, с которыми они входят в рынок. Среди тех, кто ничего не предпринимал для решения жизненных проблем за последние 2-3 года лица старше 55 лет, в основном это пенсионеры (55,6%) и работники государственного управления (49,1%).

Наиболее часто низкая адаптация диагностировалась у обследованных рабочих и инженерно-технических работников, занятых, прежде всего, в промышленности. На степень адаптации положительно влияет уровень образования – чем он выше, тем чаще отмечалась высокая степень адаптации. Хотя и здесь есть свои особенности. Психологический механизм адаптации интеллигенции (врачи, учителя) осложняется двумя тенденциями: с

одной стороны они довольны демократическими преобразованиями, с другой – находятся в состоянии дискомфорта, так как оказались на периферии внимания социальной политики государства.

Экономические трудности являются одним из факторов, влияющих на формирование миграционных настроений. Приняли решение выехать за пределы республики 10% опрошенных респондентов. В совокупном выражении данную группу составляют 3,2% казахов, 14,5% русских и 20% представителей других национальностей. В социально-профессиональном плане в эту категорию входят 13,4% служащих, 12,5% рабочих сельских, фермерских хозяйств, 12,5% безработных, 12,2% рабочих промышленности, 6,8% пенсионеров.

Уровень социальной адаптации напрямую связан с настроением и психологическим состоянием респондента. Наиболее характерным для психологического самочувствия большинства населения является состояние постоянного дискомфорта. Почти 50% респондентов испытывали за последние 3 месяца напряжение, раздражение, 21,5% – страх, тоску. Положительные эмоции характерны лишь небольшой части опрошенных. Около 16% респондентов заявили, что им присуще в настоящее время нормальное, ровное настроение, и только 2,1% – прекрасное.

Результаты опроса показывают, что высокая степень дискомфорта отмечается у групп с низкими социально-статусными позициями. Так, постоянно находятся в состоянии напряжения, раздражения больше 57,6% пенсионеров, 56,5% рабочих промышленности, 55,1% служащих. Наибольшее число респондентов, испытывающих страх и тоску среди работников государственного управления – 29,8%, ИТР – 26,5%, безработных – 26,3%.

Удовлетворенность своим положением присуща в первую очередь тем группам, которые активно участвуют в проводимых преобразованиях: предприниматели, студенты, занятые индивидуально трудовой деятельностью. Среди них показатель психологического комфорта составляет в среднем 35-45% [28].

В анализе массового сознания существенное значение имеет этнический фактор. Для всех этнических групп мир и спокойствие в республике является главной ценностью. Изучение палитры ценностных ориентаций

демонстрирует наличие ряда тенденций. Если у казахов продолжают процессы национальной консолидации (высокие показатели доверия к властям, общего психологического восприятия ситуации, определенная поддержка политического курса на формирование национального государства), то у русских заметно усиливается дифференциация настроений и ориентаций в зависимости от оценки своих перспектив. Чем выше социальный потенциал индивида (ресурсы молодости, образования, собственной предприимчивости и активности, мобильности), тем чаще его характеризуют позитивные оценки положения вещей и демократические ориентации. И, напротив, ухудшение прежнего высокого положения, субъективное понимание невозможности адаптироваться к новым условиям существования в национальном государстве, ведет к усилению ностальгических чувств по отношению к старому порядку и жизни в СССР, пророссийским ориентациям, поддержке русских и сепаратистских движений, недоверию к политике республиканских властей.

По результатам исследований, проведенных Центром исследований русских меньшинств в странах ближнего зарубежья, потенциал самоорганизации, то есть реальные ресурсы политического действия русских в Казахстане, крайне невелик. «На себя» надеются всего 7% («сами русские») и еще 3% – славянские республиканские общественно-политические организации. В качестве основных форм борьбы за свои интересы респондентами видятся в первую очередь различные апелляции, обращения к республиканской (31%) или российской власти (22%), международным организациям (9%), кампании в прессе и на телевидении (17%). Активные действия – митинги, пикеты, демонстрации протеста, тем более забастовки или открытое сопротивление властям кажутся респондентам слишком радикальными средствами (их отметили, соответственно, 9% и 3% опрошенных). Собственно, политическая деятельность – объединения в партии и общественные организации, способные провести в законодательные органы представителей своих интересов, создание землячеств и т.п. – называются меньшим числом респондентов (18%). При том, что «никакие действия и меры не принесут успеха», считают 22% опрошенных [29].

По мнению Б. Абдыгалиева, реальному сплочению русских препятствует культура советского политического патернализма, сла-

Таблица 4.

Что вы предприняли для решения жизненных проблем в последние 2-3 года? (в %) [27].

Сменили место работы и специальность	10,0
Сменили место работы, сохранив специальность	7,6
Занялись мелкой коммерцией	7,6
Взяли дополнительную работу по специальности	4,0
Начали учиться	4,0
Открыли свое дело	3,9
Начали осваивать новую специальность	3,3
Перешли с госпредприятия в частную фирму	3,2
Приняли решение выехать за пределы Республики Казахстан	10,0
Не возникло необходимости что-либо предпринимать	11,6
Ничего не предприняли	36,2

бость гражданского осознания необходимости участия в политической жизни, общее недоверие к политическим лидерам, кроме Президента Казахстана, еще сохраняющего персональный авторитет, апатия и чувство индивидуальной беспомощности перед социальными силами. Поэтому при всем росте недовольства нынешняя поддержка русских общественно-политических организаций довольно слаба и едва ли (если со стороны властей не начнется массовая активная силовая политика против русских и казахских организаций и движений) примет масштабные формы. Если русских (помимо общей с казахами озабоченности снижением уровня и качества жизни, безопасностью, неуверенностью перед будущим) тревожит потеря ими своего прежнего статуса, то казахов, в большей степени, чем русских, заботят условия жизни нации и обстоятельства формирующегося национально-государства (моральное и правовое состояние общества и его политических институтов, развитие национальной культуры, разрушение природной среды, поддержание необходимого уровня здравоохранения, воспитание подрастающего поколения и т.п.). Общие оценки удовлетворенности условиями своей жизни у русских и казахов различаются весьма значительно – 23% и 41% соответственно. Б. Абдыгалиев делает следующий вывод: «Характер различий обусловлен, думается, двумя обстоятельствами: более высокой оценкой прежнего социального статуса у русских, их более высоким уровнем запросов и негативной оценкой нынешнего положения, а также существенно большей озабоченностью своим будущим» [30].

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы и предложения.

1. Исследования ценностных ориентаций должны вестись в рамках цивилизационного подхода и учитывать как специфику менталитета представителей различных цивилизационных ареалов, так и особенности переживаемого данным обществом этапа развития, особенно если это общество находится в процессе трансформации.

2. В Казахстане нет кризиса ценностей, связанного с трансформационными процессами, но в нем сосуществуют две различные модели ценностных систем, одна из которых тяготеет к постиндустриальной западной модели ценностей, а другая – к патриархально-коллективистской. Это связано, в значительной степени, с состоянием социально-экономического развития страны. Поэтому кризис, который переживает сейчас Казахстан, это не кризис

ценностей внутри каждого отдельно взятого человека, а столкновение разных парадигм мышления в вопросе о выборе путей дальнейшего развития страны, выборе между обществом традиционного типа и обществом, где в центре внимания находится индивид, а не общность.

3. Как показали президентские выборы, большинство населения даже в условиях тяжело переживаемых последствий реформ сделало выбор в пользу современного типа общества, имеющего перспективы в условиях динамично меняющегося мира. Однако, как еще раз подтвердили выборы, население страны далеко не однородно по своим ценностным ориентациям. В разных регионах и разных возрастных группах его глубинная психологическая готовность к жизни в условиях реальной трансформации и модернизации общества далеко не одинакова, что чревато серьезными конфликтами при невнимании к этой стороне проблемы со стороны власти.

Нельзя проводить прямую связь между улучшением (ухудшением) экономики и общественным настроением. Сознание неадекватно и несинхронно реагирует на объективные изменения. Благосостояние и удовлетворенность людей часто не совпадают. Здесь мы сталкиваемся с очередным парадоксом переходности: благосостояние населения на каком-то этапе начинает расти, а удовлетворенность его существующим положением – снижаться, что сказывается на непредсказуемых результатах выборов.

4. Исторические перемены вызывают огромное психическое напряжение народа. И, тем не менее, анализ президентских выборов показывает, что для казахстанцев не характерны массовые истероидные реакции на митингах и демонстрациях, в средствах массовой информации, постоянный поиск новых идеалов. Если для многих стран СНГ одной из самых ощутимых болевых точек стала неопределенность, которая воспринимается как бедствие, то казахстанцы восприняли эту неопределенность как шаг для собственного выбора. Социальный инстинкт народа говорит ему о том, что любые, резкие 180-градусные изменения, не решив старых проблем, создадут новые.

Поражение лидера коммунистов С. Абдильдина было предопределено по многим объективным причинам, главной из которых явилось то, что народ не принял программу «идеализации прошлого», программные ус-

тановки предельных обещаний. В ходе избирательной кампании даже для значительной части коммунистического электората стало заметно отсутствие у лидера коммунистов ясных ответов на прямой вопрос «как?».

Избиратели оказались глухи и к типу лидера прямого действия, предполагающего установку на решительное и скорейшее снятие наиболее болезненных проблем жизни большинства. Эту роль весьма неплохо исполнял на президентских выборах Гани Касымов и вариант «прямого действия» был привлекателен при первом появлении. Но по ходу избирательной кампании люди стали понимать, что простые решения непрактичны, а их обещания подозрительны. Они больше воспринимались как манипуляции для ловли голосов, чем как программа. Народ не поддержал стремление найти простые решения сложных проблем, обойти неизбежные трудности, сократить время на достижение желаемого состояния [31].

4. Можно с определенной уверенностью констатировать, что этап первичной адаптации казахстанского общества к новым реалиям пройден. Большинство граждан осознало тот факт, что начатые реформы, включая сопровождающие их кризисные явления, это не временное явление, что все это всерьез и надолго, и что, соответственно, необходимо искать свое место в новой системе отношений. В этом, по-видимому, кроются истоки сохранения социальной и политической стабильности, которые не смогли поколебать перманентно присутствующее социальное напряжение в обществе, различные социальные и внутривластные конфликты. Но тот факт, что эта адаптация не базируется на прочном экономическом фундаменте, а представляет собой скорее социально-психологический феномен, не дает гарантий того, что обществом не будут востребованы иные формы организации общественной жизни.

Отсюда наличие двух доминант общественных настроений – неудовлетворенности

ситуацией в стране и действиями властей и, со-ответственно, желание перемен. Однако это желание блокируется не меньшей, а может быть и большей тягой к стабильности, во избежание еще худшего варианта развития событий. Конъюнктура предвыборной борьбы лишь усилила эти настроения, придав им персонифицированный характер. Фигура Президента олицетворяла общественную стабильность. Таким образом, для массового сознания характерно не столько стремление к радикальным переменам, сколько к упорядочиванию ныне существующей социально-экономической и политической системы, приданию ей более справедливого характера, но такими методами и средствами, которые не требуют новой адаптации к ней.

5. Массовое сознание казахстанского общества характеризуется эклектическим сочетанием противоречивых представлений. Для него характерно отсутствие политико-идеологического комплекса, способного структурировать и рационально интерпретировать реальность, что создает потребность в формировании новой идеологической парадигмы, выступающей условием сохранения государственной идентичности и стабильности системы.

Недоверие к коммунистической идеологии, сформировавшееся вследствие ее догматизации и неэффективности в условиях новых социально-политических потребностей общественного развития, не означает полного вытеснения из общественного сознания ее основных объясняющих принципов, продолжающих свое существование в сочетании с ориентацией на либеральные, национальные и другие ценности.

6. Изучение массового сознания, общественных предпочтений накануне и в период выборов кампаний показывает, что Казахстан относится к ярко выраженному синкретическому обществу, где ценность человека определяется не столько его качествами, сколько принадлежностью к конкретному социальному целому: профессии, этнонации, классу, организации.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 См.: Политическая энциклопедия. – М., 1999. Т. 1. С. 673.
- 2 См.: Грушин Б.А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. – М., 1987. С. 12.
- 3 См.: Дилигенский Г.Г. Российский горожанин конца 90-х: генезис постсоветского сознания. – М., 1998; Тощенко Ж.Т. О парадоксах общественного сознания // Социологические исследования. 1995. № 11; Тощенко Ж.Т., Хорченко С.В. Социальные настроения. – М., 1996; Трансформационные процессы в России и Восточной Европе и их отражение в массовом сознании. – М., 1996; Ольшанский Д.В. Массовые настроения в политике. – М., 1995; Лапин Н.И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования. 1997. № 3.
- 4 См.: Кукушкина Е.И., Логунова Л.Б. Мирозрение, познание, практика. – М., 1989. С. 276.
- 5 См.: Сергеева Е.Я. Российский электорат: проблема выбора и участия. – М., 1996. С. 30.
- 6 Назарбаев Н.А. Идеиная консолидация общества – как условие прогресса Казахстана. – Алматы, 1993. С. 6.
- 7 См.: Жусупов С., Жусупов Б., Еженова К. Динамика общественных процессов в Казахстане (Анализ экспертных оценок). – Алматы, 1997; Динамика социальной напряженности в Республике (данные социологического опроса). – Алматы, 1997.
- 8 См.: Асанов Т., Шерьязданова Г. Пути и перспективы становления демократии в Республике Казахстан // Евразийское сообщество. 1998. № 2. С. 9.
- 9 Там же.
- 10 См.: Адилова Л. Институт «паблик рилейшнз» в сфере политики переходного общества Евразийское сообщество. Экономика, политика, безопасность. 1998. № 1. С. 6.
- 11 См.: Джунусова Х.Ж. Республика Казахстан: Президент. Институты демократии. – Алматы, 1996. С. 62.
- 12 Амрекулов Н. Пути к устойчивому развитию или размышления о главном. – Алматы, 1998. С. 142, 185.
- 13 См.: Асанов Т., Шерьязданова Г. Указ.соч. С.10.
- 14 Назарбаев Н.А. Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства. Алматы, 1992. С. 29.
- 15 См.: Бабакумаров Е.Ж., Жансугурова Ж.А., Кушалиева Г.А. Устойчиво ли развитие Казахстана? (социологический опрос) // Саясат. 1996. № 6. С. 3-22.
- 16 Бабакумаров Е.Н., Машанов М.С., Шоманов А.Ж. Возможные варианты развития политического процесса в контексте структуры массового сознания // Саясат. 1996. № 5. С. 3-22; Бабакумаров Е. Машанов М., Шоманов А. Неокommунизм как политическая реальность // Евразийское сообщество. Экономика, политика, безопасность. 1996. № 2. С. 68-109.
- 17 См.: Бабакумаров Е. Демократические и авторитарные тенденции и интересы в казахском обществе // Трансформационные процессы в России и Восточной Европе и их отражение в массовом сознании. С. 151.
- 18 Еженова К., Жусупов Б., Жусупов С. Активизация политических процессов: ответ на вызов времени или политический маневр? // Панорама. 1999. 18 июня.
- 19 Машан М.С. Политическая система Казахстана: трансформация, адаптация, целостности. – Алматы, 2000. С. 71.
- 20 См.: Клаус Оффе. Культурные аспекты консолидации: заметки об особенностях посткоммунистической трансформации // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1998. № 1 (2). С. 12.
- 21 См.: Дифференциация социально-политической напряженности в приграничных с Россией областях. – Алматы, 1996. С. 2.
- 22 См.: Там же. С.3
- 23 См.: Мониторинг развития социально-политической ситуации в республике Казахстан (апрель 1999г). – Алматы, 1999. С. 2-5.
- 24 См.: Дифференциация социально-политической напряженности в приграничных с Россией областях. С. 10
- 25 См.: Там же. С. 11.
- 26 См.: Там же. С. 4-5.
- 27 См.: Динамика социальной напряженности в Республике. – Алматы. 1997. С. 6.
- 28 См.: Там же. С.6-7.
- 29 См.: Русские в Казахстане. – М., Центр исследований русских меньшинств в странах ближнего зарубежья. 1995. С. 5.
- 30 См.: Абдыгалиев Б. Россия и казахстанские русские. – Алматы, 1997. С. 25.
- 31 См.: Ертысбаев Е.К. Политические контуры и итоги президентской избирательной кампании Казахстана-Спектр. 1999. № 1. С. 22-23.

ЦЕННОСТНО-ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ ОРИЕНТАЦИЯ КАЗАХСТАНЦЕВ

Абдыгалиев Б.Б.

После крушения СССР между бывшими советскими республиками, а частично и внутри них произошел разрыв экономических, социальных, этнических, культурных, наконец, просто человеческих, в том числе родственных связей. Развал Советского Союза означал для многих граждан государств СНГ разрушение сложившейся системы самоидентификации, в частности по национальному признаку, когда национальность фактически заменялась некоей общностью под названием «советский народ».

Последующая стихийная направленность в развитии массового политического сознания определялась поиском путей новой идентичности, которая должна была бы прийти на смену идеологической компоненте в структуре этого сознания. Самым простым ответом на потребность рационализации связей между индивидом и обществом в условиях краха социалистической идеологии оказалась национально-этническая идентификация.

Особенностью этого процесса является то, что рост национального самосознания привел, прежде всего, к отторжению и разрушению тех надэтнических ценностей и установок, которые так или иначе объединяли народы бывшего СССР, независимо от того, были они иллюзорными или нет. Когда этого не стало – на первый план в национальном сознании выступила вполне объективная потребность поиска собственной идентичности. Но подобный ответ одновременно в значительной мере и самый сложный, так как национальная идея и этническая идентификация может спланировать лишь часть общества. Идентичность в первом приближении – это специфические культурные, лингвистические и прочие особенности, которые признаются различными группами характерными для себя, отличают их от других групп и связывают между собой в такой мере, чтобы обеспечить солидарность [1]. Ее реализация определяется в значительной мере предикатами внутренней и внешней идентификации.

В данной работе мы хотим рассмотреть особенности идентификации граждан Ка-

захстана на примере их отношения к государственному, этнолингвистическому и культурным символам.

Гражданственная идентификация

Одним из признаков любого государства является, как известно, наличие гражданства, при котором юрисдикция государства распространяется на все население страны. При этом необходимо отметить, что именно гражданство является единственным легитимным основанием причисления к народу Казахстана.

Как показали результаты социологического опроса, проведенного Министерством культуры, информации и общественного согласия в 1999 году, гражданская идентификация населения в настоящее время оформилась в достаточно осознанную и востребованную доминанту. Так, 82,0% населения признали свою неразрывную гражданскую связь с Республикой Казахстан. Причем различие по национальному признаку относительно незначительное. То есть гражданами Казахстана считают себя 93,1% казахов, 71,4% русских, 88,2% корейцев, 82,1% татар. Распределение оценок по типу населенных пунктов показало преобладание соответствующих показателей среди сельских жителей (76%), городов республиканского значения и областных центров (65%), малых городов (59%). Наиболее высокий уровень гражданской самоидентификации зафиксирован в Карагандинской (89,6%) и Южно-Казахстанской (86,6%) областях.

Необходимо отметить очевидную бесспорность того, что, чем выше уровень идентифицируемости населения с гражданством страны, в которой оно проживает, тем устойчивее и стабильнее такое государство. Характеризуя распределение оценок общественного мнения, эти показатели одновременно указывают и на то, что главный рубеж одного из первых этапов консолидации казахстанцев обретает логически завершенную форму.

Однако это не может служить поводом для самоуспокоенности, поскольку процесс

самоидентификации характеризуется весьма сложными и противоречивыми установками как для подсоциумов, в целом, так и для каждого индивида в отдельности. По данным опроса, идентифицируемость с Казахстаном слабо выражена у ряда других крупных этносов, в частности: представителей русской (71,4%), украинской (76,9%), немецкой (71,0%) национальностей. Самый низкий уровень гражданской самоидентификации был определен в Северо-Казахстанской (64,0%) и Восточно-Казахстанской (77,5%) областях.

1,6% респондентов ощущают себя гражданами России. Среди казахов таковыми являются 0,4% опрошенных, среди русских – почти в 10 раз больше (3,8%). Если иметь в виду, что в структуре населения Казахстана русские составляют 30,3% и только 71,4% из них ощущают себя гражданами Казахстана, то фактическое количество русских, психологически идентифицирующих себя с суверенным Казахстаном, составляет примерно 25,0% от всего населения.

По результатам опроса, число лиц, идентифицирующих свою гражданскую принадлежность с СССР, составляет 9,8%. Анализ результатов показал, что ощущение принадлежности к советскому гражданству в большей степени преобладает среди лиц преклонного возраста (15%). На наш взгляд, данная позиция детерминирована ностальгией по социальным факторам (материальному состоянию, социальному благополучию, политическим и идеологическим взглядам), а также этнодемографическими особенностями респондентов. Так, наибольший удельный вес лиц, «предрасположенных» по данной категории, отмечается среди представителей русской национальности (16%), пенсионеров (18%), квалифицированных промышленных рабочих (20%).

Как подтверждает жизненная практика, принципы консолидации и гражданской ответственности не заложены в человеке изначально. Их формирование происходит по мере накопления социального опыта, багажа знаний, трансформации ценностных установок. В этой связи особую значимость приобретают вопросы гражданского патриотизма, кристаллизации и консолидации народной общности. Распределение социометрических данных опроса показало, что 67% респондентов понятие «Родина» идентифицируют с Казахстаном. Распределение

характеристик в национальном разрезе выявило определенную закономерность: восприятие страны как своей единственной родины наиболее ярко проявляется среди представителей казахов (85%) и менее всего у русских (50%).

По данной позиции наблюдается также преобладание оценок среди сельских жителей (76%). Уровень идентифицируемости в значительной степени зависит от образованности респондентов: чем выше уровень образования, тем больше количество респондентов, для которых понятия «Родина» и «Казахстан» неразделимы. У 15% респондентов заданная доминанта связана с территорией СССР. Данные настроения в большей мере наблюдаются среди жителей малых городов у 29%, национальная палитра представлена четвертой частью русских, около пятой татар, чуть более десятой части лиц других национальностей.

Взаимосвязь понятия «Родина» с конкретной областью, регионом отметили 8% респондентов, значительную долю которых составляют жители городов республиканского значения. Чем выше уровень образования, тем меньше степень идентификации с минимизированным соотношением понятия «Родина».

Данное исследование предположительно фиксирует, что около 7-10% населения республики твердо связывают свое понятие о Родине с Россией и другими республиками СНГ. Выявление тенденций в процессе анализа языковой и гражданской идентификации в определенной мере обуславливают факт того, что в ближайшей перспективе значительного увеличения этого показателя не ожидается.

Таким образом, выявленные факты и закономерности идентификации значительной доли респондентов с Казахстаном как своей Родиной, играют доминирующую роль в укреплении казахстанской государственности. Именно это ощущение формирует гражданскую идентичность, чувство патриотизма, уважения к атрибутам государственности.

В контексте рассматриваемой проблемы основными отличительными характеристиками этничности являются язык, культурно-исторические традиции и обычаи. На личностном уровне это выражается в установках на основе инерции осознания особенностей духовной близости, в этностереотипах.

Изменение привычного традиционного уклада, смена условий социально-экономического существования неизменно приводит к поиску новых форм идентичности взамен прежних и сопряжены, в основном, с этническими основаниями.

В целях определения изменений ценностных установок населения в отношении понятия «Родина» через призму этнической принадлежности респондентам был предложен вопрос: «Какие образы наиболее соответствуют Вашему представлению о Родине?». Предложенные образы подразделялись на три категории: животные, природа, символы.

Так ассоциации с животными выявили следующую картину: 59% респондентов назвали «Лошадь» как образ наиболее соответствующий представлению о Казахстане. Национальная палитра представлена 63% казахов, 82% корейцев, 65% украинцев, 55% русских. На втором месте позиция «Барса» (51%), преобладающее количество сторонников которой – среди казахов (58%), татар (51%). Третью позицию занял «Волк» (24%). Здесь наблюдается преобладание

не имеют (+/-3% от 40%). Отличительные позиции более выражены у украинцев (27%) и немцев (23%).

На третьем месте по степени соответствия респондентами выбрана «Береза» – пятая часть. Являясь наиболее типичным отражением образа русской этничности, данный объект закономерно выражен и по национальному распределению: русские – 37%, украинцы – 27%, немцы – 23%, казахи – 9%, татары – 31%.

В ассоциации с символами, наиболее соответствующими представлению о Родине, респондентам были предложены следующие параметры: флаг, герб, узоры, национальная валюта (тенге), гимн, доллар. Из этих параметров выбрали: флаг – 44%, герб – 31%, узоры – 12%, национальную валюту – 13%, гимн, доллар и другое не выбрал никто.

Зависимость выбора символов от национальной принадлежности предложена в Таб. 1, где процентные показатели предложены по наиболее отличительным признакам.

Таблица 1.

Национальности	СИМВОЛЫ (в %)			
	Флаг	Герб	Узоры	Тенге
Казах	73	54	22	20
Русский	65	50	18	21
Украинец	77	54	27	15
Немец	74	45	19	26
Татарин	56	49	28	15
Кореец	59	65	18	24
Другие	71	43	16	27

позиций лиц русской национальности (25%), 35% украинцев, 39% татар. На четвертой ступени оказалась ассоциация с «Медведем» – 8%, предпочтение которой отдали преимущественно русские и украинцы (по 15%).

Ассоциации с природой включали следующие индикаторы: степь, горы, березы, поляны, лес.

Доминирующую роль в сознании респондентов занимает отождествление с понятием Родина образа «Степь» – 70%. Национальный разрез выявил определенную закономерность зависимости объекта природы от этнопринадлежности. Так среди почитателей «Степи» 81% казахов, 77% корейцев, 73% украинцев, 69% татар, 58% русских.

К восприятию и отождествлению с Родиной образ «Горы» склонны 43% респондентов. Распределение количественных показателей среди преобладающих этносов страны между собой существенной разницы

Из таблицы видно, что приоритетным символом образного понятия Родина является флаг. Данные предпочтения особенно ярко проявляются среди украинцев, немцев и казахов. Герб наиболее предпочитаем корейцами, казахами и украинцами. Узоры: названы украинцами, татарами, немцами и корейцами.

В анализе предпочтений мы исходили из того, что в символах и образах содержится закодированная информация об истинных предпочтениях и намерениях респондентов в отношении идентифицируемости Родины с Казахстаном. В непосредственную задачу входило: выявить в ответах респондентов содержащиеся в них латентные сообщения о том, какие образы наиболее соответствуют идее гражданского патриотизма, какие расцениваются как важные, а какие – как вторичные.

Анализ результатов исследования выявил следующую тенденцию, степень воздействия

этнических параметров на выбор идентификационных стратегий и адаптационных моделей восприятия и осознания все еще остается достаточно сильной. В тоже время нельзя не заметить, что образно-смысловые ориентации респондентов начинают приобретать общенациональную направленность. Происходит процесс селекции. Образы и символы, отождествляемые сугубо с Казахстаном, стали выступать в качестве мотивационного ядра идентичности в среде различных диаспор Казахстана. В данном контексте высокая степень адаптационного потенциала имеются у украинцев, немцев, татаров, корейцев, менее – у русских. Данные настроения четко проявляются среди лиц русской национальности.

Анализируя ответы об образах соответствующих представлений о Родине, были выявлены социально одобренные и недекларируемые символы и образы Родины.

Единение людей в любом государстве, тем более в многонациональном, возможно и необходимо на основе патриотизма. При этом патриотизм нельзя просто научить, его необходимо воспитывать кропотливо и целеустремленно.

Символы и образы в данном отношении имеют достаточно высокую и многогранную значимость в плане развития казахстанского патриотизма, что следует активно использовать в пропагандистской работе.

Языковая идентификация

Формирование новой казахстанской гражданственности становится одной из актуальных проблем, затрагивающих основы нашей государственности. Народ Казахстана должен стать общностью граждан разных национальностей.

Степень коммуникативного уровня языков различных национальных групп в Казахстане определяется по числу носителей и объему общественных функций и классифицируются как распространенные, менее распространенные и наименее распространенные. Наиболее распространенными языками являются казахский и русский языки, статус которых, соответственно, закреплен в Конституции Республики Казахстан.

Результаты опроса выявили следующую картину распределения показателей восприятия языка как родного: 49% респондентов родным языком считают казахский, 38% –

русский, 3% – немецкий, 3% – татарский, 7% – языки других национальностей.

Распределение оценок в национальном разрезе показало, что для подавляющей части казахстанцев язык остался основным этнодифференцирующим индикатором. Это особенно относится к казахам и русским, около 97% и 92% которых соответственно считают родным язык своей национальности. Для многих других тюркоязычных народов характерны следующие показатели, например, в некоторой степени языковой ассимиляции подверглись татары: 69% родным языком считают татарский, 21% – таковым назвали русский, 13% – казахский.

Определенную долю смены ориентации обнаружили украинцы, немцы. Доля считающих родным языком национальный опустилась до планки 58% у немцев, 39% у украинцев, 35% у корейцев. В то же время отмечается следующая тенденция: степень восприятия языка как родного, не соответствующая с языком своей национальности, значительно выше среди представителей менее распространенных национальных групп. Так, среди украинцев 23% родным языком назвали казахский, 39% русский. Среди немцев 13% – казахский, 29% – русский, среди корейцев 6% – казахский, 53% – русский. Как видим, для них язык в значительной мере утратил свои этнодифференцирующие функции.

Однако все цифры идентификации языка со своей национальностью говорят лишь о желании респондентов быть причисленными к тому или иному этносу. Наиболее же объективным фактическим показателем является степень владения тем или иным родным языком и уровень распространения двух- и трехязычия.

Как показывают результаты исследования, 69% из общего количества опрошенных степень владения родным языком выразили по формуле «Свободно говорю, читаю и пишу». Как и следовало ожидать, приоритетные позиции занимают представители русской национальности (84%). Опрос выявил, что русские менее подвержены языковому влиянию контактирующих этносов. Большой процент владения родным языком характерен для казахов – 66% в полном смысле слова, 19% – свободно говорят и читают, но не пишут.

Представители других национальностей степень совершенного владения род-

ным языком определили в размере чуть более 50%, татары в 25%.

Степень владения родным языком на уровне осознанного восприятия (понимания) наиболее распространена среди представителей национальностей славянского населения (15%), тюркоязычных (15%), немцев (25%).

По всей видимости, основным источником определенного противоречия служит доминирование одного типа двуязычия – национально-русского, потому как длительное время существовало идеологическое и научное обоснование безальтернативного (одностороннего) двуязычия, в котором нерусскоязычный овладевал русским, а русский, как правило, не ощущал ни социальной, ни культурной потребности овладения другим языком.

Одним из основных показателей, характеризующих языковую ситуацию, является степень владения казахским языком, статус которого определен в основном Своде законов как государственный.

При этом в исследовании рассматриваются три группы этносов: казахи (самый многочисленный – 53,4% всего населения), метэтническая группа – славянские народы и этнические меньшинства, составляющие около 12% всего населения нашей республики.

Результаты исследования показали, что казахским языком, знание которого выражено в формуле «Свободно говорю, читаю и пишу», владеют 33% от всех опрошенных, 19% не владеют совсем, 14% – говорят и пишут, остальная часть владеет на уровне понимания речи. Степень владения казахским языком в населенных пунктах сельского типа значительно выше, чем в городских (43% и 30% соответственно).

Особым планом выделяются поселки городского типа, где, как показал опрос, распределение характеристик достаточного владения казахским языком максимально приближено к показателям сельской местности.

Определенные изменения наблюдаются и среди позиций жителей городской местности, где проживают около 40% русских. Сравнительная динамика за четыре года (с 1995 г.) выявила увеличение числа городских жителей, свободно владеющих языком коренного этноса, на 10% (30% всего).

В связи с тем, что в настоящее время несколько вырос интерес русских к государственному языку, можно предполагать в будущем дальнейшее развитие процесса

прироста двуязычных русских в городской местности. В сельской местности данный процесс, по всей видимости, будет иметь опережающий характер по причине преобладания казахов (57% казахов, 25% русских проживающих на селе) и вытекающих из этого обстоятельств, таких как, например, языковая среда.

Среди казахов показатель полного владения государственным языком составляет 61%. Еще 21% казахских респондентов свободно говорят и читают, но не могут писать, около 14% понимают и с затруднениями объясняются, 4% не владеют совсем или прибегают к помощи словаря. Таким образом, если взять за порог категорию тех, кто может объясняться, то 96% казахов в целом владеют государственным языком, а 82% – свободно говорят и читают.

Русские представляют следующую по количеству группу после казахов – 32,2%. Анализ показателей настоящего замера представлен в сравнении с результатами аналогичного социологического исследования, проведенного информационно-аналитическим центром Верховного Совета РК в январе 1995 года.

На основании распределения характеристик можно констатировать следующий факт: если среди русских в 1995 году в той или иной степени владели казахским языком 8%, то в 1999 году – 15%. Динамика изменений в сторону увеличения почти в 2 раза позволяет сделать вывод о процессе постепенной востребованности и овладения русским этносом казахского языка.

Представители других национальностей (украинцы, немцы, татары и другие) по степени владения казахским языком существенно отличается от лиц русской национальности. Показатели по основным параметрам предложены в Таблице 2.

По всей вероятности, значительная разница показателей степени владения казахским языком обусловлена причинами как на этносоциальном, так и на биогенетическом уровне. По объективным и субъективным причинам многочисленные национальности были подвержены процессу двуязычия, а то и трехязычия. (См.: Табл.3)

Таким образом, налицо тенденция, когда место, занимаемое казахским языком в социально-коммуникативной системе нашего общества, начинает постепенно соответствовать своему статусу.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Насколько свободно Вы владеете казахским языком?» среди лиц русской национальности (в % соотношении к числу опрошенных, количество затруднившихся дать ответ не указано)

Варианты ответов	1995 год	1999 год
Не владею совсем	51	42
Только со словарем и разговорником	10	21
Понимаю речь, но объяснить не могу	26	19
Понимаю речь и могу с трудом объяснить	4	8
Свободно говорю, читаю, но не пишу	2	1
Свободно говорю, читаю и пишу	2	6

Результаты опроса показали наличие социокультурной базы, когда казахский язык получает соответственное распространение в иноэтничной среде, степень его бытования расширяет свои границы, наблюдаются про-

Рейтинг популярности (востребованности) языков обосновывался исходя из его основного лексического значения, т.е. от понятия «оценка». Для его определения использовался закрытый вопрос – «Определите уровень

Таблица 3

Характеристика оценочных индикаторов владения казахским языком по основному представительству этнических меньшинств (в % соотношении к числу опрошенных)

Варианты ответов	украинцы	татары	немцы	другие
Не владею совсем	35	8	26	15
Только со словарем и разговорником	11	10	19	4
Понимаю речь, но объяснить не могу	27	15	23	20
Понимаю речь и могу с трудом объяснить	0	23	7	8
Свободно говорю, читаю, но не пишу	8	33	13	33
Свободно говорю, читаю и пишу	15	5	13	20

цессы объективной востребованности языка, повышение его функционального значения, особенно среди городского населения. Среди неказахского населения зафиксирована тенденция инструментального использования государственного языка, вхождение личности в мир другой этнической культуры, освоение ее, превращение в базу жизнедеятельности, творческого потенциала.

Рейтинг востребованности языков

Степень коммуникативного уровня языков различных национальных групп в Казахстане, как уже отмечалось выше, определяется по числу носителей и объему общественных функций и классифицируются как распространенные, менее распространенные и наименее распространенные.

Для классификации и ранжирования языков по степени их востребованности был использован метод исчисления рейтинга, что позволило сконструировать модель популярности языков в существующих условиях.

востребованности языков в настоящее время?». Он измерялся на основе униполярной числовой шкалы, масштабом в 5 градаций, где 3, 4 и 5 градации представляли положительные оценки и 501, 2 – отрицательные.

Общий массив измеряемых субъектов был представлен пятью языками: немецким, русским, английским, казахским и китайским.

Анализ рейтинга популярности (востребованности) языков позволил классифицировать их на три основных уровня. Первый уровень объединяет русский и казахский языки (соответственно, 55,8% и 54,2%). Второй уровень принадлежит английскому языку (40,9%). Третий уровень представлен немецким (7,5%) и китайским (3,1%) языками.

Результаты исследования в разрезе обследованных регионов показали значительно высокий уровень востребованности русского языка, в особенности в Северо-Казахстанской и Восточно-Казахстанской областях (70,5% и 68,3% опрошенных, соответственно).

Немаловажным фактором, повлиявшим на оценку уровня востребованности казахского и русского языков, является и национальность опрашиваемого – в целом 45,8% казахов оценили востребованность русского языка как

Казахстана зафиксирован у 65,9% респондентов и последние позиции занимает знание литературы и искусства Казахстана.

Расклад оценок показал доминирующие позиции казахов (65,6%). Важность данного

Таблица 4

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	1	2	3	4	5	6	7	Б.о
Знания казахского языка	5,9	2,5	4,7	8,5	10,0	7,8	50,3	10,3
Знания истории Казахстана	4,7	2,5	5,6	9,6	11,6	11,7	42,6	11,7
Знания литературы и искусства Казахстана	5,5	3,0	7,2	10,7	11,4	12,5	36,2	13,5
Знания традиций и обычаев казахского народа	5,4	2,0	4,0	7,7	9,7	9,9	50,1	11,3

«очень высоко», в то время как 13,1% русских оценили востребованность казахского языка на «1» и «2».

Распределение ответов по образованию выявили следующую тенденцию: чем выше уровень образования, тем рейтинг востребованности английского языка больше. Удельный вес респондентов с неполным средним и средним образованием, выразивших высокую оценку популярности английского языка, почти в 2,2 раза отставал от этой же позиции от респондентов, имеющих высшее образование. Респонденты-казахи более склонны к низким оценкам популярности английского языка, чем русские, или респонденты других национальностей.

Отношение к национальной культуре

Любой культурный человек должен являться в той или иной мере патриотом страны, в которой он живет. Но чувство патриотизма невозможно без знаний языка, истории, литературы, искусства, традиций и обычаев титульного народа. Следующий вопрос позволяет увидеть, насколько простирается необходимость и важность у опрошенных в знаниях истории, литературы и искусства, традиций и обычаев казахского народа.

Для этого используется числовая оценочная шкала с семью градациями [2] и вербально закреплёнными границами с привычным порядком возрастания чисел.

По результатам этого блока вопросов можно резюмировать, что суммарная оценка положительных оценок (от 5 до 7 включительно) выявила, что на рост национального самосознания в большей мере влияет знание традиций и обычаев казахского народа (69,7%), второй по степени значимости определена позиция «знание казахского языка» – 68,1%, повышенный интерес к знанию истории

признака отметили 53,8% представителей украинской национальности, 41,9% немцев. Необходимость знаний традиций и обычаев казахов в большей мере осознается жителями Южно-Казахстанской (51,9%), Актюбинской (52,4%) областей, меньше всего – представителями восточной части республики (24,5%).

Достаточно высокая оценка необходимости знания казахского языка выражена среди казахов (69,6%), украинцев (42,5%), немцев (32,3%), меньше всего – среди русских (31,9%).

Региональный разрез показал устойчивые позиции Южно-Казахстанской и Актюбинской областей (соответственно, 61,4% и 54,7%, соответственно).

В целом, рассматривая проблему в спектре адаптационного потенциала необходимо отметить довольно высокое осознание необходимости знания истории, культуры, традиций, обычаев, языка и произведений литературы и искусства доминирующего этноса среди лиц украинской и немецкой национальности. Менее всего значимость обозначенных детерминант отмечается корейцами, татарами, русскими.

В этой связи, представляется целесообразным, чтобы, идентификационные модели развития в большей мере преломлялись через призму традиций, обычаев казахского народа, которые значительной частью респондентов отмечены как наиболее важные.

Пропаганда государственного языка, через традиции и обычаи также имела бы колоссальный успех.

В заключение необходимо отметить, что государственный язык функционирует полноценно и разносторонне только тогда, когда на нем начинают говорить этносы, не считающие его родным. И процент отмеченных выше представителей различных национальных

групп, которые казахский язык осознанно воспринимают как язык доминирующей культуры, субъектом которой они являются, позволяет с определенной долей уверенности говорить о появлении «казахоязычного населения». То есть налицо процессы, когда личность, в определенной степени подчеркивая свою особенность, самобытность, следовательно, и социальную значимость, через официальную регистрацию этнической принадлежности проходит процесс языковой социализации. Данный мотивированный процесс закономерен, так как в современном мире нет чисто этнического существования. Абсолютное большинство государств полиэтничны, культурно-этнические сообщества взаимодей-

ствуют и взаимопроникают, образуя полиэтничную социокультурную среду. В то же время она не лишена этнической формы и, как правило, тон задает доминирующий этнос. Язык, традиции, историческая память, ценности доминирующего этноса становятся преобладающими. Соответственно, повышается и социальная значимость государственного языка, как одного из определяющих факторов государственности республики. В этих условиях происходит не только личная, психологически мотивированная востребованность в казахском языке, но и объективная необходимость, предполагающая полноценное ее развитие, способная решить проблему самоидентификации и дать ответ на вопрос «Кто же мы такие, казахстанцы».

Литература

1. Этносциальные проблемы государств Центральной Азии (Обзор зарубежной литературы). – М., 1995. С. 51
2. Руководством при выборе количества градаций шкалы стал закон немецкого психолога Миллера, суть которого заключается в том, что в отличие от долговременной памяти в оперативной памяти человека может храниться лишь ограниченное количество информации не более 7 ± 2 ед. материала.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПЛЮРАЛИСТСКОЙ СИСТЕМЫ В БИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ КАЗАХСТАНА

Куанышев Ж.И.

Процесс реформирования государственной системы, демократизации общества положили начало самоорганизации и становлению партийной системы Республики Казахстан. Ее институционализация проходит в условиях перехода от тоталитарной системы со всеми ее атрибутами в совершенно новое качество. Сложность состоит в том, что в стране происходит не просто переход от однопартийной системы к многопартийной, а идет демонтаж тоталитарного государства.

Дело в том, что в условиях переходного периода, характеризующегося изменением политических, экономических, идеологических ориентиров, в общественном сознании происходит сложный и болезненный процесс переоценки ценностей. Коммунистическая идеология, потерпевшая поражение, еще глубоко сидит в сознании многих наших сограж-

дан. Идеология нового еще не стала господствующей. Идеологическая и политическая ситуация в обществе варьировала от политического радикализма некоторой части населения до ухода в себя, абсолютной апатии.

Если взять исходную для независимости республики ситуацию 1991 года, то в политическом аспекте достаточно очевидны ее следующие характерные особенности:

- нерасчлененность трех ветвей власти;
- отсутствие альтернативы коммунистической идеологии;
- авторитарный вариант управления;
- вера у части населения в возможность быстрого расцвета экономики в случае приобретения республикой независимости;
- слабость политических партий, отсутствие свободной прессы;
- неразвитость институтов гражданского общества;

– отсутствие оппозиции, за исключением национал-радикальной.

Внимательное рассмотрение динамики становления многопартийности показывает, что спецификой казахского общества было то, что в начальный период популярны были не партии в нашем привычном понимании, а те или иные идеи (коммунистические, социалистические, социал-демократические и т.п.). Эпицентром политической жизни являлся Парламент, избранный в 1989 году, региональные движения социального протеста, но не партии, которые, казалось бы, отошли на второй план.

Другой характерной чертой конца 80-х – начала 90-х годов являлась неразвитость идеологических установок политических партий и движений, крайний радикализм в их деятельности. Можно говорить о широком разбросе мнений по ключевым вопросам, когда в арсенал партий и движений входят внутренне противоречивые положения. До настоящего времени, к сожалению, многие из них не разработали серьезных идеологических концепций, которые бы учитывали своеобразие исторического перехода Казахстана к новому состоянию. Общие призывы к строительству социально ориентированной рыночной экономики, правовому государству, демократии зачастую скрывают ностальгию по старым социалистически-уравнительным отношениям.

В Казахстане процесс развития институтов гражданского общества с характерным уровнем дифференциации групповых интересов находится еще в зачаточном состоянии. Поэтому политические партии в стране не имеют ясной политики защиты групповых интересов, основывая свои программы главным образом на идеологических ценностях.

Большинство партий и движений испытывают трудности в формировании своего идеологического кредо, ясно определяющего их политическое своеобразие. Различие между их платформами носит скорее количественный (больше или меньше «рыночного» либерализма для одних, верности социалистическим «ценностям» и марксистско-ленинским идеалам для других), чем качественный характер.

Субъективный анализ партийно-политической системы показывает, что политические организации в идеологическом плане были расколоты и придерживались не только традиционных левых (некоммунистических), правых (либеральных и демократических), центрис-

тских, но и национальных доктрин (или учений). Причем, особенностью политических субъектов Казахстана является ситуация, когда в одной и той же организации имеются различные идейные позиции в разрезе экономических, политических или социальных воззрений. В то же время, среди политических организаций не доставало такой силы, которая критиковала бы государственный курс справа.

В период с 1985-1998 гг. партии Казахстана характеризует отсутствие внутреннего единства, сопровождающееся перманентным состоянием объединения и раскола внутри самих формирований. Прежде всего это относится к мононациональным организациям. Например, значительно ослабло казахское национальное движение в результате раскола в Республиканской партии и в движении «Азат», которые после практической реализации идеи государственного суверенитета оказались в стадии затяжного программного и организационного кризиса. Сравнительный мониторинговый анализ рейтингов политических партий также показывает тенденцию некоторого снижения популярности как казахских, так и славянских национал-радикалов и относительный рост популярности интернациональных организаций.

Как показывает анализ, главная причина слабости партий состояла в отсутствии сколь-нибудь развитой системы связи с обществом, ограниченности социальной базы различных партий. По этой причине степень их влияния на массы, популярность не могут быть одинаковыми. Их отличает пестрота социальной базы, разнообразие участвующих в них социальных групп, подъемы и спады активности, использование различных форм социального протеста.

В исследуемые годы ни одна из политических партий и общественно-политических объединений не смогла достичь таких параметров, которые позволили бы им прийти к власти и стать правящей.

Анализ процессов партийного строительства в республике в изучаемый период показывает, что партийная система неадекватна общественным процессам, недостаточно отражает имеющийся спектр политических воззрений. Отсутствие сильного центристского блока, способного содействовать продвижению реформ посредством акцентированного внимания к социальным проблемам, т.е. упрочения реальной стабильности, ощущалось еще в середине 90-х годов. Необходимость в многопартийной плюралисте-

кой системе не вызвала особых сомнений. Результаты социологических опросов, проведенных в конце 1995 г., показали, что 78% экспертов были убеждены в необходимости сильных партий [1]:

Таблица 1
«Необходимы ли сейчас республике сильные политические партии?» (в %)

Создание сильных политических партий необходимо	78
Создание сильных политических партий необходимо, но в настоящее время преждевременно	18
В создании партийной системы вообще нет необходимости	2
Затруднились ответить	2

Основная причина потребности в них – потенциальная способность политических партий обеспечить компромисс интересов различных социальных групп:

Тем не менее, влияние политических партий на принятие государственных решений, формирование общественного мнения остается слабым. Основной причиной слабого влияния политических партий является отсутствие соответствующей социальной структуры общества, а также неверие населения в способность партий защитить их интересы, отсутствие ярких партийных лидеров, несовершенная законодательная база и неприятие населением идеи политических партий и т.д. [2]

Таблица 2
«Почему необходимо создание сильных политических партий (формирование партийной системы?)» (в %)

Только партии способны обеспечить компромисс интересов различных групп в политике демократическим путем	46
Партийная система наиболее плотно может отразить интересы различных социальных групп и в конечном итоге - населения	38
Сильные политические партии предотвращают угрозу тоталитаризма	38
Сильные партии способны осуществлять контроль за действиями исполнительной власти	38
Партийная система способствует формированию дееспособной политической элиты	22
Сильные партии способствуют воспитанию политической культуры населения	16

Обращает на себя внимание тот факт, что больше половины населения не видят в партиях

политической силы, способной наиболее эффективно реализовать социально-политические интересы отдельных социальных групп и общества в целом. Низкий рейтинг политических партий и движений свидетельствует о четко проявляющейся тенденции разрыва между политическими интересами гражданского общества и практической деятельностью политических субъектов.

Общей чертой политических партий Казахстана являлась декларируемая приверженность конституционным нормам и демократическим ценностям. На наш взгляд, это является следствием бiculturalности общества, когда из-за взаимодействия двух основных культур доминирует понимание и осознание того, что взаимное развитие возможно только при демократической системе, без этноэтатизма. Именно поэтому снижается доверие к этнорадикальным организациям, что подтверждается данными социологических опросов.

Причина пассивности большинства партий и общереспубликанских движений лежит в слабости их организационного потенциала, дефиците смыслообразующих идей, отсутствии популярных лидеров и финансовых средств. Партии и движения не имеют конструктивных предложений по решению таких значимых для населения проблем, как выплата задолженности по заработной плате, пенсиям, пособиям, повышение жизненного уровня. Основной сферой проявления активности оппозиционных сил остается спекулирование на существующих проблемах социального плана путем проведения акций протеста, имевших место в городах Петропавловске, Текели, Жамбыле, Темиртау, Жанатасе.

Во второй половине 90-х гг., несмотря на определенные трудности, гражданские движения и партии заметную роль играли в социально-политической структуре общества и постепенно стали выступать самостоятельной политической силой, способной в определенной степени влиять на ход политических процессов. Однако нельзя однозначно утверждать, что становление многопартийности сопровождалось укреплением партийной системы в целом. Процесс образования новых партий, распада прежних организаций, оформление новых блоков и союзов с различной степенью интенсивности продолжался.

В партийной жизни Казахстана были редки факты обостренности внутривнутрипартийных противоречий как следствие завышенных амбиций отдельных партийных лиде-

ров. Они фактически имелись (явно или латентно) во всех партийно-политических организациях и в самом общем виде представляли собой разногласия между более радикальными и относительно умеренными фракциями. Кроме того, имелись противоречия между партийной линией, декларируемой и проводимой центральными органами власти и их областными, районными подразделениями. Вместе с тем, политические и идеологические ориентации в провинциях страны зачастую не играли определяющей роли. Практика показала парадоксальные блокировки на местах, когда в решении текущих задач объединялись национал-патриоты и западники с выразителями интересов трудящихся и т.д. Это означало, что для местных партийных организаций директивы центральных органов не всегда являлись обязательными к исполнению.

В период 1995-1998 гг. созданные блоки партий и движений носили поверхностный характер, поэтому не являлись реально функционирующим механизмом. Это проявлялось в принятии соответствующих заявлений, деклараций, нежели в организации совместных политических действий. Базой такого единения являлась не политическая платформа, а общее недовольство политикой руководства страны, причем, недовольство носило преимущественно личностный, нежели политический характер.

Сегодня большинство объединений переживают определенную трансформацию, осваивают новые политические роли, налаживают контакты с населением, другими партиями и движениями, пытаются совершенствовать свою организационную структуру. Их деятельность затрагивает широкий спектр политических проблем.

Вместе с тем, политические партии и поныне не стали еще реальными субъектами политики. По уровню институционализации они продолжают носить черты протопартий, а по механизмам взаимодействия с окружающей средой ближе к группам давления. Их структуры полностью не вписались в социальные, экономические, культурные особенности казахстанской реальности. Большинство из них еще не стали реальными участниками процесса принятия решений.

Позитивным следствием институционализации многопартийности является определенное ограничение влияния управлен-

ческой бюрократии на политическую систему общества. Деятельность оппозиционных партий побуждала выполнять управленческие функции более эффективно. В целом же развитие многопартийности благотворно повлияло и на внутреннюю жизнь партий, которые стали более качественно разрабатывать свои программы, уставы, стратегию и тактику, совершенствовать методы своей работы. Конкуренция между партиями, политическими движениями и их блоками способствовала совершенствованию их деятельности в борьбе за массы, учету мнения людей, социальных слоев и различных групп населения.

По мере оформления новой социальной структуры, вычленения политических интересов отдельных групп и меняющейся социально-политической ситуации, будет происходить перманентное размежевание политических сил, в зависимости от происходящих изменений в общественном развитии. Процесс оформления новой социальной структуры казахстанского общества, постепенного вызревания политических интересов отдельных групп привносят новые тенденции в деятельность партий и движений. Политическая ситуация в целом создает необходимые предпосылки для формирования политических объединений и блоков со схожими идейными установками и задачами, векторами политических действий.

Необходимо отметить, что, как показывает зарубежный опыт и практика партийного строительства в Казахстане, радикальные воззрения в процессе демократических преобразований общества не имеют серьезной социальной опоры и перспективы. Абсолютное большинство населения ориентируется на конструктивный центр, уравновешивающий политические силы. Идеология центризма шаг за шагом становится определяющей тенденцией во внутренней политике республики.

Во второй половине 90-х гг. леворадикальные оппозиционные организации делали ставку на возможном обострении противоречий между исполнительной и законодательной ветвями власти. Ими неоднократно выдвигались требования расширения полномочий Парламента. Внутри высшего законодательного органа была предпринята попытка создать легальный центр оппозиции в составе депутатов-коммунистов и примыкающих к ним деятелей.

Имевшие место в 1997 году стихийные акции протеста в ряде городов и на промышленных предприятиях проходили с образованием временных «инициативных групп» на профессиональной, корпоративной, территориальной основе (группы пенсионеров, стачкомы и т.п.). Попытки оппозиционных структур возглавить их не увенчались успехом ввиду недоверия к ним со стороны инициаторов акций.

Деятельность инициативных групп стала приобретать относительно регулярный характер, создавая условия для их организационного оформления. Они постепенно превращались в реальные субъекты общественно-политической жизни Казахстана.

В эти годы происходило как увеличение числа активных субъектов общественно-политических процессов в стране, так и расширение диапазона форм и методов их деятельности. Этот факт рассматривался как объективный и поступательный процесс развития в Казахстане демократических преобразований. На фоне общего уменьшения показателей доверия населения к деятельности политических партий и движений вообще, заметным явлением стал рост активности и влияния этноориентированных организаций. Характерной чертой их деятельности стало усиление критики действий органов власти.

Этому в значительной степени способствовало:

- а) снижение роста доверия населения к власти и ее экономической политике по причине отсутствия внешних результатов преобразований;
- б) массовое распространение факторов социального порядка, таких как задержка выплаты зарплат, пенсий; обострение проблем и рост тарифов на услуги жилищно-коммунальной сферы;
- в) рецидив так называемого «русского вопроса», сопряженный с активностью сепаратистской деятельности казахских и славянских националистических организаций;
- г) организационное объединение и территориальное распространение деятельности деструктивной политической оппозиции;
- д) относительное снижение уровня жизни в столице, областных центрах и малых городах наряду с ростом активности местных региональных элит;
- е) распространение практики использования директоратом и собственниками предпри-

ятий политического давления на государство через организацию митингов и «походов»; ж) в деятельности оппозиционных структур явно проявились тенденции, связанные с приближением сроков электоральных кампаний.

В результате размежевания политических сил, совершенно определенно обозначились контуры оппозиционно настроенных политических партий и движений, базирующихся на консервативно-догматической платформе (коммунистическая, социалистическая партия, рабочее движение), партии двусторонней оппозиции, такие как «Алаш», ГДК «Азат», «Желтоксан», а также «Лад», «Русская община», «Поколение», использующие наряду с национал-патриотическими и национал-радикальными принципами, а также движение «Азамат», РНПК и Партия народного Конгресса Казахстана. Кроме того, усиление исполнительной ветви власти с параллельным ограничением контрольно-представительных функций парламента пополнило ряды оппозиции политическими формированиями центристского толка.

Однако социальная значимость оппозиции в республике остается на низком уровне, не имея возможности опереться на широкую поддержку населения. В то же время активизация политических оппонентов власти говорит о наличии нерешенных проблем и, что самое главное, является показателем постепенно растущего самосознания общества и углубления демократических процессов в стране. Пока что приходится констатировать, что деятельность партий протекает в отрыве от интересов населения. Отсутствуют механизмы согласования интересов между партиями и социальными группами населения.

Большинство граждан Казахстана не знакомо с деятельностью этих партий. В силу этого многих других причин и обстоятельств, а также изначальной их конфронтационности, они не имеют возможности стать сегодня конструктивной альтернативой власти. Оппозиционные партии и движения реально мало чем отличаются друг от друга. Их практическая деятельность главным образом выражается в противостоянии существующей политической власти.

В основе размежевания этих партий лежит не социальная дифференциация, а отчуждение к действующей власти и проводимому ею курсу реформ. Кроме того, они ограничены в социальной базе, финансовых средствах

и интеллектуальных ресурсах, способных работать в новых условиях.

Следует отметить, что существовавшая до недавнего времени аморфная партийная система Казахстана к концу 90-х гг. стала приобретать более или менее ясные контуры и динамику. Это было вызвано реакцией общества на Послание Главы государства народу Казахстана о демократизации казахстанского общества и либерализации политической системы. Введение пропорционального представительства партий в Парламенте, внеочередные выборы Президента Республики Казахстан 10 января 1999 г. и выборы депутатов Мажилиса Парламента страны придали общественно-политической жизни республики значительный динамизм, явились существенным катализатором политической конкуренции основных субъектов политической системы общества [3].

С одной стороны, увеличивается число новых партий и движений, с другой – их объединение и укрупнение. Консолидация оппозиции проявлялась в вопросах создания предвыборного блока, согласования предвыборной тактики, обсуждения кандидатов по округам, создания совместных комиссий по наблюдению и групп совместных общественных наблюдателей.

После президентских выборов и выборов в Парламент, в местные маслихаты 1999 года появились более четкие очертания межпартийных отношений, позволяющие обрисовать возможные контуры партийной системы республики. Политологи отмечают такие варианты будущей партийной системы Казахстана, как однопартийная, в лице доминирующей и гегемонистской партии; многопартийного соглашения; двухпартийной и двухблоковой систем, мультипартизм и атомизированная система и др. Видимо, для Казахстана объективно возможным вариантом может быть такая система, когда этот процесс будет развиваться примерно по следующей схеме: от крайнего плюрализма до двухпартийности через двухблоковую систему естественным или заданным путем4.

Таким образом, ретроспективный анализ процесса институционализации многопартийной системы Казахстана показывает, что за период с 1986-1999 годы политическая система претерпела в своем развитии ряд трансформаций. Начальный период ее становления шел под мощным прессингом геополитики вкупе с национально-освободительным флером.

В 1991-1994 годах республика переживала период поэтапной доминации национально-освободительных идей, но затем ее культурно-патриотические пороговые значения постепенно были пройдены. В результате, ориентации казахского и русского этносов стали значительно ближе.

Отметим здесь феномен, который, пожалуй, характерен для стран, обретших суверенитет вследствие развала империи: национал-патриотическая доминанта естественным образом перерастает (или предрасположена) к национал-коммунистической идее с последующим дрейфом в социал-демократическую, капиталистическую и т.д. идеи. В условиях Казахстана, когда для казахов возврат к коммунистическим идеям ассоциируется с образованием прежнего Союза, для коренного населения более оптимален вариант тяготения к партиям центристского толка, а для определенной части русского населения – тяготение к коммунистическим идеям именно в указанном ключе.

Здесь видны контуры этнической дифференциации, т.е. определенного противостояния ориентации казахского и русского населения. Представители же других национальностей находятся в маргинальном положении. Резюмируя данные по политическим партиям и общественным объединениям, нужно отметить несколько особенностей:

– развитие партий по двум востребованным населением направлениям — национал-освободительном и коммунистическом (преимущественно русскоязычные движения) и национал-центристском (казахские партии и движения);

– областные центры как узлы концентрации деятельности русскоязычных партий, где ведущими каналами легитимизации их идей являются представительные органы (областные и городские маслихаты). Особо ярко эта тенденция прослеживалась в северных регионах республики;

– расширение социальной базы поддержки партий указанных ориентации. Например, к середине 90-х гг. около 40% всего населения республики (а среди горожан – более 50%) видели необходимость подобных партий и общественных объединений5;

– отсутствие в целом на уровне общества линии разлома и наличие их явных контуров на уровне отдельных регионов.

Таким образом, можно констатировать, что в республике:

- а) отсутствует яркое доминирование какой-либо политической партии или движения. Причины этого лежат в несформированности социальной стратификации казахстанского общества. Кроме того, все еще сохраняется недоверие значительной части населения к деятельности партий, отсутствуют ясные и научно-обоснованные программы действий;
- б) политические перспективы партий зависят от способности выразить политические интересы различных слоев казахстанского общества. Тенденция начавшейся артикуляции и агрегации интересов различных социальных слоев имеет определяющее значение для изменения роли партий и движений в политической жизни Казахстана. В этом плане важной для последних является работа по расширению социальной базы;
- в) на фоне роста значимости проблем социально-экономического характера постепенно определялась тенденция «аутсайдерства» ряда партий;
- г) нерешенность социальных проблем приводила к росту стихийных выступлений населения. В свою очередь это способствовало политизации акций протеста, активизации деятельности оппозиционных партий и движений в политической жизни страны;
- д) очевидная слабость политического центра при сохранении «срединной» линии у политических организаций прежде всего в вопросах обеспечения межнационального согласия и стабильности в обществе. Показательно, что политический и социально-экономический курс поддерживали 6 из 9 зарегистрированных политических партий. Среди незарегистрированных, но активных политических организаций (а их в 1996 г. было около 22) практически все подвергали критике проводимый правительственный курс реформ. Разброс мнений колебался по шкале от «неприятия социально-экономических реформ» до «коррекции социальной политики государства в сторону ее усиления»;
- е) оппозиционные политические организации не имеют широкой общественной поддержки и вследствие этого постоянно перегруппировывают свои силы, вступая в кратковременные союзы и блоки с тем, чтобы более точно выразить специфические интересы электората. Когда это не удается, предпринимаются попытки создания новой политической организации;
- ж) в обществе росла социальная база последователей некоммунистических и социалистических ценностных ориентации;
- з) оппозиция не имела ни интеллектуальной, ни организационной мощи для проведения эффективного противодействия формированию и осуществлению государственного курса, хотя наличествуют внутренние ресурсы, которые могут сказаться в локальных масштабах;
- и) характерной была активизация межпартийных контактов. Практически все казахстанские партии в своей деятельности ориентировались на опыт близких им по духу зарубежных партий, причем довольно показательно, что казахстанские партии либерального толка имели наиболее тесные контакты с российскими (ПНКК с «Гражданским союзом» и т.п.), в то время как национально-демократические организации ориентировались на партии тюркоязычных государств. Довольно широкие международные связи были у СПК и КПК;
- к) четко обозначилась тенденция создания политическими партиями собственных коммерческих структур, активное привлечение спонсоров, использование помощи от различных зарубежных организаций;
- л) политические партии стремились использовать в своих интересах интеллектуальную элиту республики. В аппаратах некоторых партий, например ПНКК, действовали аналитические группы для подготовки рекомендаций для местных организаций партии по ведению пропагандистской работы среди населения. Некоторые журналисты и отдельные газеты стали подходить к освещению политической жизни страны с четких партийных позиций. Независимые СМИ все более становились проводниками партийной идеологии. Наблюдалось стремление партийной элиты усилить свое влияние в интеллектуальных кругах.
- Анализ динамики развития многопартийности позволяет отметить, что на всех этапах количество партий, политических движений и иных общественных объединений было велико. Однако в их развитии можно выделить следующие основные тенденции:
- Первое. Население Казахстана в большей степени ориентируется на национально-культурные объединения и различные культурологические общественные движения, чем на партии, что объясняется неверием масс в способность партий повлиять на ход обще-

ственных процессов, нечеткости и неконкретности программ существующих партий, которые к тому же мало информируют массы о ее содержании.

Второе. Наибольшей популярностью пользуются организации, возглавляемые известными лидерами. Особенностью восприятия партий населением республики является персонализация их руководства, когда программные установки той или иной партии отступают на второй план. На взгляд автора это объясняется спецификой посттоталитарной ментальности общества, когда власть имеет отчетливо персонализированный оттенок, а следовательно, и в партиях предпочтение отдается конкретным людям, а не идеологическим аспектам, которые зачастую весьма схожи у разных организаций. Только ростом политической культуры общества подобная персонализация будет отходить на второй план, хотя личность лидера всегда будет играть большую роль. Тем самым будут созданы предпосылки процесса переориентации человеческого сознания к плюрализму воззрений.

Третье. Прослеживается тенденция деления ряда партий и политических движений по национальному признаку, что таит в себе потенциальную способность к дисбалансу общественно-политической ситуации на этнической почве.

Четвертое. Властным структурам, как правило, удавалось найти консенсус с большинством партий и политических движений, общественных объединений, что способствует сохранению гражданского мира и стабильности в Республике Казахстан.

Пятое. Проявляются циклические подъемы и спады общественно-политической активности населения в зависимости от социально-экономических перемен, происходящих в обществе, и выборных кампаний.

В целом же, анализ складывающейся в Казахстане многопартийной системы показывает, что формирование многопартийности идет сложно, болезненно, противоречиво, вызывая социальную напряженность. Политические партии, за некоторым исключением, несут в себе черты не политических организаций, а групп поддержки своих лидеров либо групп давления на политическую власть.

Относительно узкая популярность политических партий, движений и союзов Казахстана объясняется прежде всего тем, что процесс становления многопартийности в республике находится еще в начальной стадии и пока еще рано говорить о форми-

ровании сколь-нибудь устойчивой партийно-политической структуры, о четком размежевании социально-политических сил.

Политической социализации мешают маргинальность социальной структуры, социальных интересов, а следовательно, и социальной идентификации, т.е. различия в социальном составе партий и движений в этих условиях не определяются социально-классовыми признаками. В условиях редуцированности социальных связей особую роль в социальной идентификации начала приобретает национальность.

Характеризуя сложившийся состав субъектов политического поля Казахстана, можно отметить наличие в нем трех основных групп. Это – политические системные субъекты, т.е. вписавшиеся в общественно-политическую структуру, занявшие в ней определенную нишу и признающие установленные нормы отношений и поведения; политические внесистемные субъекты, не признающие установленных норм отношений, обладающие девиантным поведением – организации деструктивной политической оппозиции; неполитические (и следовательно, внесистемные) субъекты, оказывающиеся в политической сфере деятельности на краткосрочный период и в силу борьбы за иные (неполитические) интересы – директорат и собственники приватизированных предприятий, профсоюзы, инициативные группы.

Реально складывающаяся в Республике Казахстан многопартийность – непростой, но, несомненно, важный процесс, в котором действующие партии и движения стремятся занять свою нишу. При этом они перед собой ставят вполне определенные цели. Основными посылами в достижении этих целей являются:

- реальное участие в перераспределении собственности;
- влияние на инвестиционную и финансово-кредитную политику;
- представительство в законодательном органе, создание фракций, привлечение сторонников в парламенте;
- участие в разработке законов и их лоббирование;
- влияние на политику правительства и Президента;
- расширение социальной базы, обеспечение поддержки в регионах.

Необходимо отметить, что на институционализацию отечественной многопартийности

значительное влияние оказывают политические ориентации и предпочтения казахстанского электората. Их неоднозначность, а именно – с одной стороны, поляризация по линии «сторонники-противники реформ», с другой – дифференциация среди сторонников: трудности перехода к рыночным отношениям, порождают различия в подходах к путям и методам реализации реформ. Они вызывают апатию и безразличие населения республики к политике. Хотя партий достаточно, значительное большинство политических объединений влиянием в обществе не пользуется, их роль минимальна. Люди не видят в них настоящих выразителей и защитников своих интересов.

Политические интересы народа не дифференцируются по партиям. Отсутствие социальной стратификации общества не способствует появлению четко интегрированных групп. Тем не менее роль населения, как активного участника политических процессов, не вызы-

вает сомнений. Об этом свидетельствует рост протестного потенциала граждан.

В обществе идет процесс формирования разных форм собственности и, соответственно, новой социальной структуры. Происходит расслоение, наряду с традиционными классами и слоями образуются новые, как промежуточные переходного периода, так и новые «перспективные». Существующая структура не является адекватной социальной базой для функционирования достаточно высокой политической культуры, внутри которой бы развивалась партийная система. Ни один класс не является носителем осознанных экономических и политических интересов, а тем более идеологически выраженных. Существующие партии пока не могут «делегировать» интересы определенной части населения вверх. Поэтому они не в состоянии существенно влиять ни на политику государства, ни на социально-политическое поведение электората.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Данные социологических опросов населения, проведенных в 1995 году, с участием автора.
2. Динамика общественных процессов в Казахстане (анализ экспертных оценок). – Алматы, 1997. – С. 40.
3. См.: «Начнем с понедельника». 1999. 6 октября; «Панорама». 1999. 8 октября; «Казахстанская правда». 1999. 9 сентября и 8 октября
4. Саясат. – 1999. – №№ 3, 4.
5. Данные социологических опросов населения, проведенных в 1995 году, с участием автора.

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Мустафаев Н.И

Маргиналы (от лат. *marginalis* – находящийся на краю) – категория людей, утратившая традиционные нормы, ценности и не адаптировавшаяся к социально-культурным ценностям, доминирующим в обществе. Как значимая группа социума впервые выступают в Древнем Риме, о чем свидетельствуют как происхождение термина, так и многочисленные исторические источники.

Маргинализация в Древнем Риме была обусловлена урбанизацией, значительным ростом городского плебса за счет масштабной миграции «село-город» в результате пауперизации крестьян. «Огромные массы крестьян хлынули в город, значительная масса этих разоренных людей не могла най-

ти себе постоянной работы и в городе. Целые кварталы Рима, застроенные многоэтажными домами, – они назывались инсулами, т.е. островами, – были заселены бедняками. Часто они вели жизнь бродяг и нищих, наполняя форум и рыночные площади. Они ничем не брезговали в поисках хоба эпизодического и случайного заработка: продажей голосов на выборах, лжесвидетельскими показаниями в судах, доносами и воровством. Они жили за счет общества, жили на те жалкие подачки, которые им перепали от римских богачей, удачливых полководцев или политических авантюристов, искавших популярности, а также за счет государственных раздач» [1].

С эпохи античности и до наших дней, маргинальные группы периодически оказывали деструктивное влияние на социальную и политическую стабильность, нередко активно участвуя в политической борьбе на стороне какой-либо из противоборствующих сил, партий. В новейшее время роль маргинальных групп в жизни общества, по мнению отдельных исследователей, была особенно значительна в странах Латинской Америки

В 90-е годы маргинализация населения приобрела значительные масштабы в постсоветских странах. В Казахстане экономический кризис, жесткая политика макроэкономической стабилизации, рост бедности, безработицы, неадаптированность значительной части населения к рыночным отношениям, миграция «село-город», обусловили значительные масштабы маргинализации.

Во второй половине 90-х годов обозначилась актуализация социального фактора модернизации, негативные тенденции в формировании социальной структуры в связи с падением социальной сферы, ростом безработицы, высоким уровнем социальной поляризации, сужением поля социальной мобильности, резко возросшими миграционными потоками «село-город», значительными масштабами маргинализации населения.

Негативные социальные тенденции способствовали признанию государством и обществом актуальности их искоренения, прежде всего сокращения бедности, резко усилившейся поляризации населения по уровню доходов. Намечившаяся в 1996 году макроэкономическая стабилизация, приостановление дальнейшего спада экономики, впервые достигнутый значительный рост ВВП, перспективы постепенного экономического роста и связанное с этим расширение возможностей, обусловили определение Правительством проблемы борьбы с бедностью, в качестве одного из приоритетов внутренней и внешнеэкономической политики.

Стратегии развития «Казахстан – 2030: Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев» декларировала бесперспективность развития в условиях растущей имущественной поляризации,

разрыва в доходах между имущими и неимущими в обществе: «В обществе созрело понимание того, что разрыв этот больше общепринятых параметров. Если Казахстан будет государством тонкой прослойки богатых, то в силу очень низкой жизнестойкости, неустойчивости как изнутри, так и снаружи он в лучшем случае обречен на прозябание» [3]. В качестве повестки дня на 1998 - 2000 годы определена борьба с бедностью и безработицей.

1. Социальная структура в условиях транзита.

Модернизация сопровождается трансформацией социальной структуры. Стадии трансформации отражает следующая схема.

Хотя степень дезинтеграции социальной структуры казахстанского общества и очень высока, часто постулируемая социологами оценка состояния современной структуры как атомизированного общества (стадия социального хаоса) не обоснована. С начала 90-х годов Казахстан вступил в стадию социальной дезинтеграции, распада прежней социальной структуры, разрушения ядра внутрискратных связей, утраты социальной самоидентификации индивидов.

Процесс перехода к формированию новой социальной структуры может иметь разные исходы: 1) от социальной дезинтеграции к социальному хаосу и далее – к национальной катастрофе, 2) от дезинтеграции к хаосу и реинтеграции, 3) от дезинтеграции к реинтеграции и новой социальной структуре.

Наиболее оптимален третий сценарий трансформации социальной структуры. Степень маргинализации населения возрастает на стадии дезинтеграции. Превышение пороговых значений масштабов маргинализации является, наряду с основным, экономическим фактором, одним из ведущих ограничителей трансформации социальной структуры по третьему, наиболее оптимальному (желательному) сценарию.

2. Детерминанты маргинализации населения

Процесс маргинализации казахстанского общества в постсоветский период обусловлен экономическим фактором (спад производства в 1991-1996 годах), безработицей, миграцией «село-город», кризисом системы ценностей в период модернизации, падением социальной сферы, ростом преступности и коррупцией.

2.1. Экономический фактор.

В Казахстане пик ВВП был зафиксирован в 1989 году. В 1990-1995 годах наблюдалось резкое снижение объема ВВП, за пять лет - практически в два раза. В 1996 году падение объема ВВП было приостановлено. В 1997 году в Казахстане отмечен рост ВВП на 1,7%. В результате влияния внешнего фактора реальный объем ВВП в 1998 году по сравнению с 1997 годом снизился на 2,6%. За первое полугодие 2000 года отмечен рост объема ВВП - 10,5% к соответствующему периоду предыдущего года.

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
ВВП (%) к 1990 г.	100,0	88		77	67	62	62	63	61	62

Спад в реальном секторе экономики продолжавшийся с 1990 по 1996 год обладает значительной, накопившейся за кризисный период, инерционностью, особенно четко обозначен в промышленности. По состоянию на 1 января 2000 года полностью приостановили производство 427, частично приостановили производство 714, полностью перешли на режим неполного рабочего времени 335 предприятий.

Позитивные сдвиги обозначились в 2000 году. В первом полугодии, по сравнению с аналогичным периодом 1999 года, обеспечен рост объемов: ВВП - на 10,5%, промышленного производства - более чем на 16%, сельского хозяйства - на 5%. Экономический рост за январь-май 2000 года составил около 7%.

Для значительного воздействия экономического фактора на снижение масштабов маргинализации, необходим ежегодный экономический рост в 5-8% в течение 5-10 лет.

2.2. Безработица.

Реальная, или по терминологии Агентства по статистике «общая безработица», значительно превосходит численность официально зарегистрированных безработных. Общая безработица последние 10 лет постоянно возрастала. Резкий скачок общей безработицы произошел в 1991-1993 и 1994-1995 годах. В последующие 5 лет происходил постепенный рост общей безработицы с 808 тыс. человек в 1990 году - до 955 тыс. человек в 1999 году.

Таблица 2.

Распределение численности занятых безработных (тысяч человек) [4]

	1995г.	1996г.	1997г.	1998г.	1999г.
занятые в экономике	6551,5	6518,9	6472,3	6127,6	-
безработные	808,3		967,8	925,0	950,0

Большинство экспертов оценивают общую безработицу в 1,5 млн. человек.

Безработица способствует социальной изоляции. Занятость и доходы - это не только экономическая необходимость, но и способ участия в общественной жизни, источник поле взаимодействия для формирования личности.

2.3. Миграция «село-город», легальная и нелегальная иммиграция.

Опыт стран, осуществлявших модернизацию, подтверждает мощное воздействие миграционных процессов на маргинализацию. Миграция «село-город» - ведущий фактор маргинализации для большинства стран. Основные объекты маргинализации - сельские мигранты в городах и иммигранты.

С 1989 по 1999 годы население Казахстана уменьшилось на 1 млн. 246 тыс. человек. Отрицательное сальдо внешней миграции составило - 222,1 тыс. человек в 1993 году, - 410, в 1994 году, - 238,5 в 1995 году, - 175,5 в 1996 году, - 261,3 в 1997 году, - 203,0 в 1998 году. То есть, за 7 лет отрицательное сальдо составило - 1 млн. 510,8 тыс. человек. Всего за период 1990-1999 годов отрицательное сальдо внешней миграции

составило оценочно - 2,5 млн. человек. Отрицательное сальдо внешней миграции частично компенсировалось естественным приростом населения.

Естественный прирост населения за период с 1990 по 1998 годы составил, в совокупности, 1 млн. 296,4 тыс. человек. Естественный прирост сельского населения весь этот период значительно превосходил показатели городского населения: на 20-30% в 1990-1992 гг., на 100-400% в 1993-1997 гг.

Тем не менее, соотношение городского и сельского населения за десять лет практически не изменилось. В 1990 году городское население составляло 57,4%, сельское - 42,6%, в 1999 году, соответственно, городское - 56%, сельское - 44%. Это обусловлено преобладанием потоков «село-город» во внутренней миграции.

Для Казахстана в 90-е годы был характерен большой объем внутренней миграции.

Таблица 3.

Внутренняя миграция (тысяч человек)

	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1997 г.
Внутриреспубликанская	350,1		305,0	204,6
Межобластная	135,9	133,4	123,4	76,2
внутриобластная	214,2	197,1	181,6	128,4

Внутренняя миграция в 1993-1995 гг. составила 985,5 тыс. человек. Всего за период 1990-1999 гг. внутренняя миграция составила не менее 2,5 млн. человек. По экспертным оценкам около 70% внутренней миграции приходилось на поток «село-город». Таким образом, численность сельских мигрантов, переселившихся в 1990-1999 гг. в города, составила 1 млн. 750 тыс. человек или 21,1% современного городского населения Казахстана. Основными «центрами притяжения» сельских мигрантов являлись города Алматы и Астана.

Среди основных причин значительных масштабов миграций «село-город» - отсутствие работы, низкая обеспеченность объектами социальной сферы в сельской местности. По данным Министерства труда и социальной защиты, в 1999 году по республике на одно вакантное место приходилось 36 безработных. На селе на одно вакантное место приходилось в восемь раз больше претендентов, - 285 безработных. Из 251,8 тыс. безработных, состоявших в 1999 году на учете в центрах занятости, получи-

ли работу 8,8 тыс. человек. Из них лишь 1,3 тыс. человек трудоустроены в сельской местности.

В 1998 году действовало всего 346 дошкольных организаций, численностью воспитанников 18,8 тыс. человек, что составило соответственно только 7% и 5% от уровня 1990 года. По информации Агентства РК по здравоохранению, в декабре 1999 года 670 сельских населенных пунктов с населением в 70 тысяч человек не имели ни одного врача. Столько же сел не имело школ. Качество образования в сельских школах значительно ниже, чем городских. Большая часть сельских мигрантов, наряду с большими возможностями получить работу, в качестве мотива миграции в город выдвигают возможность получить самим и своим детям качественное образование.

Маргинальную часть составляют также иммигранты. В 1995 году в Казахстан прибыло 68 022 человек из ближнего зарубежья и 3 115 - из дальнего зарубежья. В 1998 году 38 340 человек из ближнего зарубежья и 2 284 человек из дальнего зарубежья.

Таблица 4.
Иммиграция в Казахстане (человек)

	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.
из стран СНГ	68022	51236	35530	38340
из стран вне СНГ	3115	2638	2537	2284
Всего	71137	53874	38067	40624

Статистика отражает лишь численность лиц, получивших вид на жительство, либо удостоверение лица без гражданства.

Принятый в 1997 году Закон «О миграции населения» не определяет правовой статус иммигрантов, не являющихся репатриантами, резидентами, вынужденными переселенцами, беженцами. С 1998 года наблюдается нарастающий поток нелегальной иммиграции в Казахстан. Хотя численность временно пребывавших иностранцев в Казахстане в 1998-1999 годах возросла только на 3,3%, численность выявленных нелегальных иммигрантов возросла на 85%.

Основные иммиграционные потоки в Казахстане составляют иммигранты из России, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, Турции, КНР, Пакистана, Индии. Если в первой половине 90-х годов среди нелегальных

иммигрантов преобладали граждане КНР, то во второй половине 90-х годов - граждане Турции. В 1999-2000 годах отмечен особенно резкий рост нелегальной иммиграции (транзит) из Афганистана и Шри-Ланки, что связано с обострением политической ситуации в этих странах.

Агентство РК по миграции и демографии ведет учет лишь лиц, желающих принять официальный статус беженца. Реальная численность беженцев значительно выше.

В результате проводившейся с 20 по 26 сентября 1999 г. по всей территории республики специального оперативно-профилактического мероприятия «Правопорядок» за нарушение паспортно-визовых правил привлечены к ответственности 1 401 иностранец и 8 949 граждан СНГ. Соответственно 404 и 3 834 человека выдворены за пределы страны.

Часть маргинальных слоев, примыкающих по своему социальному происхождению к сельским мигрантам, составляют репатрианты. Согласно официальным данным, за годы независимости в Казахстан из разных стран прибыло 184 тысячи казахов. По экспертным оценкам, численность репатриантов, проживающих в республике и не зарегистрированных в службе миграции, в 2 раза больше. Большая часть репатриантов не получили гражданство Республики Казахстан.

Отсутствие прописки у сельских мигрантов, гражданства у большей части репатриантов, правового статуса беженцев у прибывающих из «горячих точек», наряду с проблемами жилья и трудоустройства значительно повышают социоконфликтный потенциал в среде этих категорий населения и в обществе в целом. На уровне социальной среды это порождает мелкие конфликты, антииммигрантские настроения со стороны населения мест проживания сельских мигрантов, репатриантов, беженцев, нелегальных иммигрантов.

Примерами общественно значимых проявлений социоконфликтного потенциала являются антииммигрантские акции протеста (ноябрь 1998 г. - акция протеста павлодарских торговцев, требовавших выдворения китайских торговцев, серия акций протеста 90-х годов представителей уйгурской диаспоры, требовавших ограничить легальную и нелегальную китайскую иммиграцию), акции протеста рабочих-казахстанцев ливанской компании «Консолидейтед

Контрактус Интернешнл Компани» в г. Аксай Западно-Казахстанской области (август 2000 г.).

В отличие от конфликтов других типов, на практике, вовлеченность в социоконфликтные иммигрантского характера этноориентированных политических партий и движений еще более усиливает социоконфликтный потенциал акций протеста этого типа.

2.4. Преступность.

В современном казахстанском обществе маргиналы составляют часть таких социальных групп, как безработные, сельские мигранты в городе, иммигранты, беженцы, репатрианты, бомжи, нищие, беспризорные, наркоманы, ориентированная на западную маргинальную субкультуру космополитичная молодежь, весь криминалитет. Из всех перечисленных групп как социальной базы пополнения маргинальной группы лишь криминалитет маргинализован целиком, характеризуется инвертированной (перевернутой) системой ценностей практически у всех его представителей.

Маргинализация и преступность находятся в прямой и обратной связи. Рост маргинализации ведет к росту преступности и наоборот, рост преступности, большей частью в опосредованной форме, способствует росту маргинализации. Преступность - составная часть маргинализации. Криминальный элемент (криминалитет) - один из системообразующих структурных элементов сложной, многосоставной социальной группы - маргиналов.

Системообразующий характер преступности обусловлен:

- значительным удельным весом криминалитета (порядка 50-70 тыс. человек) в составе маргиналов;

- частичной криминализацией всех категорий маргинализирующихся социальных групп - безработных, сельских мигрантов в городе, иммигрантов (легальных и нелегальных), космополитичной молодежи, бомжей, нищих, беспризорных детей, наркоманов, проституток;

- значительным потенциалом воздействия начавшей формироваться еще в традиционном и развивавшейся в советском постсоветском казахстанском обществе криминальной субкультуры на аморфную систему ценностей всех других категорий маргиналов;

- значительно большей проявленностью у криминалитета, чем у других категорий маргиналов, таких основных характеристик маргинальности, как степень антиобщественной направленности, уровень консолидации, организационной структуризации.

Криминалитет составляет 50-70 тыс. человек. Несмотря на 3 амнистии 1994, 1996, 1999 годов, численность осужденных, отбывающих наказание в 73-х колониях, одновременно на учете в уголовно-исполнительных инспекциях состоит более 35 тысяч лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. По данным международной статистики, Казахстан занимает третье место в мире по численности осужденных, приходящихся на 100 тысяч населения страны.

Статистика отражает рост в 1990-1994 годах и постепенное снижение в 1995-1999 годах общей численности зарегистрированных преступлений. Тем не менее, по сравнению с пиком преступности 1994 года, в последние пять лет количество умышленных убийств, изнасилований, хулиганства практически не менялось, количество разбоев, грабежей, краж, преступлений, связанных с наркотиками, возрастало.

Отмечен особенно резкий рост преступлений (почти в 6 раз), связанных с наркотиками: с 3,8 тыс. в 1990 году - до 21,1 тыс. в 1999 году. В Казахстане на учете в специализированных учреждениях состоит 236,6 тыс. лиц с наркологическими расстройствами. Ежегодно на каждые 100 тыс. человек регистрируется 161 наркологический больной. Заболеваемость наркоманией за последние несколько лет возросла в 19 раз. Общая численность лиц, подверженных наркомании, по экспертным оценкам, составляет свыше 200 тыс. человек.

Часть сельских мигрантов в городах вовлекаются в такие криминальные сферы, как кражи, грабежи, разбои, рэкет, контрабанда, нелегальное производство и оборот алкогольной продукции, фальсифицированных продуктов питания, наркобизнес, проституция.

Поддающееся большинство преступных группировок сформированы из числа сельских мигрантов. Ядро этих группировок

часто составляют жители какого-либо одного определенного села.

Часть городской маргинальной молодежи вовлекается в такие криминальные сферы, как кражи, наркобизнес, проституция.

Большая подверженность криминализации сельских мигрантов-маргиналов, чем городских, обусловлена более низким уровнем образования, квалификации, слабой адаптированностью к урбанизированной среде, рыночным отношениям, отсутствием связей в новой социальной среде, необходимостью срочного изыскания постоянного, пусть и нелегального, источника доходов в связи с отсутствием жилья.

Сельские мигранты-маргиналы, в отличие от городских, чаще вовлекаются в наиболее опасные, с точки зрения общественного мнения, с риском уголовной ответственности и личной безопасности («неинтеллектуальные», насильственного характера преступления (грабежи, разбои, рэкет). Еще в 60-70-е годы в среде сельской молодежи высокую популярность приобрели силовые виды единоборств - классическая и вольная борьба, бокс. В 80-90-е годы эти виды спорта (а также каратэ, кун-фу и др. виды восточных единоборств) у сельской молодежи стали восприниматься как непереносимое стартовое условие будущей самореализации (не обязательно в спорте).

Спортивная (борцовская, боксерская) подготовка позволяет части сельской молодежи получить работу в полиции (значительная часть рядового состава которой ежегодно подвергается «чистке»), охранных службах частных фирм, компаний, банков. Часть сельской молодежи пополняет криминалитет (в основном в качестве боевиков).

Анализ состава преступных группировок позволяет констатировать, что лидеры группировок и рядовые боевики, как правило, бывшие спортсмены-любители (разрядники), нередко - бывшие профессиональные борцы, боксеры. Из бывших спортсменов состояла значительная часть нейтрализованных в 1997-2000 годах наиболее опасных банд.

В первой половине 90-х годов, в условиях «кредитного бума» и невозврата кредитов, широкое распространение в финансовом центре страны г. Алматы получили действовавшие под «крышей» официально

зарегистрированных ТОО преступные группировки, оказывавшие «услуги по обеспечению возврата кредитов». Незначительно сократившись во второй половине 90-х годов данный сегмент рэкета, не само-рекламируясь в печати, в основном сохранился.

Сохранение большой роли земляческих связей в среде сельских мигрантов облегчает процесс взаимоперетекания «полицей-рэкета».

Связи работников правоохранительных органов с криминалитетом - одна из наиболее латентных сфер (с учетом наличия отделов внутренней безопасности в МВД, КНБ, Налоговой полиции, Таможенном комитете, «конкуренции» силовых структур) при анализе проблемы организованной преступности, маргинализации общества. Степень сращивания криминалитета с правоохранительными органами может быть определена лишь на основе косвенных данных - экстренных случаев задержания и выяснения обстоятельств очевидных тяжких преступлений сотрудниками правоохранительных органов (перестрелки, ДТП со смертельным исходом, обычно в состоянии алкогольного опьянения, при стечении множества свидетелей). Большинство преступлений данного типа обнаруживают, что в момент преступления сотрудники правоохранительных органов, спецслужб находились в обществе (в одной машине, за одним столиком в кафе) с состоящими на учете криминальными элементами - членами преступных группировок, уволенными из рядов правоохранительных органов. По данным УВД Алматинской области в настоящее время на территории области насчитывается около 37 организованных преступных группировок, располагающих коррупционными связями в органах власти и управления.

Рост преступности отмечается в молодежной среде. По данным ГУВД Алматы в городе сложились 54 преступных групп подростков. Высокий уровень молодежной преступности отмечен в Таразе, Усть-Каменогорске, Темиртау.

Мигранты в городе значительно влияют на криминальную обстановку. По данным ГУВД Алматы, более 30% преступлений в городе совершаются иногородними гражданами. Часть безработных сельских ми-

грантов вовлекается в теневой оборот алкогольной продукции, производство и сбыт фальсифицированных продуктов питания, нелегальный сбор цветного лома. Только за одну неделю, с 20 по 26 сентября 1999 года, органами МВД было выявлено 124 подпольных мини-цеха по изготовлению фальсифицированных спиртных напитков.

Участвуя в теневом производстве, сельские мигранты «выпадают» из общего потока социализации, подвергаются дальнейшей маргинализации. Около 30% рабочих - нелегалы. При сохранении такой картины в будущем Казахстан рискует получить большой процент граждан пенсионного возраста, не имеющих собственных накоплений.

В 1999 году рост преступности (число зарегистрированных преступлений) отмечался в Кызылординской области - на 2,3%, Павлодарской - 3,3%, Атырауской - 8,4%, ВКО - 10,2%, г.Астана - 19,2% и ЮКО - 25,1%. В 1999 году наиболее высокий показатель преступности на 10 тыс. населения отмечался в Карагандинской, Павлодарской областях, городах Алматы и Астана.

2.5. Падение социальной сферы.

Связано с сокращением ответственности и присутствия государства в социальной сфере.

Индикаторами падения социальной сферы являются снижение качества образования (в особенности во многих негосударственных учреждениях образования, филиалах зарубежных вузов), качества новых учебников, численности работников образования, здравоохранения, науки.

Число вузов с 1990 по 1999 год возросло с 55 до 164, численность студентов практически не менялась. Образовательная деятельность, качество образования значительной части негосударственных школ и вузов не соответствует государственным стандартам образования. Для филиалов зарубежных негосударственных вузов не требуется лицензий. Наряду с 107 негосударственными вузами в 1999 году в Казахстане действовал 102 филиала негосударственных зарубежных вузов.

Падение социальной сферы отражает резкое снижение численности занятых в сфере образования, культуры, здравоохранения, искусства, науки.

Таблица 5.

Среднегодовая численность работников образования, культуры, здравоохранения, искусства, науки: 1990-1997 гг. (тысяч человек)

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
образование	737,0	766,0	755,0	732,0	697,0	684,5	631,9	541,9
культура	90,0	90,0	81,0	77,0	70,0	68,4	54,7	43,2
искусство	26,0	23,0	17,0	16,0	13,0	12,2	12,4	9,2
наука	109,0	104,0	88,0	77,0	38,0	36,9	31,6	28,0

Численность занятых в образовании сократилась на треть, в 1,3 раза, культуре - в 2,1 раза, искусстве - в 2,9, науке - в 3,9. Выбывшие из этих сфер, в большинстве случаев, заняты неквалифицированным трудом, пополняют ряды безработных, подвергаются процессам маргинализации.

В результате рыночных преобразований в образовательной сфере, значительная часть социально уязвимых слоев населения оказалась ограниченной в получении образования.

Динамика численности обучающихся в учебных заведениях всех ступеней образования в целом по республике характеризуется снижением числа обучающегося населения. Совокупная доля учащихся в возрасте от 6 до 24 лет снизилась на 3,1% (с 67,0% в 1991 году, до 63,9% в 1998 году).

Доля государственных расходов в ВВП на образование и подготовку кадров снизилась с 6,5% в 1991 году, до 3,9% в 1998 году. В 6 раз уменьшилось количество постоянных дошкольных организаций, во столько же раз сократилась численность воспитанников, посещающих эти организации. Дошкольную подготовку имеют лишь 11 детей из 100.

Снижение качества образования обусловлено низкой оплатой, малопривлекательностью, неспрестижностью учительской профессии и, в связи с этим, дефицитом квалифицированных кадров.

2.6. Кризис системы ценностей в период модернизации.

Кризис прежней системы ценностей четко обозначился еще до распада СССР. Новая система ценностей как целостное явление еще не сложилась не утвердилась как безусловно доминирующая в общественном сознании. Опыт модернизации многих стран свидетельствует, что утверждение новой системы ценностей - достаточно длительный процесс, охватывающий по времени смену одного и более поколений.

«Ценностный вакуум», издержки форсированной модернизации проявляются в анонии, фрустрации общественного сознания. Высокая степень фрустрации, анонии общественного сознания ведут к «бегству от свободы», актуализации тоталитарного мышления у отдельных, в первую очередь, маргинализованных групп населения. Анализ парла-

ментских и президентских выборов 1990-1999 годов свидетельствует о постоянном снижении электоральной активности, с одной стороны, прокоммунистической ориентированности достаточно значительной части граждан (на парламентских выборах 1999 года за партийный список компартии проголосовало 17,75% избирателей), - с другой.

Наряду с «социально неблагополучными» группами (безработные, бездомные и т.д.) в условиях транзита маргинализируется и часть космополитичной городской молодежи. Кризис системы ценностей у этой группы проявляется в ориентации на поверхностное усвоение исключительно западной культуры, преимущественно маргинальной молодежной культуры. В большинстве ночных клубов Алматы свободно распространяются «легкие» («экстази», «скорость») и «тяжелые» (ЛСД, героин) наркотики.

Кризис системы ценностей у части представителей других социальных групп (интеллигенция, служащие, рабочие) проявляется в эскейпизме (алкоголизм).

Кризис системы ценностей проявляется в маргинализации значительной части ряда социальных субгрупп. Маргинализация оказывает непосредственное воздействие на рост социальной напряженности.

3. Социоконфликтный потенциал маргинализации

Индикатором уровня социоконфликтного потенциала в обществе являются акции протеста. В 1999 году в Казахстане состоялось 1 120 акций протеста, на 50% больше, чем в 1998 году. Субъектами двух третей акций протеста были немаргинализованные слои населения - пенсионеры, рабочие и служащие, требовавшие погашения задолженностей по пенсиям и зарплатам: на 1 октября 1999 года задолженность по пенсиям составляла 16,5 млрд. тенге, по заработной плате - 36,5 млрд. тенге.

В декабре 1999 года Правительству впервые за последние годы удалось полностью погасить задолженность по пенсиям, что позитивно повлияло на снижение социальной напряженности, снижение количества акций протеста пенсионеров в 2000 году.

Анализ динамики и характера акций протеста в постсоветский период показывает постоянный рост количества акций протеста, рост удельного веса акций протеста различных категорий маргинальных социальных субгрупп, в первую очередь бездомных, безработных, подвергшихся высокой степени маргинализации торговцев рынков и фактически безработных (существующих на случайные, нередко криминального характера приработки) маргиналов рынков.

Акции протеста маргинальных групп оказывают непосредственное воздействие на социально-политическую нестабильность.

В 1999 году резко возросло количество акций протеста бездомных сельских мигрантов, прибывших в последние годы в Алматы. Наибольший резонанс имели акции протеста: бездомных рабочих завода «Поршень», захвативших пустующее здание детского сада (12 июля 1999 г.), 30-ти семей бездомных, самовольно вселившихся в здание детского сада № 307 авиационного завода (6 декабря 1999 г.), выселяемых жильцов общежития АО «Химтекс» (6 января 2000 г.), 200-т выселяемых жильцов социально-жилищного комплекса «Ак-Отау» (6,7 января 2000 г.).

Акции бездомных, в отличие от акций пенсионеров, рабочих и служащих, носят характер прямого столкновения протестующих с полицией, сопровождаются угрозами взрыва газовых баллонов, объявлением бессрочной голодовки, обращением митингующих к политическим партиям и движениям.

Крайне радикальные формы акций протеста торговцев рынков. Наибольший резонанс имели акции протеста торговцев рынков 15 сентября, 22 октября 1999 года, 11 января, 22 февраля, 1 августа 2000 года. 15 сентября 1999 года состоялся стихийный, масштабный митинг торговцев рынка «Жибек жоль» в связи со смертельным исходом ДТП, гибелью сына одного из торговцев, 6-ти летнего мальчика под колесами машины дорожной полиции. Митингующие блокировали трассу Алматы - Бишкек. Возникшая реальная угроза развертывания массовых беспорядков потребовала вмешательства, актив-

ного участия в урегулировании конфликта начальника ГУВД г. Алматы.

Индикатором масштабной маргинализации общественного сознания является подверженность значительной части населения, в том числе рабочих, служащих, пенсионеров к сознательному участию в одной из форм мошенничества - финансовых пирамидах. Крах в 1994 году фирмы «Смагулов и К» четко высветил для всего населения, механизм деятельности финансовых пирамид, основанный на мошенничестве. Тем не менее, после временного затишья в 1996-1998 годов, с 1999 года наблюдается новый «всплеск» деятельности финансовых пирамид. В декабре 1999 года только в Алматы действовали 29 фондов, клубов, основанных на принципе финансовой пирамиды - «Комек», «Колдау», «Алтын-Булак», «Айголек», «Алатау» и др.

Акции протеста обманутых вкладчиков финансовых пирамид состоялись 28 октября (фонд «Комек»), 9 ноября 1999 года (фонд «Колдау»), 17 января (фонд «Комек»), 3-го января (фонд «Камкорлы»), клуб «Алатау» 16, 17 февраля 2000 года (фонд «Комек»). Акции вкладчиков сопровождались пикетированием Алматинской городской прокуратуры, требованиями отставки акима Алматинского района г. Алматы, угрозами актам самосожжения.

Акции протеста безработных относительно немногочисленны, но, как и акции других маргинальных групп, носят, как правило, радикальный, потенциально взрывоопасный характер. Конфликты с участием безработных легко переходят в прямые столкновения с полицией. 12 февраля 2000 года 250 безработных жителей села Жанба Исатайского района Атырауской области в ходе конфликта с сотрудниками рыбоохраны и полицией освободили несколько заданных браконьеров-жителей села. В ходе конфликта полицией было применено огнестрельное оружие (предупредительные выстрелы).

Помимо бездомных, безработных, обманутых вкладчиков финансовых пирамид, маргинализированных торговцев и подпольщиков рынков, другие категории маргинализированных групп, - криминалитет, группы, составляющие «социальное дно» (бомжи, нищие, беспризорные), наркоманы, часть космополитичной городской молодежи, ориентированной на маргиналь-

ность западной молодежной культуры, как правило, не участвуют в акциях протеста. Опыт большинства стран показывает, что, будучи в гораздо большей степени, чем безработные и бездомные сельские мигранты, склонны к асоциальному поведению в повседневной жизни криминалитет и остальные категории маргиналов в тех крайне редких случаях, когда они присоединяются к акциям протеста, инициируют, провоцируют перерастание таких форм акций протеста, как митинги, шествия - в массовые погромы.

Выводы

1. Масштабы маргинализации в Казахстане приближаются к пороговым значениям, что может стать ограничителем трансформации социальной структуры от стадии социальной дезинтеграции к стадиям социальной интеграции и новой социальной структуры.

2. Основными детерминантами маргинализации являются спад в экономике, безработица, беспрецедентные (в рамках СНГ) масштабы миграции «село-город», рост преступности, падение социальной сферы, кризис системы ценностей в период модернизации.

3. Источниками пополнения категории маргиналов являются представители следующих, в той или иной степени взаимно пересекающихся социальных субгрупп: часть сельских мигрантов в городе, безработных, легальных и нелегальных иммигрантов, наркоманов, космополитичной городской молодежи, ориентированной на маргинальную западную молодежную субкультуру, весь криминалитет, группы «социального дна» - бомжи, нищие, беспризорные.

4. За исключением криминалитета, маргиналы составляют лишь часть этих субгрупп. Маргиналы - представители одной субгруппы являются одновременно представителями другой (других) социальной субгруппы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Утчишко Л.С. Древний Рим. События. Люди. Идеи. - М.: Наука, 1969. - С.15.
2. Поляков М.И. Городские маргинальные слои Латинской Америки. - М.: Наука, 1974.
3. Назарбаев Н.А. Казахстан - 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев. Послание Президента страны народу Казахстана // Казахстанская правда. - 1997. - 11 октября.
4. В таблицах 1-5 использованы данные ежегодников Агентства Республики Казахстан по статистике за 1991-1999 гг.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Туреханова

Коренные, глубокие изменения в общественной жизни неизбежно приводят к тому, что люди постепенно начинают пересматривать сложившееся представление о мире, о том, что в нем ценно для них, а что незначительно. То есть мы на все смотрим под изменившимся углом зрения и судим с других позиций, чем ранее.

С другой стороны, новое мировосприятие во многом определяет особенности политического развития страны. По мнению Р. Инглхарта: «Перемены в мироощущении людей, глубинные и массовые, изменяют облик экономической, политической и социальной жизни, трансформируются политические и экономические цели, религиозные нормы и семейные ценности, а эти изменения, в свою очередь, влияют на темпы экономического роста, на стратегические установки политических партий и на перспективы для демократических институтов» [1].

Изменения, происходящие в ценностном восприятии, свидетельствуют о глубинных изменениях именно в мироощущении людей, которые были вызваны реформами в политической сфере, кардинальным изменением политической системы общества. Изменения таких базовых регуляторов социальной жизни, как ценностные ориентации происходят очень медленно. Но в случаях, когда происходят коренные перемены во всех сферах жизни людей, ускорение распада старой системы ценностей становятся неизбежным процессом.

Трансформации подвергся весь спектр политических пристрастий, воззрений, ценностей. Происшедшее и происходящее заставляют по-новому оценивать наше прошлое, настоящее и будущее. Но ценностная трансформация не для всех проходит одинаково, подчас это весьма болезненный и драматический процесс, зачастую приводящий к угасанию гражданской активности индивидов вплоть до политической апатии, к устойчивому неприятию всего, что касается политики. Все это осложняется образовавшимся идеологическим вакуумом в об-

ществе, привыкшем к идеологии, дававшей более или менее целостную картину жизни и выдвигавшей «священные» цели «светлого коммунистического завтра». В этой идеологии был заложен мощный мобилизационный заряд, исчезновение которого привело к появлению фрустрации, разочарования и даже к аномии.

Предметом изучения данной статьи являются базовые элементы политической культуры современного казахстанского общества – устойчивые компоненты сознания населения в отношении составляющих политической системы: институтов власти, политического режима, центральных политических ценностей. В связи с тем, что кризис охватил и сферу сознания, сферу базовых компонент политической культуры представляется особо актуальным изучение политических ценностей населения. В фундаментальными, базовыми ценностными ориентациями мы понимаем отношение к представлению людей о свободе, социальной справедливости, индивидуализме, личной собственности, роли государства, социализме, демократии, правах человека, безопасности.

Прежде чем приступить к рассмотрению трансформации ценностной системы населения Казахстана, необходимо оценить изменения, которые произошли в политической культуре казахстанского общества. К какому типу относится политическая культура современного казахстанского общества?

В политической науке существует множество типологий политических культур, построенных на разных основаниях. Стала классической типология политических культур, представленная Г. Алмондом и С. Вербой, которые выделяли три типа политических культур. Первый – патриархальный, общинный или патриархальный тип – отличается тем, что его носители аполитичны, политически пассивны. Второй тип – подданическая культура, носители которой отличаются тем, что они

домлены о политике, но не верят в собственную политическую значимость, ориентируются на существующую власть, и поэтому легко управляемы. Третий тип – активистская культура, представители которой политически активны, хорошо осведомлены о политическом устройстве государства, верят в собственную политическую значимость. Необходимо сделать оговорку, что это так называемые «идеальные» типы, которые редко встречаются в чистом виде. В основном, они существуют в сочетании друг с другом, и ключевое различие между странами состоит в количественном соотношении носителей тех или иных типов политической культуры.

В нашем обществе присутствуют представители всех трех, описанных Алмондом и Вербой, субкультур, но, по мнению казахстанских исследователей, современная политическая культура Казахстана уже не относится к тоталитарному типу, так как в ней нет абсолютного преобладания представителей подданической культуры [2]. Логично было бы предположить, что с уменьшением доли «поддаников» увеличится количество носителей «активистской» политической культуры. Однако, этого не произошло. По прогнозам некоторых политологов, в ближайшие 2-3 года ситуация кардинально не изменится, количество представителей подданической и патриархальной субкультур будет возрастать [3].

Данная типология в дальнейшем была развита и дополнена другими учеными. К примеру, голландские исследователи Хьюнкс и Хикспурс в середине 90-х гг. дополнили типологию Алмонда и Вербы новыми типами: гражданская «партиципаторная культура», «клиентистская культура», «протестная культура», «автономная культура», «культура наблюдателей». При разработке данных типов за основу были взяты следующие индикаторы: субъективный политический интерес, доверие к государственным институтам и чиновникам; оценка возможностей личного участия в политической жизни и воздействия на политику [4].

Казахстанскому обществу, по мнению автора, наиболее близка модель Хьюнкса и Хикспурса, названная «культурой наблюдателей». Характерными ее чертами являются высокий или средний уровень субъективного политического интереса граждан, низкий или ниже среднего уровень доверия к госу-

дарственным институтам и чиновникам, а также низкая оценка индивидом возможности личного участия в политической жизни страны, чувство собственной политической незначительности, невозможности воздействовать на принятие политических решений. Об этом говорят и некоторые цифры. К примеру, по итогам исследования, проведенного в Казахстане Институтом Гиллера (Алматы) и Бюро прикладных социологических исследований (Москва) по заказу фонда ИНДЕМ (Москва) весной 1998 года (объем выборки – 2661 человек), 60% респондентов считают, что путем участия в выборах они не могут реально влиять на дела в стране. 30% посчитали, что могут. Говоря в целом, большинство казахстанских жителей не удовлетворено своей возможностью воздействовать на власть – так высказались 74% респондентов; лишь 14% удовлетворены возможностью воздействовать на власть.

О степени доверия к основным носителям властных полномочий говорят следующие данные: так, президенту страны доверяют 52,3% (14,8% – полностью, 37,5% – «скорее доверяют»), Парламенту – 30,2% (3,7% и 26,5%), Правительству и Кабинету министров – 28,5% (3,9% и 24,6%)⁵. Для сравнения, в странах Запада, в среднем, примерно половина жителей позитивно оценивала парламенты своих стран [6]. Таким образом, уровень доверия к органам власти в казахстанском обществе сравнительно невысок.

Что же касается субъективного политического интереса, то по итогам опроса, среди респондентов 9% – активно интересуются политикой, 31% – в средней степени, 37% отметили, что «политика их интересует в малой степени», и 22% – что «совершенно не интересует». Подобные данные свидетельствуют о среднем уровне субъективного политического интереса. Население в Казахстане довольно хорошо осведомлено о политических событиях через средства массовой информации, через неформальные источники. В настоящее время наблюдается некоторое снижение интереса к политической жизни страны по сравнению с постперестроечным периодом – временем «больших ожиданий». И все же подобные показатели субъективного политического интереса сравнительно высоки, так как даже в странах Запада процент граждан, интересующихся политикой, ненамного выше.

Существует разделение политических культур на фрагментированные и интегрированные. Страны с фрагментированными политическими культурами отличает наличие в обществе разнонаправленных интересов отдельных социальных групп, отсутствие единого видения путей развития общества. В интегрированных же обществах существует более или менее единое мнение о том, каким должно быть общество, интересы групп в основных своих позициях совпадают между собой. Хотя эта дихотомия не может быть названа непогрешимой, так как не все страны соответствуют заданным рамкам, тем не менее, она позволяет выделить основные характеристики различных политических культур.

Таким образом, в контексте приведенных типологий современная политическая культура населения Казахстана может быть отнесена к фрагментированным политическим культурам, так как налицо существование различных групп с разнонаправленными интересами и несовпадающими представлениями о путях развития общества. Фрагментация общества происходит в основном по линии размежевания «элитных» слоев и основной массы населения, среди групп которого также нет единого взгляда на будущее общества.

В сущности, любая типологизация грозит тем, что нечто особенное, не входящее в рамки данной схемы, ускользнет от взгляда исследователя. С другой стороны, абстрагирование и выделение сущностных черт явления, которые дает типологизация, позволяют проводить аналогии и дают возможность проведения сравнительного анализа различных политических культур.

Ценностная система является стержневым элементом политической культуры. При рассмотрении системы политических ценностей исходным моментом в анализе должно стать рассмотрение понятия «ценность». В исследовательской литературе существуют различные понятия ценности, но все они сводятся к тому, что основное качество ценности – это значимость чего-либо: цели, нормы, явления, «по отношению к чему индивид обладает сильной позитивно окрашенной установкой» [7].

Особенностью ценностей является то, что они не столько понимаются, сколько чувственно переживаются людьми, они являются тем, что легко узнаваемо, вызывает положительные эмоции. Ценности как бы выступают объектами стремлений – людей

устраивают лишь те общественные, политические отношения, которые соответствуют этим ценностям и люди чаще всего не воспринимают противоположного.

В процессе совместной жизнедеятельности индивидов возникает необходимость в согласованности их действий, в выработке определенных норм и регуляторов поведения, которые позволили бы достичь общие цели и задачи, оценивать результаты своих и чужих действий. Для достижения подобных целей необходим поиск общих критериев, по которым определялась бы общественная значимость того или иного акта деятельности. Подобными всеобщими критериями и выступает система норм и ценностей, вырабатываемая той или иной культурной системой.

Подобные нормы и ценности продуцируются из накопленного каждым сообществом исторического и социального опыта совместной жизнедеятельности людей, который передается из поколения в поколение в виде установок сознания и поведения. Естественно, когда происходит изменение условий жизнедеятельности, некоторые нормы и ценности отмирают и заменяются другими, другие модернизируются, приобретают современное звучание. Именно подобная система норм и ценностей является квинтэссенцией политической культуры населения страны.

Суть ценностного подхода заключается в том, что человек выбирает тот или иной способ достижения цели, исходя не только из целесообразности и практичности, но также из того, насколько социально приемлемы эти действия, какова их социальная цена. Изучая политическую культуру, мы изучаем такие элементы мотивации, которые не имеют отношения к цели по существу, но не позволяют использовать любой способ для достижения цели, требуют выбора способа, наиболее приемлемого в нравственным, моральным, мировоззренческим и другим соображениям и правилам данного общества.

По мнению российского ученого А.С. Ахизера, «ценности – это актуальная и потенциальная способность человека осваивать мир через свои потребности и возможности. Ценности выступают как важнейшая характеристика субъекта, где синтезируются условия его жизнедеятельности, средства и цели. Таким образом, реальность распе-

ривается как пропущенная через ценности субъекта, как поляризованная в соответствии с этими исторически сложившимися ценностями» [8].

По мнению другого российского исследователя М. Назарова, политические ценности как центральные составляющие политической культуры являются базовыми регуляторами социального, в том числе политического, поведения населения в отношении основополагающих политических ценностей, таких как представления людей о равенстве, свободе, демократии, социальной справедливости, роли государства, частной собственности и др [9]. То есть люди в своих действиях и помыслах руководствуются не сиюминутными реакциями и мотивами, а оценивают ситуацию, ориентируясь на глубинные основы ценностного восприятия, которые, в конечном счете, и определяют выбор той или иной модели поведения или образ мысли.

Нынешнее переходное состояние массового сознания происходит из разочарованных результатами проводимых реформ, из все возрастающего недоверия к политическим институтам и программам преодоления кризиса. Однако, в процессе размывания старых ценностей идет активный поиск новых доминант, которые смогли бы воссоздать вновь целостную картину мира, некую «идеальную модель бытия». Этот процесс не идет по какому-то единому направлению, так как спектр политических пристрастий несколько расширился и есть множество причин выбора индивидами тех или иных политических и идеологических ориентиров, начиная от культурно-исторических корней социума, условий политической социализации личности до его встроенности в социальную среду и степени его адаптированности к окружающим условиям.

Структура казахстанского общественного мнения во многом определяется латентными факторами: «политическим» измерением (подразделяющимся по политическим взглядам и позициям) и измерением, основанным на личностной оценке материальных условий жизни, своего бытия. Существующие типы политической культуры не располагаются в одномерном континууме, а имеют более сложный многомерный характер. По всей видимости, социально-демографические признаки являются значимыми дифференцирующими характеристиками но-

сителей различных типов ценностных оснований современной казахстанской политической культуры.

Здесь уместно предположить, что казахстанское население представлено несколькими типологическими группами, кардинально отличающимися между собой по характеру разделяемых политических ценностей. Коренное изменение характера и строения общественного устройства привело не только к имущественному расслоению, но также к ценностному размежеванию. Еще не завершена адаптация массового сознания к изменившимся условиям, вследствие чего наблюдается состояние неустойчивости и переходности сознания людей.

В процессе политического развития подвергаются пересмотру конъюнктурные политические реакции, оценки, симпатии у носителей основных типов сознания. Количественное соотношение этих типов также подвержено изменениям. В первые годы реформ население, в большинстве своем поверившее в то, что грядущие реформы приведут к развитию и процветанию всего общества, составляло социальную базу, на которую смогли опереться лидеры реформ. Но, столкнувшись с кризисными явлениями почти во всех сферах жизни, не достигнув обещанного благополучия, большая часть тех, кто ратовал за реформы, разочаровались и отошли от идей реформирования общества. В то же время, те, кто поддерживает идеи возврата к «коммунистическому прошлому» – также находятся в меньшинстве. Сегодня сложилась такая ситуация, когда в обществе преобладает некая аморфная группа с невыраженными ориентациями. Их условно можно было бы назвать центристами, т. е. людьми, которые «устали» от проводимых реформ, но и не хотят возврата к прошлому. В структуре этой огромной прослойки есть группы, которые поддерживают проведение реформирования общества, но с условием минимальных социальных и культурных издержек (по принципу «лишь бы не было хуже»).

Для анализа всего спектра ценностных предпочтений казахстанцев в политической сфере необходимо обратиться к существующим в политологической литературе типологическим группам политических ценностей.

Широко распространенным на сегодняшний день в мировой политической науке является деление ценностно-идентификаци-

онных систем в соответствии с крупнейшими идеологическими парадигмами на либеральные, консервативные и социалистические. Специфика Казахстана, как и многих других постсоветских стран состоит в том, что ни либеральная, ни консервативная идеологии в чистом виде не присутствуют и не имеют столь весомого влияния на ценностные ориентиры людей. М. Назаров предложил несколько отличную дифференциацию типов ценностных систем, с учетом особенностей транзитных постсоветских обществ, в соответствии с некоторыми идеологическими моделями, в частности: либеральной, квази-либеральной, социал-демократической, государственно-социалистической моделями идеологических представлений и присущих им систем ценностей [10]. Эти модели отличны друг от друга разным пониманием роли и места государства, дифференцированным отношением к свободе, индивидуализму, социальной справедливости, равенству, рационализму и т.д.

Характерной особенностью трансформационного процесса является появление и разрастание идейного разрыва, ценностного размежевания [11] (по определению В. Лапкина и В. Пантина) между различными социальными и профессиональными группами, возрастными когортами. Причем процесс дифференциации происходит не только между группами, но и внутри них. Но наибольший размах приобрел идейный раскол между так называемым «элитным» меньшинством, «высшим» классом современной структуры казахстанского общества с одной стороны, и большинством, живущим на уровне ниже среднего, а иногда и на грани обнищания, с другой. Поляризация в обществе, которая приобрела огромные масштабы и все возрастает, накладывает отпечаток на систему политических ценностей представителей различных полюсов общества, что, в свою очередь, сказывается на темпах и размахе процессов демократических преобразований в обществе, на укорененности демократических институтов и ценностей, а также на стабильности общества.

Сегодня в научной литературе существует множество оснований, по которым дифференцируются различные типологические группы населения – носители тех или иных ценностей, а также называется множество причин, по которым происходит расхожде-

ние ценностных систем в обществе. К примеру, по мнению представительницы российской социологической школы Т.И. Заславской, различия в политических ориентациях обусловлены разницей в социальном положении индивидов, его местом в социально-стратификационной структуре общества, степенью его адаптации к изменившимся условиям [12].

Не все согласны с данным подходом. Есть мнение, что существует раскол по идеологическим ориентациям, не связанным напрямую с имущественным положением. Зачастую за этим стоит субкультурный (цивилизационный) раскол. По мнению Н.И. Тихоновой, основной водораздел лежит между представителями так называемых «традиционалистов» и «западников». Причем, по их мнению, ценностные размежевания между ними все усиливаются [13].

По мнению других авторов, в частности российского исследователя Л. Бызова, различия, наоборот, имеют тенденцию к сглаживанию [14]. По его мнению, основной дифференцирующий признак – это отношение к модернизационным процессам в обществе. И следовательно делит население на сторонников догоняющей модернизации, органической модернизации и противников любой модернизации. Идя по линии «традиционалистов-модернизаторов», можно выделить три группы людей: полностью поддерживающих проведение реформ, сознательно жертвующих традициями или не поддерживающих реформы, во имя сохранения традиций. Между ними находится слой тех, кто в общем поддерживает курс реформ, но с сохранением традиционной идентичности. В самом начале реформ поддержали идею модернизации, в основном представители наиболее «западно-ориентированной» городской интеллигенции, часть партийной номенклатуры, население крупных городов, которые принимали западный образ жизни за некий эталон, идеальную модель, к которой необходимо стремиться. «Анти-модернизаторский» характер имеют группы, которые ратовали за возвращение к традиционной идентичности. В Казахстане «традиционалисты» ратуют за возвращение к коммунистическому прошлому, либо за возрождение забытых национальных традиций и уклада жизни (так называемые «почвенники»).

При этом, по словам Л. Бызова, одной из этих субкультур наблюдались

механизмы ретрансляции ценностей, социальных норм и политических установок, свои «опережающие» группы, выступающие в качестве генераторов установок. В то же время не менее половины общества существовало в рамках пограничных культурно-политических ценностей.

Широко распространенным на сегодняшний день в политологической литературе является деление общества на три основные политические силы: либералы-западники (так называемые «демократы»), левые («коммунисты», «социалисты») и национал-патриоты («национал-государственники», «правые», «почвенники»). При этом возникает некая ассоциация с политическим спектром западных стран, с их дихотомией на «левых» и «правых». Но, учитывая особенности развития стран постсоветского пространства, таких как Казахстан, – данное деление лишь грубо обозначает пределы политических воззрений, причем смысл, который мы вкладываем в данные понятия, иногда диаметрально противоположен классическому.

Еще одну типологию предлагают Т. Кутковец и И. Клямкин: они делят общество на «постсоветских индивидуалистов», «демократов-западников», «интернационалистов», «державников», «объединителей», «националистов» [15].

В конечном счете, вся проблема типологизации состоит в том, какое основание считать водоразделом между различными группами ценностей? Основой деления может быть отношение к новому (традиционалисты – модернизаторы), ориентация на себя или на общество (индивидуалисты – коллективисты), отношение к частной собственности (либералы – социалисты) и т.д.

Говоря о процессе трансформации политических ценностей, необходимо рассмотреть теории, анализирующие процесс смены ценностно-идентификационных систем сквозь призму теории модернизации.

Большая часть работ по теории модернизации выполнена в соответствии с традицией анализа Вебера и Парсонса. Исследователи данного направления анализировали системы норм и ценностей с точки зрения их положительного или негативного влияния на процессы модернизации. Традиционные ценности, присущие жителям развивающихся стран, являются основным препятствием для формирования политического

участия и экономической активности населения, именно тех черт, которые исследователи считают важнейшими. По мнению ученых, использование результатов изучения политической культуры при анализе проблем политического развития позволит точнее определить, какой набор ценностей и установок влияет на восприятие и направленность новых процессов.

Очень важен вопрос о том, какие условия детерминируют ценностные изменения. По их мнению, ценности менее всего подвержены изменениям в том случае, если они легитимизируют существующие базовые структуры, а также, если ценности широко распространены среди населения. Более всего вероятны изменения в ценностных системах в тех случаях, когда новые социальные группы, с иными ориентациями получают доступ к контролю над правительственными и прочими структурами.

Говоря об изменениях в массовом сознании, исследователи говорят о том, что модернизация неотделима от культуры «модернити», характеризующейся приверженностью западному рационализму, стремлением к росту материального богатства и техническому прогрессу. В культуре «модернити» сочетаются идеи личной свободы и социального равенства, индивидуализм, готовность индивида к постоянным переменам в образе жизни, в правовых нормах, политических институтах и моральных ценностях. В процессе модернизации культура «модернити», ломая традиционные ценности, устанавливает свои ценности – ценности рационализма.

По мнению исследователей, неорганичная, догоняющая модернизация не всегда ведет к развитию капитализма и тем более к восприятию массовым сознанием ценностей «модернити». Зачастую, в прошлом, западные модернизации принимали уродливые формы и порождали массу социальных проблем, иногда приводя к застойным явлениям, а порой и к реставрации докапиталистических отношений.

При неорганичных модернизациях можно наблюдать такое явление как «эффект демонстрации», когда социальные изменения инициируются привилегированными классами, желающими обеспечить себе такой же высокий уровень жизни, как и в развитых странах. Подобные изменения ограничивались лишь внешним подражанием в

стандартах потребления и поведения, в построении политической системы. Подлинные изменения: в экономике, культуре, образовании, здравоохранении не проводились, вместо этого ресурсы направлялись для импорта ради престижного потребления верхушки общества или для строительства помпезных зданий и сооружений [16].

Р. Инглхарт, исследуя ценностные трансформации в западных обществах, выдвинул теорию, согласно которой изменения в политической, социально-экономической жизни воздействуют на ценностные ориентации людей – при этом приоритеты индивида зависят от того, в чем он ощущает недостаток. Второй постулат теории гласит, что ценностные ориентации не изменяются мгновенно под влиянием социально-экономических условий, а предполагают долговременный импульс. Проанализировав множество эмпирических данных, Инглхарт сделал вывод, что невиданный рост благосостояния людей в так называемых постиндустриальных обществах привел к смене ценностей и приоритетов населения. Материалистические ценности старшего поколения, выдвигавшие на первый план достижение экономической стабильности и физической безопасности сменились постматериалистическими ценностями более молодого поколения, где приоритеты были отданы качеству жизни – возможностям индивида самовыразиться и самоопределиваться, улучшению экологических и моральных характеристик среды обитания.

Обращаясь к проблемам обществ, находящихся в стадии перехода от доиндустриального к индустриальному, Инглхарт говорил, что «модернизация обладает большой привлекательностью благодаря тому, что она позволяет обществу двигаться от состояния бедности к состоянию богатства ... экономический рост становится доминирующей социальной целью, а доминирующую цель на индивидуальном уровне начинает определять достижительная мотивация» [17]. Для переходных обществ характерной

особенностью становится всепроникающая рационализация всех сфер общества, которая приводит к сдвигу от традиционных ценностей к рационально-правовым в экономической, политической и социальной жизни.

В целом, своеобразиие сегодняшнего момента состоит в том, что одновременно существуют две тенденции в ценностной трансформации общества в Казахстане. Первая тенденция заключается в том, что происходит интериоризация западных, либеральных ценностей – особенно присуще более молодым образованным индивидам, а также тем, кто смог полностью адаптироваться к изменившимся условиям и даже достичь определенного уровня благополучия. Все большее распространение получают ценности личной инициативы и ответственности за свою судьбу, экономического процветания и карьерного роста. Предпочтение отдается индивидуализму, духу свободной конкуренции, приоритету гражданского общества, развитию института частной собственности.

Вторая тенденция состоит в том, что формируется совокупность ценностей, весьма отличающаяся от западных. Эти ценности сформировались не только под влиянием советского прошлого, но и сложного, противоречивого пути трансформации постсоциалистического общества. В казахстанском обществе еще присутствуют определенные социалистические образцы политических ценностей, которые до сих пор оказывают свое влияние, но уже в модифицированной форме. Это проявляется в живучих патерналистских ожиданиях в отношении государства, в ориентациях на социальную справедливость и равенство, к призыву уделения социальной ответственности властных элит перед народом. При этом некоторые из традиционных ценностей выполняют роль определенного стабилизатора радикальных и нео-либеральных стратегий, которые зачастую социально не сбалансированы и слишком зафиксированы на достижении экономической эффективности.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1 Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.
- 2 Система политических ценностей населения Казахстана: этнический, региональный, стратегический анализ. Научно-аналитический доклад. – Алматы, 1997. – С. 12.
- 3 Еженова К., Жунусов С., Жунусов Б. Демократические преобразования в РК: реальность и перспективы. // Панорама. 12 ноября, 1999.
- 4 Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные исследования. – М., 1998. – С. 190.

- 5 Политические взгляды населения Казахстана. Социологическое исследование. Институт Гиллера и Бюро прикладных социологических исследований по заказу ИНДЕМ (Москва). 1998.
- 6 Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Указ.соч. – С. 134.
- 7 Назаров М.М. Политическая культура Российского общества 1991-1995 гг.: опыт социологического исследования. – М., 1998. – С. 29.
- 8 Ахнезер А.С. Социокультурное прогнозирование России на макро- и микроуровнях // Полис. – 1994. – № 6. – С. 17.
- 9 Назаров М.М. Политическая культура Российского общества 1991-1995 гг.: опыт социологического исследования. – М., 1998. – С. 3.
- 10 Там же. – С. 36-38.
- 11 Лапкии В., Пантин В. Ценностные размежевания и социально-политическая дифференциация в России // Мировая экономика и международные отношения. 2000. – № 4.
- 12 Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // ОНС. 1997. – №2.
- 13 Тихонова Н.Е. На пути к новой стратификации российского общества // ОНС. – 1998. – № 3.
- 14 Бызов Л. Становление новой политической идентичности в постсоветской России: эволюция социально-политических ориентаций и общественного запроса. Российское общество: становление демократических ценностей? ИГ-Сценарии. – 1997. – № 1.
- 15 Модернизация: зарубежный опыт и Россия. – М., 1994. – С. 22-25.
- 17 Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. – № 4.

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Курманбаева Ш.А.

Понятие «избирательные технологии» определяется как совокупность методов, приемов и систем последовательных действий, направленных на достижение победы на выборах и получение возможности либо полностью контролировать процесс принятия властных государственных решений, либо оказывать влияние на этот процесс.

Несомненно, что специфика политических избирательных технологий исходит из специфики той или иной политической системы. В условиях нынешней действительности отношения между обществом и государством отличаются неустойчивостью, неоднозначностью, что оказывает специфическое воздействие на состояние и динамику избирательного процесса, на использование тех или иных методов избирательной технологии.

По характеру взаимодействия на электорат избирательные технологии разделяют на три вида: «прозрачные», манипуляторские и технологии дискредитации противника. Также на постсоветском пространстве получили распространение и технологии повышения и понижения активности избирателей на выборах.

Эта классификация избирательных технологий далеко не единственная, но, по мнению многих российских политологов, относится к числу наиболее существенных.

«Прозрачные» технологии базируются на определении выборов в демократическом обществе. Эффективность их проявляется в условиях стабильного общества, в котором интересы у всех групп артикулированы и существует развитая электоральная культура. Цель таких «прозрачных» или «экологически чистых» технологий - убедить избирателя в стопроцентном совпадении программы, интересов кандидата с интересами избирателей.

Манипуляторские технологии основываются на внушении, использовании определенных состояний и эмоций человека (неуверенность, страх, некомпетентность в вопросах избирательной кампании и т.д.). В основном эти технологии применяются в нестабильных обществах, где существует монополия определенных кругов на СМИ и отмечается низкий уровень электоральной культуры граждан.

Методы дискредитации противника принимают утрированные формы на постсоветском пространстве. Цель этих методов - отожествить противника со всем антиобщественным, создать вокруг него скандальный климат. Эти методы часто основываются на разочаровании граждан во всем и вся.

Какие именно методы избирательной технологии активно применяются на постсоветском пространстве?

Вначале стоит отметить, что среди основных направлений, по которым проводятся стратегия и тактика избирательной кампании в постсоветских государствах выделяются:

Во-первых, использование определенных ценностей - демократических - в противовес ценностям прошлого (коммунистический режим). Практика избирательного процесса на постсоветском пространстве со временем показала, что открытые и агрессивные антикоммунистические лозунги не приносят того политического эффекта, которые производили в конце 80 - начале 90-х, когда с разрушением коммунистических режимов связывали надежды лучшей жизни, демократических порядков и свобод. Поэтому сама технология этого метода принимает сейчас более гибкие формы для того, чтобы политические ценности, прежде всего, демократизация общества, оставались приоритетными, как это было в начале переходного периода, когда люди были готовы выдержать все трудности социально-экономических реформ.

Во-вторых, использование интересов избирателей в плане противопоставления положительной рыночной экономики социализму. Стоит заметить, что данный метод определенным образом сдвинулся, вследствие накопления среди широких слоев населения негативного отношения к экономическим реформам, усиления социального расслоения общества по принципу резких контрастов.

На основе этих направлений в избирательной практике постсоветских государств существуют наработанные и опробованные методы избирательной технологии.

Во-первых, это распространение методов поляризации и противопоставления, проводимый в целях дезориентации общества

го сознания. Параллельно этому методу, как правило, идет использование метода ограничения влияния в избирательном процессе политических оппонентов через давление, либо нейтрализацию оппозиционных средств массовой информации.

Во-вторых, большое распространение получил и метод искусственной консолидации политических сил в целях поддержки государственного политического курса. Данный метод нашел благодатную почву для своего развития в казахстанском политическом пространстве, о чем свидетельствуют прошедшие сравнительно недавно парламентские выборы. Напомним, что в выборах приняло участие 9 политических партий, большая часть из которых либо были созданы непосредственно «под выборы» (АПК, ГПК, РПП «ОТАН», Партия труда), либо реально начали функционировать лишь в предвыборный период.

Вообще специалисты классифицируют избирательные технологии на информационные, коммуникативные, поведенческие и технологии фальсифицирования результатов голосования.

Необходимо отметить, что на постсоветском пространстве преобладают информационные избирательные технологии. Заметим, что в основном избирательные технологии, в конечном счете, сводятся именно к информационным. К ним относятся: процесс сбора и анализа информации об электоральном поле, на основе которой создаются программные документы; формирование и корректировка имиджа политического субъекта.

Коммуникативные избирательные технологии также получили широкое распространение на постсоветском пространстве. Коммуникативные технологии выступают как комплекс методов, приемов и систем последовательных действий по распространению необходимой для политического актера информации для его победы в конкурентной борьбе за власть. Основная функция данных технологий на постсоветском пространстве - управление поведением электората посредством манипулирования общественным сознанием. Отметим, что сущность манипуляции заключается в использовании людей как орудий для достижения своих целей. Существуют массовые технические коммуникативные избирательные технологии - методы и приемы распространения необходимой информации при помощи СМИ для оказания нужного воздействия на поведение избирате-

лей посредством манипулирования их сознанием.

В результате чего происходит манипулирование общественным сознанием? Прежде всего, отметим, что мотивации избирателей при любых выборах носят многогранный характер и имеют следующие слагаемые:

- * уровень сознания и адекватность восприятия электоратом социальной, экономической, политической ситуации;

- * степень гражданского сознания, ответственности и культуры избирателей;

- * отражение приоритетности тех или иных проблем и процессов развития общества;

- * способность электората объективно оценивать собственные интересы и соотносить их с осуществляемым правительственным курсом;

- * степень доверия населения к избирательной системе;

- * уровень осведомленности избирателей с деятельностью, программами и биографией кандидатов;

- * отношение избирателей к политическим лидерам, партиям и движениям;

- * способность избирателей к идентификации с политическими образованиями, их лидерами;

- * уровень доверия электората к институтам власти; ценностные ориентации и социальные установки избирателей.

Знание и умение использовать данные мотивации избирателей позволяет выстраивать партиям, отдельным кандидатам эффективные методы и пути манипулирования.

Методы манипуляции эмоциями избирателей со стороны ряда партий с помощью электронных СМИ, усовершенствования рекламы, проведения благотворительных акций на огромные суммы, во много раз превышающие установленный законом допустимый размер избирательного фонда, имели место в ходе парламентских выборов в Казахстане.

Самую «выдающуюся» деятельность в этой области проявила Гражданская Партия Казахстана. Ее предвыборная кампания во многом была сведена к громким благотворительным акциям и спонсорской помощи.

В рамках статьи удалось выделить лишь некоторые методы, применяемые в ходе избирательного процесса, во многом определяющие специфику политической избирательной технологии на постсоветском пространстве. Остается заметить, что в этом плане необходим более глубокое изучение и детальный анализ.

БЕСКОНТРОЛЬНЫЕ ЗОНЫ – УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Кучкаров А

В современном мире международный терроризм угрожает стабильности и благополучию многих стран. Действия террористических организаций испытали на себе более ста стран мира. В конце 90-х международный терроризм охватил и некоторые страны СНГ.

В активизации деятельности террористических организаций заинтересованы оперделенные центры сил. Для них эти организации служат удобным инструментом достижения своих целей.

Такие факторы, как внутривополитическая нестабильность, экономические кризисы, конфликты на религиозной и этнической основе, использование религии в политических целях, имеющие место в отдельных государствах, способствуют формированию бандгруппировок и создают условия для концентрации внутренних экстремистских элементов, привлекают из соседних стран радикально настроенных исламистов, экстремистов и людей с криминальным прошлым. Подобная ситуация наблюдается в Афганистане и в горных районах Таджикистана.

На земле Афганистана вот уже более двадцати лет продолжают вооруженные столкновения. В конце 70-х годов политики двухполюсного мира превратили эту страну в плацдарм, где идеологические противостояния переросли в особую форму вооруженных конфликтов. Вывод советских войск с территории Афганистана не остановил противоборство сторон. Распад СССР и обретение независимости странами Центральной Азии усилило противоборство некоторых стран в Афганистане, имеющих свои интересы в этом регионе. При этом цель остается одна – передел власти, сфер геополитического влияния, установление контроля над материальными и энергетическими ресурсами.

В результате длительной войны разрушено большинство городов, в стране царят нищета, голод, неграмотность, сотни тысяч людей остались без крова. В стране введе-

ны средневековые порядки и условия жизни.

Территория Афганистана стала местом сосредоточения экстремистских, террористических и криминальных элементов. В стране существует ряд лагерей по подготовке террористов, среди которых – «Харакат-уль-Муджахедин», «Хизб-уль-Муджахедин», «Аль Бадр», «Лашкар-э-Тайба», «Аль Каида» и т.д.

В восстановлении мира в Афганистане заинтересованы все страны Центральной Азии, и этот вопрос поднимался на самых высоких трибунах международных организаций. Несмотря на усилия мирового сообщества и международной группы по Афганистану по формуле «6 + 2» (Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Иран, Пакистан, Китай и с участием России и США) военно-политический кризис в этой стране продолжается.

Участие в этой группе двух влиятельных государств мира – США и России возляло большие надежды в эффективности и результативности решения проблем. Формула «6+2» обладает большим потенциалом до сегодняшнего дня механизмы установления мира остаются неэффективными. Мировой опыт урегулирования кризисных ситуаций показывает, что для реализации многих проектов одного желания сторон недостаточно. Успеха можно добиться там, где интересы сторон совпадают, или хотя бы есть готовность сторон идти на уступки. Камнем преткновения в решении этой проблемы является стабильность в Афганистане, которая внесет радикальные коррективы в распределение запасов энергоносителей стран Центральной Азии. Через Афганистан проходит самый короткий для государств региона путь к мировым торговым портам. К тому же прокладка транзитных трубопроводов через территорию этой страны принесет не только экономическую выгоду, но и большую независимость государств Центральной Азии от северных соседей в области экспорта энергоносителей.

Приведем только один пример: более пяти лет существует проект прокладки газопровода от Довлетабадского газового месторождения на юге Туркменистана до распределительной системы в пакистанском городе Мултан с последующим продолжением на 640 километров до индийской границы, 48-дюймовый трубопровод мог бы поставлять до 20 млрд кубометров газа в год. Ашхабад готов продавать газ на туркмено – афганской границе по 45 долларов за тысячу кубометров, и афганцы получают еще 500 млн долларов в год за транзит газа по своей территории. Для сравнения – сегодня «Газпром» транспортирует такое же количество газа Туркмении по цене 32 доллара за тысячу кубометров и свыше половины оплачивает бартером. Не трудно посчитать, что от реализации только одного проекта Россия потеряет многомиллионные доходы. И пока продолжаются закулисные перетягивания канатов за влияние в Афганистане, невозможно говорить о восстановлении мира и стабильности в этом регионе, хотя в последнее время руководители «Талибан» предлагают приступить к переговорам и обращаются с настойчивыми просьбами в первую очередь к ООН признать их как законное правительство страны. Пока талибы признаны лишь тремя государствами – Пакистаном, Объединенными Арабскими Эмиратами и Саудовской Аравией.

Движение «Талибан» проявило твердость в проведении своей политики – разгромило на большей части Афганистана враждующие между собой группировки и намерено установить мир в измученной стране. Правда, на своих условиях, с суровыми догмами «чистого ислама». Как бы то ни было, настал час, когда с нынешними властями Кабула надо будет считаться и находить общий язык всем, кто хочет жить в мире. Сегодня очевидно, что на территории, контролируемой «талибами» установлены порядки, во многом соответствующие нормам средневекового ислама, но теперь извне невозможно изменить ситуацию. Исходя из реалий в Афганистане, Президент Узбекистана И.А.Каримов на пресс-конференции сказал следующее: «Да, нам может не нравиться движение «Талибан», его идеология, его цели и задачи, которые оно ставит перед собой. Но это сила, с которой надо считаться, и сегодня эта сила является не просто преобладающей, эта сила становится

доминирующей. В этом плане я должен сказать, мы в Узбекистане, когда строим свою политику, исходим из того, что нам не нужно никакой эскалации, никакого противостояния, никакой войны с Афганистаном».

Если обратимся к истории, то Афганистан как государство было создано пуштунами племенами, завоевавшими территории, не населенные пуштунами. Вместе с тем, в стране в качестве официального языка использовался местный вариант персидского языка – дари. Поэтому более образованные таджики, говорившие на дари, занимали вполне достойное место в государственной иерархии, хотя, естественно, были и не на первых ролях. Подчинившиеся пуштунам узбеки, нуристанцы, белуджи и другие этносы сохранили свои обычаи. Их знать сохранила свои позиции и по отношению к королю – пушту. Таким образом, проблема межэтнических противоречий в таком обществе не возникла. То есть в определенных социально-экономических условиях этносы могут сосуществовать мирно.

Но в Афганистане два внутренних фактора, противодействующих устремлениям восстановления мира – межэтнические противостояния и наркобизнес, которые тесно переплетены друг с другом. Этносы могут договориться и жить также мирно, как жили раньше. Однако вытеснить наркобизнес из Афганистана, охвативший все слои населения и приносящий многие миллионы долларов дохода лидерам наркобизнеса, сегодня не так-то просто. С каждым годом выращивание, переработка наркотиков увеличивается и, соответственно, растет прибыль дельцов. В настоящее время в распоряжении террористов имеются крупные финансовые ресурсы, поступающие от процветающего в Афганистане наркобизнеса и других разновидностей преступного промысла.

Спрос на наркотики растет в странах Европы, Азии, ЦА и России. В реализации этой продукции охотно принимают участие бандгруппировки, преступники, радикально настроенные религиозные исламисты, экстремисты, нашедшие приют в горных районах Таджикистана, где правительственные структуры пока не могут установить надлежащий контроль, так как гражданская война в Таджикистане разрушила структуру власти и отбросила развитие страны на многие годы назад. Вот мнение журналистки Санобар Шерматовой о реалиях этой стра-

ны: «...слабость официальной власти, дробление республики на зоны влияния, напоминая феодальные уделы, непрерывный процесс передела собственности. Разрушенная во время войны и не восстановленная экономика, тотальная безработица, исчезающие в чиновничьих недрах кредиты и помощь международных организаций – все это привело к нищете населения. Таджикистан вновь стоит у края пропасти, и завтра друзья и враги нынешнего президента вполне могут поменяться местами».

Теперешняя военно-политическая реальность в центральноазиатском регионе ставит перед политиками такие задачи, какие они не решали ранее. Абсолютно ясно всем, что бесконтрольные зоны бандгруппировок держат в напряжении власти в Таджикистане и рассматриваются соседними странами как источники дестабилизации в регионе. Такая общая угроза сыграла свою объединяющую роль и узконациональные, эгоистические интересы, выливающиеся порой в эмоции, сегодня уступают место трезвому взгляду на мир.

С целью установить контроль в Припамирском регионе недавно Эмомали Рахмонов посетил Дарбандский район, где, по сообщениям местной прессы, на днях завершилась войсковая операция по нейтрализации незаконной вооруженной группировки муллы Абдулло. В Таджикибадском районе Президент Таджикистана заявил, что не допустит превращения своей страны в плацдарм международного терроризма. Он также отметил, что ни один район республики «не превратится во второй Афганистан», поскольку это не способствовало бы интеграции со странами региона, могло бы нарушить всю систему безопасности в Центральной Азии. После завершения поездки Эмомали Рахмонова в Припамирский регион официальные власти в очередной раз заявили об отсутствии зон бандгруппировок в Таджикистане. В то же время, если верить независимым источникам, бесконтрольные базы с группировками боевиков как раньше, так и в настоящее время располагаются на востоке Таджикистана: в горных районах Тавильдара, Джиргаталь. Как видим, гражданская война в Таджикистане, одной из основных причин которой была именно наркоэкспансия, продолжает препятствовать восстановлению былых взаимоотношений и доверия соседей.

Ради справедливости необходимо отметить, что бывшие советские республики Центральной Азии, занимавшиеся в начале 90-х годов в основном самоопределением, стали весьма удобным и относительно безопасным для наркокурьеров коридором переброски афганского зелья в Россию и, главным образом, в Европу.

Наркотрафик из северных провинций Афганистана через территорию Центральной Азии для бандформирований – единственное направление, по которому они могут поставлять этот товар. Об этом свидетельствуют прошлогодние вылазки бандгруппировок на юге Кыргызстана, а также повторные попытки бандитов обосноваться в Сариасийском районе Сурхандарьинской области Узбекистана и в Баткенской области Киргизстана.

Соблазн наркобизнеса настолько силен, что лидеры бандформирований прикрываясь религией, мечтают превратить Ферганскую долину в большую плантацию по выращиванию наркотиков и использовать ее для транспортировки наркотиков афганского происхождения.

С целью получения поддержки в определенных кругах мира эти преступники выдвигают политические лозунги о возрождении былого халифата или о создании мусульманского государства на территории Ферганской долины, где пересекаются государственные границы трех центральноазиатских государств, и, таким образом, стабилизировать обстановку на долгие годы. Раскрывая цели экстремистов, Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов на третьей сессии Олий Мажлиси (парламента) второго созыва отметил следующее: «Они хотят утвердить в Средней Азии государственность афганского типа не важно, – будет ли она названа эмиратом, халифатом или исламским государством, – создать ситуацию, которая ныне существует в Афганистане. Используя подобную ситуацию, они намерены установить собственное господство».

Религиозный экстремизм и терроризм сегодня реально угрожают стабильности безопасности не только стран Центральной Азии, но и целостности России, поэтому у нас и политиками этой страны исследуются причины возникновения религиозного экстремизма и терроризма, их деятельность и методы борьбы с ними. Известный российский

политик Александр Дугин – президент Центра геополитических экспертиз, изучая корни и связи религиозного экстремизма, говорит следующее: «Вдохновителем и центром ваххабизма и «талибов» является Саудовская Аравия. А она, в свою очередь, глубочайшим образом интегрирована в экономику, политику, образование стран Европы. Поэтому еще и через свою сектантскую специфику ваххабизм и «Талибан» контролируются Западом». Эти высказывания автора еще раз предупреждают нас о переплетении многих направлений деятельности общества в экономике, политике, религии с преступным миром и во многом предстоит разобраться с точки зрения общечеловеческих интересов. В том числе с угрозой «талибан» и террористов (ИДУ и прочих) в неконтролируемых зонах Афганистана и Таджикистана. Вместе с тем, вырисовывается тенденция, когда угрозу религиозного экстремизма и терроризма российские политики стремятся использовать как механизм достижения своих геополитических интересов, и вернуть страны Центральной Азии в сферу своего влияния. Среди ученых и политиков России существует твердое мнение, что страны Центральной Азии в одиночку не справятся с угрозой радикального экстремизма и терроризма. Вот что пишет по этому поводу академик Академии военных наук России, доктор философских наук, генерал-майор В.В.Чебан «...на территорию СНГ через Аму-Дарью и Пяндж неизбежно устремится поток из сотен тысяч вооруженных беженцев – узбеков и таджиков. Разоружить их и предотвратить создание вдоль

границы опорных баз для набегов на талибов власти Туркмении, Узбекистана и Таджикистана не смогут, что делает практически неизбежным распространение конфликта и приход «Талибана» в пределы СНГ». Откуда такая уверенность? Думается, такое заключение основано на данных десятилетней давности, когда действительно среднеазиатские республики в военном отношении были слабы или же автор не желает признавать способности и возможности южных независимых государств. Подобные заявления политиков, ученых и журналистов служат нагнетанию обстановки вокруг «угрозы талибан» и их можно расценить как элементы «информационной войны» ради демонстрации значимости военной мощи России. Кто-то, а россияне хорошо знают, что любое непродуманное распространение информации в регионе, где имеются базы бандгруппировок и очаги вооруженных конфликтов, сегодня может иметь непредсказуемые последствия для всего региона.

Таким образом, если в Таджикистане проводится активная работа по уничтожению баз террористов и нейтрализации бандгруппировок, то до спокойствия на афганской земле еще далеко. Это обусловлено, прежде всего, наличием многочисленных лагерей по подготовке боевиков, в создание которых вложены огромные деньги, а также Афганистан превращен в один из мировых центров производства наркотиков и центра международного экстремизма. За этим стоят силы, мечтающие о власти и создании в Центральной Азии нового исламского халифата.

ЛИТЕРАТУРА:

1. См. подробно: Мамаев Ш. Туркменбаши-миротворец // «Эксперт», – 2000г. 12 сентября.
2. См. подробно: Кленов В. Талибы заставляют считаться с собой // «Время МН», – 2000г. 22 сентября.
3. Из материалов пресс-конференции, посвященной визиту Президента Украины Л.Кучмы в Узбекистан, – 2000г. 12 октября.
4. Красная звезда, – 2000г. 15 июля.
5. Шерматова С. Друзья и враги Рахмонова // Московские новости, – 2000г. 12 сентября; Панфилова В. В Таджикистане больше нет вооруженной оппозиции // Res Publica. – 2000г. – №19, 26 октября.
6. Выступление Каримова И.А. на третьей сессии Олий Мажлиси второго созыва // «Народное слово», – 2000г. 31 августа.
7. Красная звезда, – 2000г. 15 июля.
8. Чебан В.В. На горизонте появились четыре всадника Апокалипсиса // Евразийский вестник, – 2000, сентябрь.

СИНЬЦЗЯН ВЧЕРА И СЕГОДНЯ к 45-й годовщине образования Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР

Сыроежкин К.Л.

Ранее мало кому известный Синьцзян-Уйгурский автономный район сегодня на устах не только всех жителей Центральноазиатского региона, но и более отдаленных районов мира. Столь пристальное внимание обусловлено не только тревожными событиями, имеющими место в этом районе КНР, но и общей тенденцией усиления этнического элемента в политике, а также той угрозой, которую представляет развитие этой тенденции в Центральной Азии.

Не вдаваясь в детали происходящих в Синьцзяне событий и не пытаясь дать оценку их потенциальной опасности для новых независимых государств Центральной Азии, мы ставим перед собой более локальную задачу – показать читателю, что есть Синьцзян сегодня в социальном, этническом и экономическом отношении, какие изменения произошли в этом регионе Китая за 45 лет его существования в качестве одной из автономий КНР.

Для этого предлагаем вашему вниманию первую статью данной серии, охватывающую начальный период становления и развития Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР образован 1 октября 1955 г. на базе провинции Синьцзян. Предоставление Синьцзяну статуса автономного района и вынесение в его наименование самоназвания уйгурского этноса объяснялось несколькими обстоятельствами:

- характером предшествующих исторических событий, связанных, прежде всего, с особенностями национально-освободительной борьбы местного населения в этом районе;
  - удельным весом уйгуров и других этнических групп в населении региона;
  - программой национально-государственного строительства, провозглашенной КПК на ее 7-ом съезде (апрель-июнь 1949 г.), на котором в основу решения национально-районно-национальной автономии.
- В соответствии с основными положениями этой концепции еще до образования СУАР

в течение 1954 г. в пределах его территории были образованы пять автономных областей и шесть автономных уездов, в рамках которых отдельным национальностям Синьцзяна предоставлялось право на автономию. В результате такого разграничения казахи и монголы приобрели право на автономию в шести автономных образованиях (по три, соответственно), дунгане – в двух, по одному киргизов, таджиков и сибосцев. При этом официально учитывалось два фактора: численность представителей данной этнической группы и компактность ее проживания. Однако, на наш взгляд, не меньшее значение играла и политическая позиция этих народов в предшествующей национально-освободительной борьбе в Синьцзяне.

За сорок пять лет, прошедших после образования автономного района, значимых изменений в его административно-территориальном делении не произошло, хотя численность населения СУАР и его этническая структура существенно преобразились (См. Таблицу 1).

Даже поверхностный взгляд на приводящиеся в таблице данные указывает на несколько тенденций изменения демографической ситуации в регионе. Отчетливо наблюдается неестественно высокий прирост у некоторых этнических групп, что объясняется прежде всего их переселением в Синьцзян из других регионов Китая. Особенно характерна эта тенденция для представителей ханьского и дунганского этносов, число переселенцев из которых в 1955-1998 гг. достигало ста с лишним тысяч в год. Причин столь значительной миграции ханьского населения на северо-запад было не столько и на них мы остановимся ниже, но да речь пойдет об этапах социально-экономического развития Синьцзяна. Здесь лишь отметим, что этот процесс, значительно преобразив этническую ситуацию в Южном Синьцзяне и несколько видоизменив ее в Восточном, почти не коснулся Южного Синьцзяна. Существенным является обстоятельство, что большая часть этни-

Этническая структура населения СУАР КНР в 1949-1998 гг. (тыс. чел.)

этнос	1949	1957	1965	1979	1990	1995	1998
Население региона	4,333	5,580	7,891	12,360	15291,6	16613,5	17473,5
в том числе:							
ханьцы	292	822	2758	5220	5746,6	6318,1	6741,1
уйгуры	3291	3867	4115	5642	7249,5	7800,0	8139,5
казахи	444	531	524	848	1139,2	1237,7	1287,0
дунгане	126	167	288	548	688,9	747,6	782,0
монголы		536	375	111	142,8	152,8	159,1
киргизы		667	471	106	144,4	157,8	164,1
сибо	12	15	18	26	34,2	38,2	39,5
таджики	14	16	17	24	34,4	38,2	39,6
узбеки	12	12	7	7,4	11,4	13,3	13,7
дауры	2	2	3	4	5,6	6,2	6,4
татары	6	4	2	3,2	4	4,7	4,7
маньчжуры			12	34,5	16,6	19,9	20,9
русские		20	60,9	0,6	7,5	9,0	9,3

Примечания: По официальным данным четвертой Всекитайской переписи населения (1990 г.), на территории СУАР КНР проживали представители 48 национальностей, исключая лиц, чья национальная принадлежность не была точно установлена, а также иностранцев, принявших китайское гражданство. Однако, несмотря на такое этническое многообразие, многие национальности представлены в регионе незначительно и составляют малую часть представителей данного этноса, проживающих на территории КНР. Исключая представителей ханьского этноса, большую часть остального населения СУАР (90,2%) составляли лица 12 национальностей по степени своей этнической концентрации в регионе представленные по-разному. (См.: Сыроежкин К. Этносциальная структура населения Синьцзяна. // «Проблемы Дальнего Востока», 1990, № 2, с.81). Стремительный рост некоторых этнических групп в 80-е годы по сравнению с 70-ми годами объясняется не столько их значительным естественным приростом, сколько политической либерализацией 80-х годов, когда на государственном уровне пропагандировался лозунг «восстановления подлинной национальности» и быть «русским», «маньчжуром» и т.д. было столь же безопасно, как и «ханьцем».

Источники: Синьцзян эйзуэр цыгэжишуй гайкуан. – Урумчи, 1985, с.10; Синьцзян тунци няньцзянь 1999 – Урумчи, 1990, с.57, 59; Чжунго 1982 нянь жэнькоу пуча шэньлю. – Пекин, 1986, с.218-231; «Цзунто» – Гонконг, 1969, №.69, с.2-4; The Kazaks of China. Essays on an Ethnic Minority. – Stockholm, 1986, p.30.

ных этнических групп концентрируется, как правило, в территориально замкнутых национальных общностях. Так, например, 82% уйгуров проживают в Южном Синьцзяне; 78,6% казахов – в Алтайском, Илийском и Тарбагатайском округах Северного Синьцзяна; 88,66% киргизов – в Южном Синьцзяне, в основном в пределах Кызылсу-Киргизской автономной области; 99,47% таджиков проживают в Южном Синьцзяне, из которых 62,1% – в Ташкуртан-Таджикском автономном уезде; 64% сибосцев – в Чапчал-Сибоском автономном уезде Илийского округа.¹ Такого рода распределение этнических групп по территории автономного района не только оказывало и продолжает оказывать непосредственное влияние на социально-экономическое развитие отдельных регионов СУАР, но и создает питательную почву для возрождения сепаратистских настроений, а порой приводит к нежелательным межнациональным конфликтам не только между ханьским населением автономного района и проживающими на его территории неханьскими этническими группами в целом, но и между ними.²

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Во многом изменение этнической структуры населения автономного района было предопределено процессом проведения социально-экономических и политических преобразований в нем, которые, не смотря на кажущуюся их идентичность с аналогичными мероприятиями во внутренних районах Китая, несли на себе отпечаток специфики региона. И дело не только в том, что Синьцзян оставался вдалеке от основных революционных событий в Китае, а его население было представлено преимущественно неханьцами (хотя это и не последний фактор), но и в том, что по уровню своего социально-экономического развития он значительно уступал районам внутреннего Китая, и те преобразования, которые даже в них были преждевременными, в Синьцзяне зачастую приводили к противоположным результатам, а их кажущаяся экономическая эффективность оборачивалась трагедией для целых народов.

Главный вопрос, который предстояло решить в Синьцзяне (как и в КНР в целом), был вопрос об упразднении помещичьей соб-

ственности на землю и замене ее крестьянской собственностью, то есть претворение в жизнь лозунга партии: «земля тем, кто ее обрабатывает». Однако проведение аграрной реформы методами, апробированными в центральных районах Китая, для Синьцзяна было неприемлемо; здесь требовался более детальный учет экономического положения феодально-родовой знати, а также национального и религиозного факторов. В связи с этим ЦК КПК и Госсовет КНР определили для Синьцзяна в качестве главенствующего курса «осторожного и умеренного продвижения вперед», предусматривающий «расширенное привлечение к делу демократических преобразований представителей всех социальных слоев различных национальностей; объединение всех сил, которые можно объединить; поэтапное расширение борьбы и движение от достигнутого». Однако местные кадровые работники, которые наряду с подразделениями НОА служили основной силой проведения первичных демократических преобразований, не всегда придерживались этого курса и выражали явное стремление к ускорению темпов преобразований, что неоднократно осуждалось Синьцзянским бюро КПК и руководителями района, но так и осталось одной из основных проблем исторического развития региона.⁴

Тем не менее, у нас нет оснований негативно оценивать этот исторический период развития Синьцзяна. В результате проведения аграрной реформы, завершившейся к началу 1954 г., было ликвидировано господство феодальных пережитков в синьцзянской деревне, феодально-помещичья собственность на землю была заменена крестьянской собственностью; перераспределение средств производства в пользу середняка и опора на середняцкие хозяйства значительно повысили продуктивность сельскохозяйственного производства, что обеспечивало, с одной стороны, улучшение уровня жизни крестьян, а с другой – давало необходимое сырье для развивающихся отраслей промышленности; наконец, укрепились позиции новой власти, в земледельческих районах провинции началось создание ячеек КПК и подготовка кадровых работников из числа представителей местных национальностей, которые составляли 60% из 40 тыс., подготовленных в течение 1950-1954 гг. новых кадровых работников. Одновременно с началом аграрных преобразований в Синьцзяне начинает закладываться

промышленная база, основой для которой служат добывающие отрасли и переработка сельскохозяйственной продукции. Главная трудность, с которой столкнулось руководство Синьцзяна при создании промышленной базы, – слабая экономическая основа региона и отсутствие собственных кадров. Не говоря уже об инженерно-техническом персонале, не было достаточного потенциала даже для формирования национального рабочего класса. К 1949 г. свыше 90% населения оставалось безграмотным, только 19,8% детей школьного возраста посещали школы. На десять тысяч человек приходилось 457 учащихся начальной школы, 6,6 – средней общеобразовательной и 4,6 – средней специальной школы.⁵ Это и предопределило подходы к формированию кадрового корпуса промышленности, который комплектовался в эти годы преимущественно за счет военнослужащих дислоцированных в Синьцзяне подразделений НОА и прибывающих из внутренних районов Китая переселенцев ханьской национальности.

Что касается подготовки национальных кадров промышленности, то этот процесс проходил медленно, хотя именно этот период характеризовался наибольшей долей представителей неханьских народов в среде промышленных рабочих и инженерно-техническом корпусе промышленных предприятий местного подчинения. Огромную роль в этом процессе сыграли советско-китайские акционерные общества («Совкитметалл», СКОГА и «Совкитнефть»), которые не только создавали промышленные предприятия, но и готовили персонал для них. Именно благодаря деятельности этих обществ и постепенному возвращению НОА к выполнению своих прямых обязанностей и было положено начало процессу формирования национального рабочего класса.

Существенно меняется ситуация в конце 1955 г., и не только потому, что Синьцзян обретает статус автономного района КНР, но главным образом в связи с изменением общей политики КПК и вовлечением в ее сферу национальных районов. По мнению как центрального, так и регионального руководства, к этому времени по своим социально-экономическим и политическим условиям Синьцзян догнал внутренние провинции Китая и был готов к проведению дальнейших «социалистических» преобразований. Вторая сессия СНП провинции Синьцзян принимает пятилетний (1956-1960

гг.) план создания кооперативов, а партком идет еще дальше, требуя завершения кооперирования в 1959 г.

На практике массовое создание кооперативов, начавшись с середины сентября 1955 г., завершилось в 1956 г. Столь стремительная кооперация доказывает лишь одно: движение проводилось преимущественно под давлением мер принудительного характера и внешней для деревни силой – кадровыми работниками партийных и административных органов, получающих поддержку военнослужащих дислоцируемых в СУАР подразделений НОА и некоторой части городского населения региона. По-другому, очевидно, оно и не могло проходить, поскольку само существо сплошного кооперирования затрагивало вопрос о частной собственности на землю и тем самым подрывало экономическую основу хозяйственной деятельности середняка.

Размывание нищеты по всему обществу, освещенное в качестве одного из основополагающих принципов социалистической социальной справедливости, способствовало незначительному росту доходов бедняцких хозяйств, но одновременно привело к значительному сокращению доходов основной массы товаропроизводителей и подорвало их экономическую активность. Незначительно повысившиеся доходы уже к следующему году оказались исчерпанными, поскольку упадок сельскохозяйственного производства не давал средств для их подпитки путем нового перераспределения. В результате жизненный уровень сельского населения не только не повысился, но и значительно сократился, что привело к волнениям летом-осенью 1957 г. в Хотанском, Кашгарском, Аксуйском и Санджинском округах, в ходе которых крестьяне выдвигали требование выхода из кооперативов.

Аналогичные процессы, но в меньших масштабах развернулись и в городах. Основная масса предприятий местного подчинения, как правило, представленная кустарными мастерскими, была кооперирована и включена в орбиту государственного сектора экономики со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Нельзя сказать, что такой перенос акцентов остался незамеченным. Напротив, он вызвал достаточно сильное противодействие со стороны национальной интеллигенции, сумевшей уже на этом этапе понять ло-

гику дальнейшего «социалистического» развития. По СУАР прокатилась волна протеста; местная пресса была буквально переполнена критическими материалами, в которых выдвигались требования учета национальной специфики региона. И они не остались без «внимания». Состоявшийся в октябре 1957 г. 3-й пленум ЦК КПК 8-го созыва акцентировал внимание на «борьбе против местного национализма» в среде кадровых работников из числа национальных меньшинств. Во исполнение решений пленума в Урумчи был созван расширенный пленум Синьцзянского Комитета КПК, проходивший с 16 декабря 1957 г. по 28 апреля 1958 г. В развернутом постановлении пленума отмечалось, что на нем была «достигнута огромная победа в борьбе с местным национализмом в автономном районе, но эта победа пока не окончательна», в связи с чем партийным организациям всех уровней предлагалось развернуть соответствующую работу по противодействию местному национализму, в ходе которой «дать четкое разграничение между марксизмом-ленинизмом и национализмом, между капитализмом и социализмом».⁶

Насколько позволяют судить имеющиеся в нашем распоряжении материалы об «антипартийной деятельности местных националистов» различных национальностей, речь в большинстве случаев шла о различиях в понимании путей и методов строительства социализма и прежде всего – вопроса о темпах проведения социально-экономических и политических преобразований, а также учета национальной специфики региона при их осуществлении. Тем не менее, резкая реакция местных кадровых работников (в том числе и ханьской национальности) на осуществление «особого курса», по-видимому, осознающих уже в тот период пагубность его последствий, была расценена как нападки на партию с соответствующими оргвыводами: все они были исключены из партии, сняты с занимаемых постов и отправлены на «трудовое перевоспитание». Их места заняли «реформированные» представители национальной интеллигенции и «революционных масс», «чести» которых принадлежит проведение «коммунизации» синьцзянской деревни и «большого скачка» в городах.

Движение за «коммунизацию» синьцзянской деревни развернулось осенью 1958 г. после публикации решения ЦК КПК от 29 августа 1958 г. «По вопросу о создании в дерев-

не народных коммун», а уже в октябре в местной печати появились победные рапорты «о завершении в основном» этого движения. Параллельно с созданием «народных коммун» в сельской местности разворачивается аналогичное движение и в городах, сопровождаемое «большим скачком» в промышленности, стержневым содержанием которого было «максимальное ускорение развития производительных сил и преобразования производственных отношений»: «сверхиндустриализация» должна была идти в ногу со «сверхсоциализацией». На практике это, как правило, проявлялось в стремительном росте мелких, главным образом кустарных, предприятий, объединенных единым руководством народной коммуны.

Оценивая кампанию «коммунизации» с позиций сегодняшнего дня, синьцзянские авторы отмечают, что она «не только не решила старых проблем, но и породила новые... создание народных коммун полностью разрушило только что созданные и несовершенные механизмы управления и систему распределения в прежних кооперативах низшего типа, привело к развитию серьезных «левацких» ошибок, в основе которых лежали принципы голого администрирования, очковтирательства, «коммунистического поветрия» и установления завышенных показателей».⁷

Трудно не согласиться с этим выводом, однако, на наш взгляд, главное зло заключалось в другом. В деревне была уничтожена экономическая основа самостоятельной хозяйственной деятельности отдельного крестьянского двора, уничтожен генофонд крестьянства. Лишенный средств производства, крестьянин был вынужден на любых условиях отдавать свой труд на «общее благо», а результаты его труда перераспределялись внешней для экономики деревни силой. Что касается города, то за победными рапортами «роста» промышленного производства скрывался политический и экономический волюнтаризм. При ближайшем рассмотрении этих цифр становится очевидно, что большинство созданных в годы «большого скачка» предприятий с большой натяжкой можно отнести даже к категории кустарных; почти все они были экономически неэффективны и вели к хищническому расхищению природных и трудовых ресурсов, материальных и финансовых средств. Кроме того, прокатившаяся по району «битва за сталь» не только подорвала промышленное производство, но и привела

к размыванию молодого отряда национально-рабочего класса, усилив в его среде психологию очковтирательства, с одной стороны, а с другой — изменив его этническую структуру. Именно под предлогом выполнения планов «большого скачка» происходит массовое переселение в СУАР ханьского населения из внутренних провинций Китая.

Наконец, в ходе этих кампаний сформировался и новый кадровый корпус. На смену гоминьдановских чиновников пришел «обоготворенный» в процессе кампании «борьбы с местным национализмом» денационализированный административно-бюрократический аппарат новой власти, который, преследуя своекорыстные интересы и слепо веря в непогрешимость доктрины, выдвигаемой вышестоящим руководством, не считался с объективной реальностью и интересами населяющих регион народов. Не меньшее значение играла и позиция центрального руководства КНР, требовавшего в 1958-1962 гг. более полного подчинения национальных районов политике, осуществляемой в общегосударственных масштабах. Упоминание о национальной специфике считалось плохим тоном и квалифицировалось как «местный национализм».

Все это и привело к обострению обстановки в регионе, к 1962 г. неудовлетворенность местного населения достигла таких размеров, что вызвала массовое бегство: более 60 тысяч казахов, уйгуров, киргизов, дунган и представителей других этносов перешли границу и остались на постоянное жительство в СССР.

Руководство КНР и КПК, учитывая это обстоятельство, предприняло попытку изменить свою национальную политику на более либеральную, но остановить зарвавшиеся местные «революционные кадры» было уже не возможно. По Синьцзяну прокатилась вторая волна движения «за социалистическое воспитание», захлестнувшая те прогрессивно настроенные элементы, которым удалось уцелеть в годы «борьбы с местным национализмом».

В этих условиях не дали сколь-нибудь значительного результата и меры по упорядочению народных коммун и ликвидации последствий «большого скачка», предпринятые в 1961-1965 гг., поскольку экономическое значение этих мер в Синьцзяне, как и в КНР в целом, подменялось решением задач политического и идеологического характера. В существование это было последней попыткой

править положение и вернуться на рельсы экономического строительства, но и она потерпела крах. Народы Китая вступили в десятилетие хаоса «культурной революции».

Нам могут возразить: не слишком ли много темных тонов, цифры экономического развития СУАР говорят об обратном? И мы согласимся. Да за первое десятилетие своего существования СУАР преобразился. Темпы роста совокупного общественного производства составляли свыше 15% в год, валовая стоимость промышленной продукции увеличилась с 81 млн. юаней в 1949 г. до 636 млн. юаней в 1965 г.; поголовье скота выросло вдвое, а производство зерновых — втрое; были освоены огромные площади целинных земель, начали развиваться нетрадиционные отрасли промышленности; численность кадровых работников из числа национальных меньшинств выросла с 12.841 в 1950 г. до 106 тыс. в 1965 г.; большая часть детей школьного возраста получили возможность обучаться в школе; в органах народной власти были представлены все национальности, а часть из них приобрела право на автономию. Все это не подлежит сомнению. Но зададимся вопросом, какими средствами и как все это было достигнуто, и так ли уж «ошеломляющи» эти показатели?

Наивысший прирост приходится на период до 1956 г., то есть на тот период, когда доминировали экономические методы управления, а в национальной политике практиковался принцип «каждый этнос должен быть хозяином на своей земле»; в дальнейшем, как мы видели, все это трансформировалось, и за дутыми цифрами стояли голод и нищета. Во-вторых, и это особенно важно, превращенные в подневольную наемную силу трудящиеся, конечно же, продолжали производить известную долю общественного продукта, обеспечивая себе гарантии от голода, но можно ли рассматривать это как созидательное развитие, как источник, обеспечивающий повышение благосостояния народа, а не как источник накопившихся социальных противоречий, вызвавший в том числе и «культурную революцию» в Китае?

Официально «культурная революция» началась в СУАР 3 августа 1966 г., когда по Урумчинскому радио выступил Чжоу Эньлай, призвавший народы Синьцзяна поддержать «Великую пролетарскую культурную революцию», и прекращена летом 1969 г. Такая скоротечность «культурной революции» объясняется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, острыми межэтническими противоречиями в регионе и их интенсификацией прибывшими из внутренних районов хунвэйбинами. Во-вторых, обострением отношений на советско-китайской границе и возникшей в связи с этим угрозой национальной безопасности. Наконец, противоречиями между центральным руководством Китая и руководителями автономного района, стремившимися как-то предотвратить развитие событий в регионе.

Однако, силы, выпущенные на свободу в 1966 г., было не так легко остановить. Несмотря на свою скоротечность, «культурная революция» оказала свое влияние и на Синьцзян: была разрушена традиционная культура, началась травля религиозных деятелей и национальной интеллигенции, закрывались и осквернялись места отправления религиозного культа, уничтожалась религиозная и прогрессивная светская литература, органы народной власти заменялись ревкомками, а принцип «пропорционального национального представительства» в них полностью игнорировался. По СУАР прокатилась очередная волна чисток, за 1964-1974 гг. число кадровых работников из национальных меньшинств сократилось со 106 тыс. до 70 тыс. В 1979 г. они составляли только 29% общего числа кадровых работников автономного района. Практически приостановились, а по ряду отраслей сократились темпы экономического роста. К 1979 г. район давал только 0,65% общего объема промышленной продукции КНР, занимая двадцать пятое место в стране; 24,1% государственных промышленных предприятий являлись убыточными, а 82,9% государственных сельскохозяйственных предприятий жили за счет государственных дотаций. Производительность труда как в городе, так и в деревне была не только ниже среднего уровня по стране, но и не достигала показателей 1955-1956 гг. в автономном районе. Неравномерность и диспропорциональность стали основными особенностями экономики региона. Низкими оставались и доходы населения, составляя в среднем по региону 102,5 юаня, а в округах Южного Синьцзяна в 1,5-2 раза ниже. Начиная с 1969 г. район был не в состоянии обеспечить себя зерновыми и мясом. Вот кратко те последствия, к которым приводит игнорирование решения имевших место противоречий, и итоги второго десятилетия развития СУАР.

(продолжение в следующем номере)

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Синьцзян шэкуй изсюэ». — 1986, — № 6. — С. 27-28.
2. Подробнее см.: Сыроежкин К. Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика (50-е — 80-е годы). — М., Панорама, 1997; Он же. Национально-государственное строительство в КНР: теория и практика. — Алматы, КИСИ, 1998; Он же. Демографическая ситуация в Синьцзяне // Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. — 1995. — № 3. — С. 21-34.
3. См.: Синьцзян вэйуэр изычжи шой гайсуан (Основные сведения по Синьцзян-Уйгурскому автономному району). — Урумчи, — 1985. — С. 42.
4. Подробнее см.: Сыроежкин К. Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика (50-е — 80-е годы). — С. 37-64.
5. Синьцзян вэйуэр изычжи шой гайсуан. — С. 70.
6. См.: «Каша жибао». 1.05.1958.
7. См.: Цзиньжи Синьцзян (Синьцзян сегодня). Ч. 1. — Урумчи, — 1987. — С. 45-46.

ФРАНЦИЯ — СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПАРТНЕР КАЗАХСТАНА

Арыстанбекова А.Х.

Франция является одним из первых западных государств, признавших независимость Республики Казахстан в январе 1992 года. Основы межгосударственных отношений между Казахстаном и Францией были заложены во время государственного визита во Францию в сентябре 1992 года Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева в подписанном Договоре о дружбе и сотрудничестве и взаимопонимании и получили развитие во время официального визита в Казахстан в 1993 году Президента Франции Ф. Миттерана.

Казахстанско-французский политический диалог на высшем уровне активно развивается в последние годы. За период 1995-2000 гг. состоялось 8 встреч Президента Н.А.Назарбаева и Президента Ж.Ширака, в ходе которых были продемонстрированы близость и совпадение позиций по ключевым международным и региональным проблемам. Будучи одной из пяти ядерных держав и постоянным членом Совета Безопасности ООН, Франция, в числе других, представила Казахстану гарантии ядерной безопасности.

Официальный рабочий визит Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева во Францию, состоявшийся 27-30 июня 2000 года, поднял на качественно новый уровень сотрудничество двух стран, заметно расширил его параметры. Высшим руководством Республики было подтверждено, что Франция, в силу развивающихся политических, экономических и культурных связей двух стран, становится стратегическим партнером Казахстана в Европе и в мире.

Франция, будучи образцом государства-нации, всегда отстаивала свое место в мире и оказывала влияние на мировую политику. Она придает особое значение своей независимости — принципу, который был положен в основу ее внешней политики с 60-х годов генералом де Голлем.

Воплощая на протяжении прошлых веков борьбу за права человека, Франция в наши дни активно выступает за формирование многополярного мира, обеспечение

мирового равновесия на основе универсальных ценностей.

По мнению Франции, возникновение многополярного мира отвечает интересам всех народов и, одновременно, будущему мировому равновесию. Мир с одним полюсом тяжести — ситуация нестабильная, когда существует риск смешения собственных национальных интересов доминирующей державы с универсальными ценностями. Существование многополярного мира, являясь фактором равновесия и наибольшей свободы, делает возможным сосуществование стратегической стабильности, мира и права народов на свободное развитие.

Место Франции в мировой политике усилено европейским строительством. Франция — одна из ведущих стран, имеющая целью превратить Европу в один из важнейших полюсов многополярного мира в новом столетии.

С мая 1950 года, с планом Монне-Шумана по углю и стали, Франция стала инициатором европейского строительства. С тех пор, на протяжении пятидесяти лет она играет ведущую роль в усилиях по осуществлению «великого замысла» — строительства единой Европы, ядро которой составляли бы Франция и Германия.

Став с 1 июля с.г. председателем Европейского Союза, Франция особое внимание уделяет приоритетным задачам реформирования европейских институтов, расширения ЕС, создания системы европейской обороны и безопасности, обеспечения дальнейшего экономического роста и социального прогресса. По словам Президента Ж.Ширака, она прилагает все усилия для успешного претворения в жизнь «амбициозных планов европейцев».

Современная политическая жизнь Франции протекает в ритме избирательных кампаний по скользящему графику: выборы в Национальное Собрание (нижнюю палату Парламента) проходят через каждые 5 лет, муниципальные выборы — через 6 лет, выборы Президента Республики — через 7 лет, выборы в Сенат (верхнюю палату Парла-

мента) – через 9 лет. Система рассчитана так, чтобы никогда не создавался вакуум власти и чтобы в политике присутствовали стабильность и преемственность.

Пятая Республика, созданная в соответствии с Конституцией в 1958 году, усилила роль исполнительной власти – Президента и Правительства.

Президент является верховным главнокомандующим, гарантом национальной независимости и конституционности, имеет основные прерогативы в области внешней политики и безопасности, промульгирует законы, назначает Премьер-министра и других представителей высшей администрации, имеет право роспуска Национального Собрания, назначения 3 членов Конституционного Совета и пожизненного заседания в нем после окончания президентского мандата.

Конституция страны определяет как единоличные полномочия Президента, так и те, которые он делит с Премьер-министром, что сделало возможным функционирование институтов власти в периоды «сосуществования», когда Президент и Премьер-министр представляют различные политические лагеря.

Сосуществование различных политических сил в системе органов государственной власти является крупным политическим новшеством недавнего времени.

В 1986 году в результате парламентских выборов Президент Французской Республики Франсуа Миттеран получил Национальное Собрание, большинство в котором принадлежало «Объединению в поддержку Республики» (ОПР) и «Союзу за французскую демократию» (СФД). Такое положение привело к первому «сосуществованию», когда до 1988 года пост Премьер-министра занимал Ж.Ширак.

Второе «сосуществование» имело место с марта 1993 года, когда Президент Миттеран назначил Премьер-министром Эдуара Балладюра (ОПР), и до 1995 года, когда Президентом Республики был избран Жак Ширак.

Третье «сосуществование» началось с июня 1997 года, когда парламентские выборы, последовавшие за роспуском Национального Собрания Жаком Шираком, обеспечили большинство представителям левых сил и Премьер-министром был назначен Лислель Жоспен. В целом, три периода «сосу-

ществования» свидетельствуют о том, что институты Пятой Республики вполне работоспособны и обеспечивают Франции определенную политическую стабильность. Хотя такое положение ни в коей мере не влияет на международную политику государства, поскольку Президент Республики и Премьер-министр выступают на крупных форумах с единых позиций, оно не снижает уровня традиционного противостояния левых и правых сил во внутренней жизни страны.

С момента принятия Национальным Собранием в ноябре 1873 года соответствующего законопроекта Президент Республики избирается на семилетний срок. В текущем году активизировалось обсуждение вопроса о целесообразности внесения изменений в Конституцию, определяющих переход на пятилетний президентский мандат. Все политические партии, за исключением созданного недавно «Объединения в поддержку Франции» и крайне правой партии «Национальный Фронт», предложили сократить конституционный семилетний срок мандата Президента Республики до 5 лет.

Президент Ж.Ширак промульгировал закон о проведении 24 сентября 2000 года всеобщего референдума по вопросу о переходе на пятилетний мандат с правом многократного переизбрания.

Роль политических партий узаконена специальной статьей Конституции Франции. Партии представлены в обеих палатах Парламента фракциями, участвующими в парламентских дебатах, вносящими законодательные предложения и голосующими по ним. Несмотря на наличие более десяти политических партий, только 6 из них продолжают играть важную роль в политической жизни Франции: это три «большие партии», собравшие больше 20% голосов, – Социалистическая партия, голлистская (правая) партия «Объединение в поддержку Республики», центристская партия «Союз за французскую демократию» и три малые партии, собирающие от 10 до 15% голосов, – «зеленые» (разделенные на два течения), Коммунистическая партия и «Национальный Фронт» (разделенный на два лагеря).

С точки зрения экономического рейтинга Франция продолжает занимать четвертое место по объему валового внутреннего продукта (ВВП) после США, Японии и Германии. На протяжении последнего десятилетия этот показатель, характеризующий

реальный экономический рост страны, имеет позитивную динамику.

В целом, экономика Франции отличается высокоэффективной диверсифицированностью. В структуре ВВП наиболее важные позиции занимают промышленность и сельское хозяйство.

Доминирующими отраслями французской индустрии являются: автомобилестроение, химия и нефтехимия, авиастроение (азробусы, военные самолеты), электроника, металлургия, железнодорожная техника. Парфюмерно-косметический сектор и «высокая мода» обеспечивают Франции мировое лидерство и постоянно присутствуют в структуре экспорта во все страны мира.

По объему производства сельскохозяйственной продукции, где занято всего 5% населения, Франция занимает первое место в Европе и второе место в мире после США. Ведущая отрасль сельского хозяйства – животноводство (более 50% всей продукции). Франция является крупнейшим производителем зерна на континенте (около 70 млн. т). Другими основными видами сельскохозяйственной продукции являются: сахарная свекла – второе место в мире и первое место в ЕС; вино – также второе место в мире и в Европе; молоко – пятое место в мире и второе место в ЕС; мясо КРС – шестое место в мире и первое место в ЕС; зерна масличных культур – первое место в ЕС. По объему экспорта сельхозпродукции Франция занимает второе место в мире (после США).

Современная экономическая ситуация Франции характеризуется сохраняющейся тенденцией роста и позитивными изменениями основных социально-экономических показателей.

Рост валового внутреннего продукта (ВВП) за 1999 год составил +2,8%. В стоимостном выражении ВВП оценивается в пределах 1,4 трлн. долларов США. В пересчете на душу населения этот показатель составляет 24,5 тыс. долл. США.

Благоприятно складывается и инвестиционная ситуация, выражающаяся ростом объемов прямых инвестиций как за рубеж, так и привлекаемых во Францию. Прозрачная и гибкая политика в этой области позволяет Франции четвертое место в мире по объему притока иностранных инвестиций (после США, Великобритании и Голландии) и четвертое место по объему инвестиций за границей.

За 1999 год объем привлеченных во Францию прямых иностранных инвестиций составил 27,1 млрд. долларов США, из них более 75% направляются странами союза Евро, в основном Голландией, Испанией и Германией. Вне стран ЕС, первое место по объемам вложенных инвестиций принадлежит США. Объем прямых французских инвестиций за границу за 1999 год составил 83 млрд. долл. США. Из них 53% размещены в странах ЕС, 29% – в США, 6,2% – в Японии. В настоящее время, в связи с развитием процессов глобализации, выражающихся в слияниях и объединениях крупнейших компаний и банков, наблюдается активная динамика роста объемов французских прямых инвестиций за границу, в первую очередь в страны ЕС, США и Японию. По сравнению с 1998 годом этот показатель возрос на 127%.

Важными стимулами, активизирующими приток иностранных инвестиций во Францию, являются: выгодное геостратегическое расположение Франции, прозрачность внутреннего рынка, его объем и привлекательная структура, высокое качество и развитость инфраструктуры, производительность рабочей силы. Инвестиционная программа страны предусматривает ориентацию на привлечение капиталов в области высоких технологий сектора информатики, телекоммуникаций, авиа- и приборостроения.

Приватизационный процесс осуществляется в стране поэтапно четырнадцатый год, отличается программным подходом, прозрачностью и является важнейшим источником пополнения государственного бюджета. В случае возникновения сомнений в эффективности или правомерности сделок приватизационный проект передается на рассмотрение Комиссии по приватизации, решение которой считается окончательным и безапелляционным. Одно из последних принципиальных решений этой комиссии было связано с отменой проекта приватизации правительства А.Жюппе по уступке фирмы «Томсон-мультимедиа» южнокорейской фирме «Дэу».

В основе показательной деловой активности Франции лежит гибкая и эффективная экономическая политика правительства, осуществляемая как внутри страны, так и в рамках сотрудничества с зарубежными странами.

образование, профессиональная подготовка). Образовательная подготовка также может входить в компетенцию и иных министерств, например, Министерства сельского хозяйства применительно к лицам с сельскохозяйственным уклоном.

Французская наука, с ее богатейшими традициями, и сегодня занимает одно из ведущих мест в мире. Она вносит свой вклад в развитие фундаментальных исследований и связанных с ними технологий во всех отраслях знаний.

Французская математическая школа считается одной из лучших в мире. Современная французская физика – наследница научных исследований знаменитых предшественников – от Анри Беккереля, Пьера и Мари Кюри до Альфреда Каствлера и Луи Нееля – продолжает добиваться выдающихся успехов в самых разных областях: квантовой оптике, атомной физике, изучении магнитного поля и физике твердого тела, гидродинамике, разработке материалов для микроэлектроники. Крупные достижения французских ученых отмечены в области химии, в сфере наук о жизни, о Земле и Вселенной. Мировую известность приобрели французские исследования в области гуманитарных и общественных наук.

Труды французских ученых – лауреатов Нобелевской премии – физиков Пьера-Жюльена де Жана, Жоржа Шарпака, Клода Коэн-Таннуджи, химика Жан-Мара Лена, экономиста Мориса Алле и многих других получили широкое международное признание.

Франция является страной особой культурной и исторической исключительности.

Средства, выделяемые государством Министерству культуры, из года в год неизменно увеличиваются и в 1999 году достигли символического порога-1% бюджета, т.е. 15,6 млрд. франков (2,5 млрд. долл.). Если эти средства суммировать с расходами на нужды культуры других министерств (например, национального образования, по делам молодежи и спорта) и средствами, выделенными на нужды таких организаций, как Национальный центр научных исследований, центры культуры, на треть финансируемые государством, а также с кредитами на обустройство городов и сельских районов и развитие туризма, то получится, что на финансирование культуры государство ежегодно ассигнует около 40 млрд. франков.

Франция славится исключительным богатством своего историко-архитектурного наследия. Принимая ежегодно свыше 60 миллионов туристов, она является самой посещаемой страной в мире.

Сильная экономика, независимая политика, богатая культура и история Франции, входящей в пятерку великих держав планеты, выдвигают ее в разряд важнейших партнеров Казахстана.

На сегодняшний день в Казахстане имеются представительства около 40 крупных известных французских фирм, которые инвестируют ряд проектов в различных отраслях казахстанской экономики.

Объединенная «ТотальФинаЭльф» работает в нефтедобывающей отрасли и является активным членом консорциума ОКИ-ОК, «Авентис» («Рон Пуленк»), участвует в развитии промышленности сельскохозяйственных химикатов, а «Женераль Жеофизик» – горнорудной. Известная компания «Женераль дез О» (холдинг Вивенди) совместно с акимом г. Алматы создала СП по очистке и управлению системой водоснабжения города.

В энергетической области Казахстана сотрудничает компания «Мекаиди», которая приватизировала Лениногорский каскад малых ГЭС. Для эксплуатации каскада создано ТЭО «ЛенГЭС». Компания «Буйг» участвовала в строительных проектах республики и имеет намерение принять участие в строительстве объектов Астаны.

Удалось продвинуть и проекты, реализуемые в области транспорта.

В настоящее время отмечаются позитивные подвижки по проекту поставки в аэропорты Казахстана локаторных установок произведенных французской компанией «Томсон-ЦСФ».

Государственная компания железных дорог Франции «СНЦФ» заинтересована и ведет переговоры по проекту улучшения железнодорожного пассажирского движения между двумя казахстанскими столицами.

Известная французская компания «Альстом» ведет проект поставки медицинского оборудования для строящегося госпиталя в г. Астане.

С учетом развивающихся экономических связей двух стран Франция объявила в 1998 году об открытии правительственной кредитной линии на сумму 300 млн. французских франков и выделении льготной

долгосрочного займа с весьма благоприятными условиями на финансирование приоритетных проектов Республики Казахстан.

В ближайшее время ожидается начало финансирования за счет «мягкого займа» двух проектов – водного проекта в г. Алматы и проекта АО «Химпром» в Павлодарской области.

В 1992 году, на основании Протокола об экономическом сотрудничестве, была создана Межправительственная рабочая группа по экономическому сотрудничеству, заседания которой состоялись в сентябре 1993 года в Алматы, в январе 1995 года в Париже, в марте 1996 года в Алматы, в феврале 1998 года в Париже. Очередное пятое заседание комиссии ожидается осенью с.г. в Казахстане.

Активизация торгово-экономического партнерства с Францией остается приоритетной задачей двустороннего сотрудничества. Так, в рамках визита Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева во Францию, в июне с.г. были подписаны такие важные документы, как Протокол о намерениях между «Казтрансойл» и компанией «ТотальФинаЭльф», Конвенция о сотрудничестве между Министрами транспорта Казахстана и Франции, Протокол о намерениях между «Казахойл» и АО «Буйг Оффшор», Соглашение о сотрудничестве между Министерством экологии и природных ресурсов Республики Казахстан и компанией «БРЖМ».

Во время индивидуальных встреч Президента Республики Казахстан с руководителями французских компаний была подтверждена заинтересованность Казахстана в сотрудничестве с компанией «Женераль дез О» по водному проекту в Алматы, компанией «Томсон ЦСФ» в секторах аэронавигационной сферы, компанией «БРЖМ» по ликвидации ртутного загрязнения на АО «Химпром» г. Павлодара. Было также высказано пожелание об участии компании «Буйг» в строительстве объектов в г. Астане.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что состоявшийся визит Президента Республики Казахстан придаст новый импульс экономическим отношениям между нашими странами и их выводу на уровень приоритетного стратегического партнерства.

Во время встречи Президента Н.А. Назарбаева с Президентом Франции Ж.Ши-

раком в июне 2000 года было уделено особое внимание вопросам культурно-гуманитарного сотрудничества. Руководителями двух стран была отмечена необходимость дальнейшего укрепления контактов в этой сфере путем проведения взаимных мероприятий (дней культуры, концертов, выставок и т.д.), а также желательность развития изучения в Казахстане французского языка.

Культурное, научное и гуманитарное сотрудничество между двумя странами развивается на основе межправительственного Соглашения в области культуры и искусства и Соглашения между Национальной Академией наук Казахстана и Национальным Центром научных исследований Франции, а также посредством побратимских связей между г. Ренном и Алматы. Создание в Казахстане Высшей государственной школы администрации во многом было вдохновлено моделью Национальной школы администрации Франции.

Важным этапом в деле ознакомления с культурой Казахстана стали празднования в ЮНЕСКО и Франции в 1995 году 150-летия со дня рождения Абая и в 1997 году – 100-летия со дня рождения М.О. Ауэзова. Выступления казахстанских артистов, выставка прикладного искусства, доклады писателей получили высочайшую оценку французов и показали их желание лучше знать нашу страну.

В рамках «Казахских музыкальных сезонов во Франции» в ноябре 1998 и октябре 1999 года состоялись блестящие концерты казахской народной и классической музыки в престижных залах Парижа и других городов Франции.

Наметились определенные положительные сдвиги в реализации договоренностей, предусматривающих развитие казахстанско-французских отношений в области образования, что, прежде всего, проявляется в установлении прямых связей между соответствующими ведомствами двух стран на основе конкретных соглашений, систематизирующих двусторонние контакты по направлениям их деятельности. За прошедшие годы во Францию на учебу и стажировку выезжало более 200 казахстанских школьников, студентов и научно-педагогических работников.

Между Министерством образования Республики Казахстан и Национальным центром Франции по подготовке кадров с

высшим и средним образованием подписано Соглашение о направлении во Францию на учебу стипендиатов программы «Болашақ», в рамках которой во Франции в настоящее время обучаются 14 студентов.

Установлено и развивается сотрудничество между Казахским институтом менеджмента экономики и прогнозирования (КИ-МЭП) и Высшей школой коммерции Франции (ВШК). В рамках программ Европейского Союза специалисты ВШК в течение шести лет обучали менеджеров в КИМЭП. В свою очередь, ряд преподавателей института, в соответствии с двусторонними договоренностями, учились в ВШК. Высшая школа коммерции Франции установила также контакты сотрудничества с Международной Академией бизнеса г. Алматы.

В рамках Протокола с Французским международным центром студентов и стажеров ряд аспирантов, стажеров, представителей профессорско-преподавательского состава Казахстана проходили стажировки во Франции.

На регулярной основе казахстанских слушателей принимает на обучение Национальная школа управления Франции.

Имеются договоренности о сотрудничестве между КазГУ им. Аль Фараби, Юридическим университетом г. Алматы и Университетом г. Рени, Академией управления г. Алматы и Международным институтом государственного управления г. Парижа. Интерес к сотрудничеству проявляет Бургундский университет г. Дижона.

В рамках побратимских отношений городов Алматы и Ренна осуществляется межвузовский обмен студентами. Ежегодно 4-5 студентов Казахского университета мировых языков обучаются в течение одного семестра в университете Ренн-2, а студенты французского университета проводят семестр учебы в г. Алматы.

Около 20 студентов обучались в предыдущие годы в вузах Франции по программе ЕС «Коперникус». Более 30 стажеров Казахской Государственной Академии управления обучались экономическим наукам в Реннском университете.

С 1998 года в районе с. Берель (Восточно-Казахстанская обл.) совместная группа французских и казахстанских археологов проводила раскопки захоронения эпохи сапков, относящегося к III веку до нашей эры. В настоящее время ведется обработка предметов и лабораторное изучение полученных результатов.

В области здравоохранения в 1997 году между Министерством образования, культуры и здравоохранения Республики Казахстан и французской Ассоциацией врачей «Цепь надежды» было подписано соглашение о сотрудничестве по осуществлению бесплатного оперативного лечения казахстанских детей в кардиологических центрах Франции, а также о подготовке молодых казахстанских кардиохирургов в госпиталях Франции. В рамках этого Соглашения во Франции прооперированы более десятка казахстанских детей.

За 8 лет развития казахстанско-французских двусторонних отношений между этими странами сложились прочные связи по многим направлениям сотрудничества. Вместе с тем, несмотря на позитивную тенденцию их активизации, имеется достаточно большой неиспользованный потенциал, особенно, в области экономических и культурных связей.

Поэтому Посольство Казахстана во Франции продолжает осуществлять свои целенаправленные усилия по содействию дальнейшему укреплению и расширению полномасштабного сотрудничества с Францией – стратегическим партнером Казахстана.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМАМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В ВОЕННОЙ ДОКТРИНЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Дубовцев Г.Ф.

Коренные изменения, произошедшие в геополитическом окружении Республики Казахстан, ее экономической и общественно-политической системе за годы становления и независимого развития, глубокая трансформация ее внешнеполитических интересов и военных потребностей с особой остротой поставили вопрос обеспечения национальной безопасности страны. При этом, как показывают события, происходящие по периметру границ Казахстана, вопросы обеспечения военной безопасности не должны быть второстепенными в деятельности государства. И сегодня, как никогда ранее, от правильного формулирования и осуществления военной политики зависит не только эффективность работы военного ведомства и других силовых структур, но и успешное осуществление экономических реформ. Соотношение нужд обороны и наличных экономических ресурсов страны – это вопрос, правильное решение которого напрямую влияет на благосостояние наших граждан. Именно по этой причине Республике Казахстан нужна такая оборона, которая, с одной стороны, соответствовала бы ее экономическим возможностям, а с другой – в максимально возможной степени могла бы обеспечить ее военную безопасность. В противном случае непосильное военное бремя неминуемо подорвет не только экономику государства, но и, в конечном итоге, – саму обороноспособность страны.

Военная политика как часть общей политики нашего государства на практике реализуется в Военной доктрине. В этом документе содержатся официальные основополагающие взгляды на обеспечение военной безопасности, предотвращение войн и вооруженных конфликтов, военное строительство, а также на применение Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований государства. Как известно, ныне действующая Военная доктрина была утверждена Указом Президента Республики Казахстан 10 февраля 2000 года.

За семь лет, прошедших с момента принятия первой Военной доктрины суверенного Казахстана, кардинально изменилась обстановка в мире и Центральноазиатском регионе. Эти изменения коснулись как политических, так и военных аспектов. Если говорить о последних, то, как сказано в Доктрине, в современной обстановке маловероятно развязывание широкомасштабного военного конфликта, в который может быть вовлечен Казахстан. В то же время возникли новые факторы, дестабилизирующие обстановку в регионе и усиливающие угрозу безопасности страны. В частности, сохраняется вероятность развязывания военных конфликтов различного масштаба и интенсивности у границ Республики Казахстан. Причем их потенциальная угроза в настоящее время расширяется, что связано с обострением территориальных, национальных, этнических, религиозных и иных противоречий. Помимо этого, сохраняется угроза распространения ядерного и других видов оружия массового поражения, особую остроту приобрели проблемы международного терроризма. То есть качественные изменения, произошедшие в геополитическом окружении Казахстана, не обеспечивают гарантий для его безопасного развития.

За прошедшие годы многое изменилось не только в международной обстановке, но и внутри страны. В частности, принята новая Конституция Республики Казахстан, в которой уточнены полномочия Президента страны – Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами – по вопросам обеспечения национальной безопасности. Изменились подходы к оценке возможных военных угроз, выработке мер по укреплению стабильности в регионе, созданию эффективной структуры обеспечения национальной безопасности. В Стратегии национальной безопасности Республики Казахстан на 1999-2005 годы определены приоритетные направления деятельности государственных органов, в том числе всех сило-

вых структур, в сфере обеспечения военной безопасности.

В этой связи принятие новой Военной доктрины имеет принципиальное значение для осуществления эффективного военного строительства в нашей стране. Этот документ является методологической основой для подготовки всех нормативных актов в области военной безопасности. Опираясь на нормы международного и национального права, Доктрина регулирует отношения в оборонной сфере между различными институтами государства. Более того, основные доктринальные установки должны конкретизироваться и реализовываться через систему законов, ведомственных программ и планов, а также уставов и наставлений.

Открытое опубликование новой Военной доктрины имеет важное международное значение, так как в последние годы наметилось новое направление военного сотрудничества – согласование военных доктрин различных государств. Их принципы и содержание становятся предметом международных консультаций и переговоров. Все это способствует созданию обстановки открытости в военной области, повышению доверия и демилитаризации отношений между странами.

Очевидно, что закрепленные в Доктрине новые подходы к проблемам обеспечения военной безопасности требуют проведения глубоких, коренных преобразований всей военной организации государства.

Разумеется, такие преобразования необходимо проводить на основе четкого знания реальных потребностей обеспечения защиты краеугольных ценностей страны – ее независимости, суверенитета, территориальной целостности, национального достоинства. Не менее важно учитывать объективные возможности страны по удовлетворению этих потребностей.

Для обеспечения военной безопасности страны нужны средства, причем, немалые. Военный потенциал государства требует значительных расходов, соответствующих материальных и интеллектуальных ресурсов, которые могли бы пойти на удовлетворение других нужд страны и обеспечение благосостояния граждан.

Именно по этой причине в условиях существующих в настоящее время экономических и социальных проблем необходимо четкое, обоснованное определение приорите-

тов военного строительства и рациональное использование ресурсов. Военные потребности государства должны формулироваться исходя из реально существующих и доказуемо вероятных, а не всех теоретически возможных угроз безопасности страны. Реальные экономические и военные возможности государства требуют чрезвычайно взвешенного подхода к определению этих угроз.

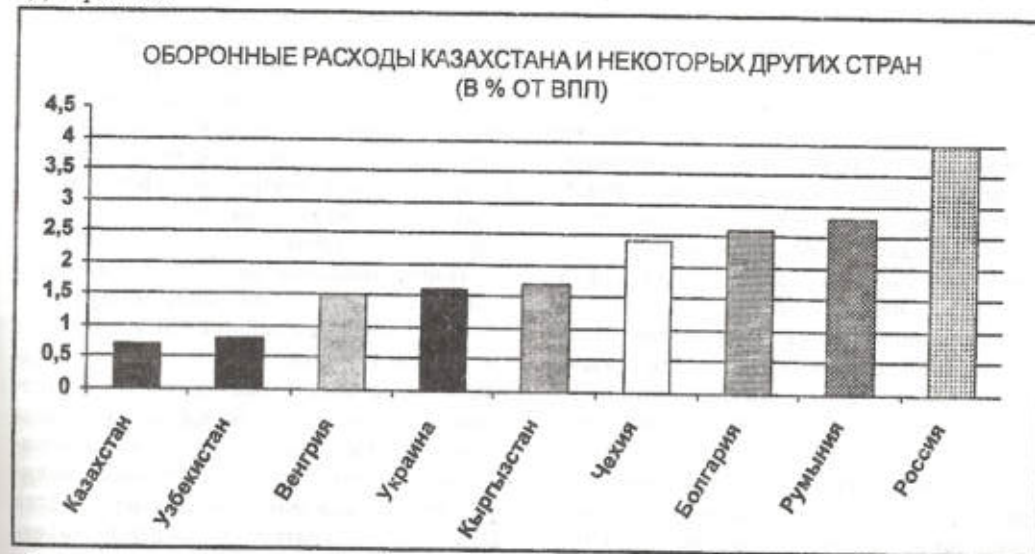
В качестве потенциальных военных угроз на среднесрочный период в Доктрине рассматриваются: распространение международного терроризма и экстремизма, эскалация военных конфликтов, появление в непосредственной близости от наших границ новых ядерных государств.

Эти и другие новые угрозы безопасности страны требуют адекватной оценки и принятия соответствующих мер. Без адаптации военной политики государства, его военной организации к изменившимся реалиям обеспечить эффективную оборону страны вряд ли удастся. При этом необходимо, с одной стороны, адекватно реагировать на существующие и потенциальные военные угрозы, а с другой – исходить из реальных экономических и технических возможностей страны.

В этой связи новизна Военной доктрины заключается в том, что она органически вписывается в общую систему обеспечения национальной безопасности, является одним из рычагов совершенствования деятельности государства в военной сфере. Она рассматривает именно наиболее вероятные внешние и внутренние угрозы военной безопасности и определяет, исходя из этого, потребности обороны.

Сегодня ресурсы Казахстана ограничены, он не может нести непосильные для экономики военные расходы. По этой причине нельзя осуществлять подготовку к защите от всех потенциальных угроз, так как для этого нужны Вооруженные Силы соответствующей численности и технической оснащенности, чего в настоящее время не позволяют экономические возможности государства. Достаточно наглядно уровень оборонных расходов нашего государства в сравнении с некоторыми странами, находящимися на этапе перехода к рыночной экономике, отражен на диаграмме 1, составленной на основе данных корпорации RENO (США).

Диаграмма 1

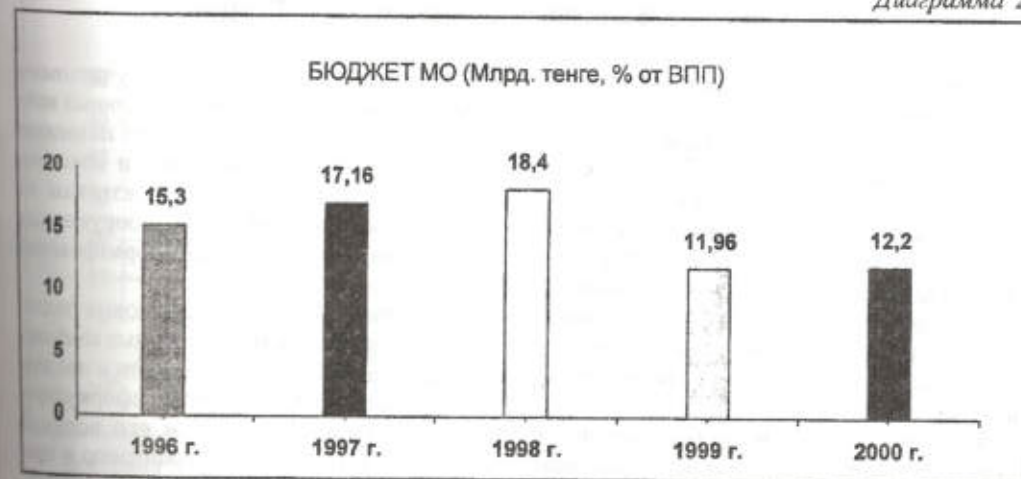
В изменившихся геополитических условиях требует своего разрешения ряд проблемных вопросов, напрямую влияющих на обеспечение военной безопасности страны и эффективность военного строительства.

Основные из них можно сформулировать следующим образом.

Во-первых, структура, состав, решаемые задачи, уровень подготовки и технической оснащенности Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований государства вошли в противоречие с задачами предотвращения и пресечения реальных и потенциальных военных угроз, финансово-экономическими возможностями государства. Не секрет, что после обретения Казахста-

ном суверенитета создание собственной армии началось, по сути, с советского наследия нашему государству. Что здесь имеется в виду? Наши Вооруженные Силы унаследовали не только организационно-штатную структуру, технику и вооружение, военную инфраструктуру, но и доктринальные установки прежней системы на подготовку к «большой войне». Как показала жизнь, такой подход уже не соответствует потребностям обеспечения безопасности страны в изменившихся геополитических условиях. Боевые действия в Чечне, особенно в первой кампании 1994-1996 годов, а также прошлогодние события в соседнем Кыргызстане наглядно показали, что вооруженные силы, готовив-

Диаграмма 2

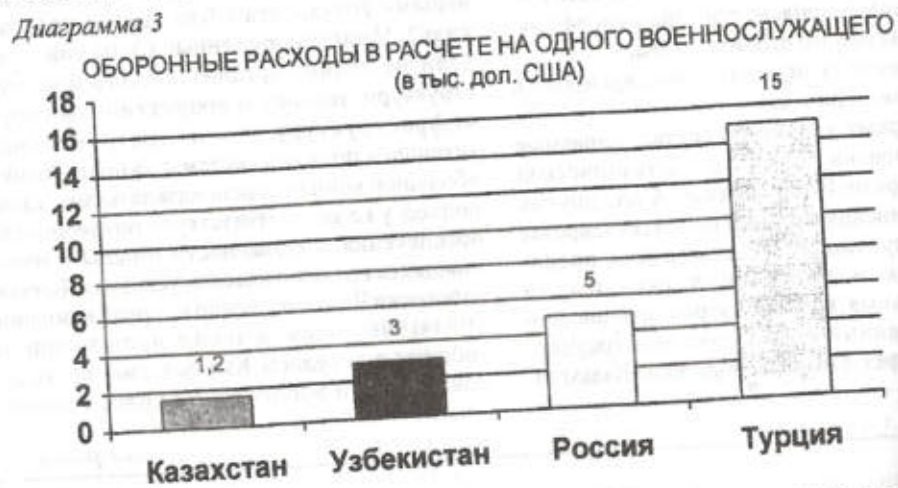

* В диаграмме приведены данные фактического исполнения бюджета МО РК в 1996-1999 гг. и планируемые показатели на 2000г.

шиеся в основном к крупномасштабной войне, оказались практически не готовы к действиям в военных конфликтах меньших масштабов.

Во-вторых, уровень финансирования наших Вооруженных Сил не удовлетворяет потребности их повседневного функционирования в существующем составе, структуре и численности. Это наглядно демонстрируют показатели финансирования Вооруженных Сил за период 1996 – 2000 гг., представленные на диаграмме 2.

Оборонный бюджет Республики Казахстан на 2000 год позволяет тратить в расчете на одного военнослужащего около 1,2 тыс. долларов в год по текущему валютному курсу, в то время как, например, на одного российского солдата (диаграмма 3) приходится 5 тыс. долларов, а узбекского – 3 тыс. долларов, не говоря уже о 180 тыс. долларов, приходящихся на одного американского солдата [1].

Большая часть средств, выделяемых армии, тратится на ее содержание, т.е. на выплату денежного довольствия и заработной платы, закупку продовольствия, вещевое обеспечение. Но даже при этом большинство военнослужащих находятся в тяжелом материальном положении. На финансирование плановой боевой учебы, ремонт, а тем более закупку вооружения и техники, оплату текущих коммунальных платежей, строительство жилья средств просто не остается.

В связи с этим возникает необходимость четко определить, куда направлять ограниченные оборонные ассигнования.

Новая Доктрина позволяет наметить приоритетные направления деятельности государственных органов, всех силовых структур в сфере обеспечения военной безопасности. Этому способствует четкое определение политики Республики Казахстан в области обеспечения военной безопасности, наиболее вероятных внешних и внутренних угроз, а также целей и основных задач государства как в мирное, так и в военное время.

Принципиальное значение имеет определение структуры и направлений руководства обеспечением военной безопасности государства. Только при условии координации деятельности всех звеньев государственного управления между собой, через гибкое сочетание имеющихся в их распоряжении экономических, политических, военных, информационных и других средств можно рассчитывать на повышение эффективности использования всех элементов мощи государства.

Военные основы доктрины учитывают характер и основные черты современных войн и вооруженных конфликтов, что позволяет сделать вывод о необходимости внесения кардинальных изменений во взгляды на формы и способы применения Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований государства.

Примененные в Доктрине новые подходы к типизации возможных военных конфликтов по масштабам, интенсивности и продолжительности позволяют четко сформулировать задачи государства и его военной организации по их предотвращению и пресечению. Появилась возможность опреде-

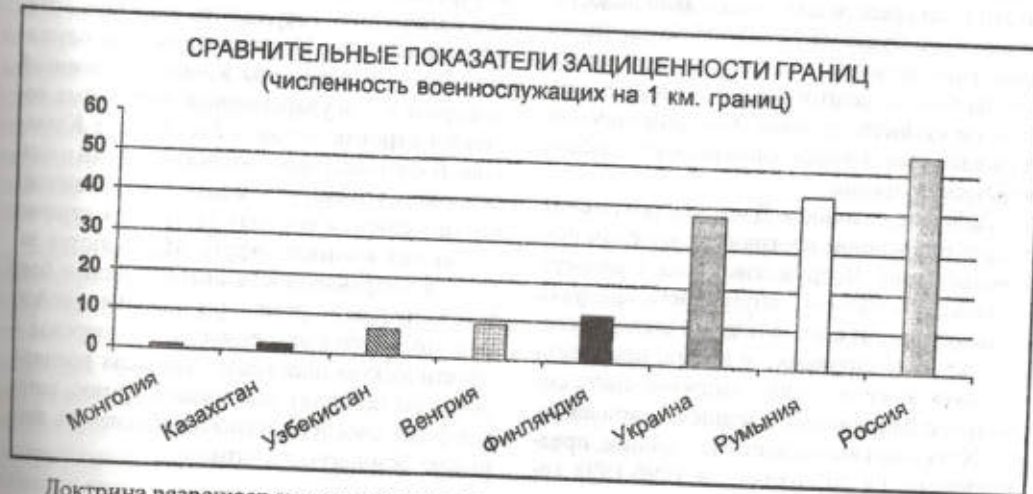
лить, к чему осуществлять подготовку страны и ее военной организации.

Анализ внешнеполитической обстановки, прогнозы ее развития в регионе показывают, что развязывание конфликта высокой интенсивности против Казахстана в среднесрочной перспективе маловероятно. Поэтому вряд ли будет целесообразным в настоящее время осуществлять строительство и подготовку Вооруженных Сил из расчета участия в таком конфликте. Это приведет к большим затратам, в то же время армия будет плохо подготовлена к отражению наиболее вероятных угроз.

Другие ситуации – перенос военных действий с территории соседних государств, возможность возникновения приграничных конфликтов, конфликты, спровоцированные при проникновении извне вооруженных бандформирований, ликвидации незаконных вооруженных формирований, террористических групп и т.п. – являются более вероятными. Именно такие конфликты получили в современных условиях наибольшее распространение.

При громадной территории, большой протяженности границ, относительно небольшой численности населения (диаграмма 4), ограниченных ассигнованиях на оборону Казахстан не сможет защищаться от всех теоретически возможных угроз, так как для этого нужны Вооруженные Силы соответствующей численности и технической оснащенности, чего не позволяют экономические возможности государства.

Диаграмма 4

Доктрина разрешает существующую дилемму: осуществлять подготовку страны и ее

стоящее время ряды чиновников в погонах, не имеющих прямого отношения к вопросам

военной организации к особо опасным, но маловероятным угрозам, либо готовиться к менее опасным, но наиболее вероятным ситуациям.

Вполне очевидно, что строительство и подготовка Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований в ближайшие годы должны быть направлены на пресечение конфликтов низкой интенсивности, представляющих наиболее вероятную угрозу в обозримом будущем для мирного развития нашей страны.

Определение в Доктрине основных направлений и этапов военного строительства позволяет сконцентрировать все ресурсы для выполнения конкретных задач и мероприятий, что имеет немаловажное значение в условиях бюджетных ограничений.

Смысл планируемых преобразований как нельзя лучше объясняет термин «оптимизация». Речь идет не о механическом сокращении каких-то структур. Необходимо объединить, интегрировать ряд органов и структур на основе функционального и территориального принципов, упразднить параллельные и дублирующие компоненты, создать объединенные системы управления и обеспечения. В этой связи возникает необходимость четко определить, какие силовые структуры в составе военной организации государства задействованы в решении задач обеспечения военной безопасности. Все остальные ведомства должны быть «демилитаризованы». Разумными доводами трудно объяснить непомерно разросшиеся в на-

обороны страны. С учетом требований новой Доктрины появляется возможность это сделать. В условиях мирного времени непосредственно задачи обороны страны решаются Вооруженными Силами. Все иные силовые структуры подключаются к решению этих задач только в военное время, а в мирное — обеспечивают безопасность в своей сфере деятельности.

Помимо детализации задач государственных органов и организаций в обеспечении военной безопасности, в Военной доктрине уточнены задачи Вооруженным Силам, другим войскам и воинским формированиям на мирное и военное время. Это позволяет сосредоточить усилия на приоритетных направлениях их строительства и подготовки, а также рационально использовать средства, предназначенные для нужд обороны страны.

Финансирование Вооруженных Сил — это вопрос вопросов. Очевидно, что эффективное решение вопросов дальнейшего строительства и реформирования Вооруженных Сил невозможно без изменения структуры военного бюджета и обеспечения его ритмичного исполнения. В первую очередь необходимо переосмотреть отношение к удельным расходам на боевую подготовку. Именно этот показатель определяет реальную боеспособность частей и соединений армии и косвенно характеризует стабильность обстановки в войсках. Зарубежные специалисты считают расходы на боевую подготовку и материально-техническое обеспечение войск наиболее надежным денежным критерием боевых возможностей армии. В казахстанской армии последние два года на эти цели средств выделялось явно недостаточно. Здесь будет уместным отметить, что ни одна ценящая жизнь солдата страна не экономит на боевой подготовке, хотя стоит последняя не намного дешевле, чем денежное содержание самой высокооплачиваемой добровольческой армии.

Зафиксированное в Доктрине положение о гарантированном программно-целевом финансировании Вооруженных Сил в размере не менее 1% валового внутреннего продукта страны позволит в значительной степени стабилизировать ситуацию в армии, проводить плановую боевую учебу, частично снять социальное напряжение в воинских коллективах. Хотя, как свидетельствуют данные, представленные на диаграмме, в 1996-1998 го-

дах для финансирования армии выделялись средства на уровне 1% от ВВП, и нельзя сказать, чтобы средств хватало на удовлетворение всех потребностей.

В этой связи необходимо изыскивать дополнительные средства и направлять их прежде всего на техническое перевооружение войск. Выход видится в использовании средств, полученных от реализации излишнего вооружения, техники и военного имущества. На это должно быть сориентировано и осуществление взаимовыгодного международного военного и военно-технического сотрудничества.

В целом, внимательное изучение Военной доктрины позволяет сделать вывод, что в вопросах организации защиты и обороны нашей страны учитываются доктринальные установки по проблемам обеспечения военной безопасности государств СНГ, прежде всего участников Договора о коллективной безопасности. По-иному и быть не может, так как мы находимся в едином оборонном пространстве. В то же время есть основания говорить о появлении нормативного документа, имеющего свои особенности, учитывающего изменения внешнеполитической обстановки в регионе на ближайшую и среднесрочную перспективу, нынешнее состояние Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований республики, и определяющего перспективы совершенствования военной организации государства.

Важно, чтобы на всех уровнях не только военного, но, в первую очередь, государственного управления были предприняты конкретные меры по преобразованию военной организации государства и ее ядра — Вооруженных Сил. И такие меры уже осуществляются. Утверждены Концепция военной реформы и Государственная программа военного строительства в Республике Казахстан. В соответствии с существующими и наиболее вероятными угрозами военной безопасности меняется военная география страны, создаются военные округа. Изменяются задачи и направленность оперативной и боевой подготовки органов управления и войск. Все это вселяет уверенность, что перевод в практическую плоскость замысла военной реформы позволит нам создать армию, которая будет способна надежно обеспечить внешнюю безопасность страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. По данным корпорации REND (США).

ДЕПРЕССИВНЫЕ РЕГИОНЫ КАК ОБЪЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Матаев Т.М.

Основными признаками депрессивных регионов являются:

1. особая кризисность проявления той или иной крупной проблемы, нерешенность которой создает угрозу социально-экономической обстановке страны, может привести к политической нестабильности, вызвать катастрофическое состояние природной среды и т.п.;

2. наличие ресурсного потенциала, использование которого крайне необходимо для решения важнейших социально-экономических проблем страны;

3. особое значение экономико-географического или геополитического положения или природного комплекса региона, обуславливающие необходимость реализации специальных мероприятий государственного регулирования на уровне республиканских органов власти;

4. обязательное прямое или косвенное участие государства в оказании региону материальной и организационной помощи из-за недостатка готовых к использованию собственных ресурсов, необходимых для решения возникающих проблем регионального значения.

Для данного типа регионов необходимо использование программно-целевого подхода специальных форм реализации программ и официального оформления статуса депрессивного региона как объекта государственного регулирования. Региональное целевое программирование является инструментом прямого государственного воздействия на рыночную экономику той или иной территории, обеспечивая сочетание принципов саморегулирования и целенаправленности в ее развитии. Программно-целевой метод хозяйственного и территориального управления служит одним из важных средств активного влияния государства на социально-экономический комплекс «проблемных» регионов — депрессивных, слабо развитых, осваиваемых, а также и промышленно развитых, позволяя успешно решать как текущие, так и стратегические

Различия в уровнях социально-экономического развития регионов Казахстана являются объективными, они свойственны любой стране мира. Однако при переходе к рынку эти различия еще более усилились из-за глубоких диспропорций в территориальной организации хозяйства, а также разрыва сложившихся хозяйственных связей. Невершенство механизма управления процессом перехода к рынку с учетом стартовых возможностей и степени подготовленности к нему отдельных групп регионов существенно замедлило реформирование экономики республики в целом. Неравномерность и несогласованность рыночных реформ по вертикали и горизонтали государственных и региональных структур управления не позволяют целенаправленно осуществлять единую государственную политику реформ. С трансформационными процессами и новыми условиями хозяйствования возникли дополнительные проблемы, связанные с территориальными особенностями формирования рыночных отношений. Все это вызывает необходимость разработки и реализации обоснованной региональной политики государства на новом этапе его развития [1].

Региональная экономическая политика — одна из органических частей социально-экономической политики государства, объединяющая ее территориальные пространственные объекты. В настоящее время ее реализация включена в число приоритетных направлений Программы действий Правительства Республики Казахстан на 2000-2002 годы.

Важнейшей составной частью региональной политики является выявление и государственная поддержка регионов с депрессивной экономикой — территорий, кардинальные задачи социально-экономического развития которых, или важнейшие народнохозяйственные проблемы в пределах их территорий, не могут быть решены без активного прямого и косвенного участия государства.

задачи [2]. К депрессивным регионам следует относить не только, и даже не столько области в целом, но и отдельные части областей, районов, или сопредельные части соседних территориальных образований. Это позволит осуществлять государственное регулирование и оказывать целевую помощь нуждающимся местностям, не распространяя ее на развитые центры.

Основным инструментом государственного регулирования процесса развития депрессивного региона является официально принятая соответствующего статуса программа. Программы, как правило, должны содержать:

- четкую формулировку проблемы, указание целей, сроков их выполнения и основных этапов;

- характеристику результатов выполнения по этапам;

- объем требуемого финансирования программы в целом и по годам;

- ожидаемое место региона в межрегиональном и международном рынке труда, капитала, продукции и услуг;

- учет социальной переориентации экономики Казахстана и оценки вариантов развития регионов не только по критерию экономической эффективности производства, но и по уровню и качеству жизни населения.

- условия саморазвития и повышения конкурентоспособности продукции региона в условиях рынка с учетом рационального использования уже существующего ресурсного, производственного, инфраструктурного, научного, трудового и финансового потенциала;

- систему мероприятий, гарантирующих выживание и стабилизацию экономики региона в переходный период;

- систему мероприятий по охране окружающей среды и созданию условий устойчивого развития экономики региона для последующих поколений;

- данные о масштабах, структуре потребности в инвестициях и возможных источниках финансирования крупных проектов и программы в целом;

- траекторию развития региона во времени и пространстве с учетом интересов основных участников реализации программы;

- данные о реализуемости программных объектов и мероприятий и риске удовлетворения интересов участников реализации программы;

- предложения по организации управления, механизму процесса реализации и правовому сопровождению программы [3].

В настоящее время трудно рассчитывать, что удастся сформировать комплексную программу поддержки депрессивных регионов, удовлетворяющую всем отмеченным требованиям.

В сегодняшних условиях данная программа может выполнять функции координации, систематизации, упорядочения и контроля расходования средств для помощи наиболее нуждающимся регионам (по конкретным направлениям).

Разработка программы – сложный и трудоемкий процесс, состоящий из ряда последовательных шагов, первым из которых является прогнозирование развития депрессивного региона, выявление перспектив его развития и оценка его объективных возможностей как со стороны ресурсного, так и накопленного производственного потенциала. Только на базе такого прогноза, понимаемого как «измерение будущих состояний» можно будет делать выводы о мерах и масштабах участия государства в развитии данного региона. Исследования на этом «прогнозном» шаге имеют определенные особенности: с одной стороны требуется охватить по возможности широкий круг проблем, проанализировать множество вариантов внешних и внутренних условий, с другой – требуется повышать точность соизмерения затрат и результатов предлагаемых мероприятий. Причем эти измерения требуются постоянно корректировать по мере изменения реальной действительности или оценок наших представлений о будущем. Поэтому очень важно обеспечить адекватность существа решаемой проблемы и выявленного проблемного региона. Решение последней задачи требует осуществить определенную типизацию социально-экономических проблем и соответствующих им регионов [3].

В дальнейшем, когда будут созданы необходимые организационные, информационные и финансовые условия, накоплен опыт по мониторингу социально-экономической ситуации в регионах, можно ставить вопрос о целевой комплексной программе государственной поддержки депрессивных регионов. Но до того должен быть создан необходимый задел, и в этом смысле постановка вопроса о реализации подобной про-

граммы пусть даже в «усеченном» виде представляется весьма своевременной.

По крайней мере, стоит уже сейчас начать разработку научных основ такой комплексной целевой программы, определить ее основные принципы и механизмы поддержки.

При разработке и реализации программы помощи депрессивным регионам должна быть учтена роль программы в мероприятиях региональной политики. Проблема выделения депрессивных территорий и оказания им помощи не должна «отрываться» от других важных направлений государственной региональной политики, которая в существенной своей части основана на перераспределении общих ресурсов между регионами ради достижения конкретных целей. Особое значение имеют вопросы ликвидации неоправданных межрегиональных диспропорций и «подтягивания» уровня территорий, находящихся в наиболее критическом состоянии.

Не менее важным направлением региональной политики государства должна быть поддержка депрессивных регионов особых государственных интересов. Наибольшее значение в этой группе имеют регионы ресурсного типа, от развития которых в существенной мере зависит судьба страны. Стратегический характер этих территорий (в том числе и с учетом их геополитического положения) дает основание надеяться на систему государственной поддержки их развития, в частности на систему государственного «протекционизма». Если страна нуждается в той или иной продукции стратегического значения (энергонасосители, руды цветных

металлов, продукция черной и цветной металлургии, лесопродукция, зерно, редкие и благородные металлы и т.д.), она должна осуществлять меры по поддержанию и стимулированию развития этих производств. В рамках региональной политики нет возможности осуществлять адресную поддержку самих производств, но в ее задачи должны входить мероприятия по созданию в регионах их сосредоточения соответствующей инвестиционной и деловой среды и условий развития (инфраструктурных, кадровых, экологических и т.д.).

В силу ограниченности народнохозяйственных материальных и финансовых ресурсов они должны использоваться наиболее эффективно в рамках разных систем государственной поддержки. Так, программа помощи депрессивным регионам может выступать в качестве конкурента по выделяемым ресурсам, в частности, программам поддержки эффективных региональных «точек роста» и проблемным регионам особых государственных интересов. Подобная «конкуренция» программ – естественное явление, например, в региональной политике Европейского союза. Главное здесь заключается в том, чтобы существовала общая концепция основных мероприятий региональной политики в их единстве и взаимодополнении.

Поэтому постановка на государственном уровне вопроса о начале работ по программе помощи депрессивным регионам может послужить сильным импульсом для более широкой постановки проблемы – о системе мероприятий и программ государственной региональной политики Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Концепция региональной политики Республики Казахстан. Одобрена постановлением Правительства Республики Казахстан от 9 сентября – 1996г. – № 1097.
2. Адамеску А., Кистанов В. Региональные программы: перспективные вопросы // Экономист. – 1997. – № 3. – С. 36.
3. Селиверстов В.Е., Бандман М.К., Гузнер С.С. Методологические основы разработки федеральной программы помощи депрессивным и отсталым регионам // Регион: экономика и социология. – 1996. – № 1. – С. 31.

ТРАНСПОРТНЫЙ ТРАНЗИТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ Республики Казахстан (железнодорожный транспорт)

Гусева Л.Ю.

В настоящее время в рамках определенной Президентом стратегии развития инфраструктуры, в особенности транспорта и связи, большое внимание уделяется разработке и изучению транзитных возможностей Казахстана.

Выгодное географическое положение Казахстана, находящегося в центре Евразийского материка, придает его территории уникальное значение в осуществлении трансконтинентальных транзитных перевозок, которые позволят обеспечить рост валютных поступлений, привлечь инновации и инвестиции для развития инфраструктуры республики, вовлечь Казахстан в формирование и дальнейшее развитие грузового транспортного сообщения Европа – Азия – Европа.

Транспортный транзит является неотъемлемой частью стратегии развития каждого государства, которое ставит перед собой четкие цели позиционирования в современном динамично развивающемся мире. Одной из приоритетных задач для Казахстана в области развития национального транспортно-коммуникационного комплекса является обеспечение его конкурентоспособности на мировом рынке услуг и стимулирование роста торговых потоков через территорию республики.

В связи с этим особенно актуальной становится оценка транспортных транзитных коридоров, соединяющих Европу и Азию, и анализ конкурентоспособности маршрутов, непосредственно проходящих по территории РК, в сравнении с параметрами экономической эффективности альтернативных маршрутов.

С учетом того, что основу транспортной системы составляет железнодорожный комплекс, в данной работе внимание сосредоточено на анализе транзитного потенциала железнодорожного транспорта, факто-

ров, сдерживающих дальнейшее развитие и перспективы системного расширения.

1. Транзит: современное состояние и тенденции.

Казахстан, в силу выгодного географического положения (центр Евразийского материка) и широкой транспортно-коммуникационной сети, обладает значительными возможностями в развитии экспорта услуг (международная транзитная торговля, обслуживание транзитных грузов, международные перевозки и т.п.) [1].

Транспортно-коммуникационный комплекс (ТКК) объективно является одной из самых доходных отраслей экономики. Доля ТКК в структуре ВВП 1999 г. составила 10%, а за первый квартал 2000 г. она возросла до 13,9% [2].

Диаграмма 1

Путем перераспределения транзитного потока мирового товарооборота этот сектор способен параллельно стимулировать развитие смежных отраслей экономики Казахстана.

На сегодняшний день возможности эффективного положения республики для развития экспорта услуг не достаточно развиты. Несмотря на то, что основной доход в структуре международных услуг, оказываемых Казахстаном остальному миру (табл. 1), приходится на перевозки, в том числе тран-

зитные (табл. 2), необходимо дальнейшее стимулирование их развития.

ественного транзитного моста между Европой и Азией.

Таблица 1

Динамика международных услуг, млн долл. [3]

	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Экспорт услуг	810,4	451,2	554,9	700	760,8	655,8
Импорт услуг	427,6	540,8	690,5	833,8	929,4	891,5
Сальдо	382,8	-89,6	-135,6	-133,8	-168,6	-235,8

Таблица 2

Динамика международных услуг по перевозкам, млн долл. [4]

	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Экспорт услуг	726,4	305,5	345,8	454	479	363
Импорт услуг	291,5	253	284,7	329,9	386,6	399,7
Сальдо	434,9	52,5	61,1	124,1	92,4	-36,7

В связи с этим сегодня Казахстан с учетом приоритетных задач эффективного обеспечения внешнеэкономических связей особое внимание уделяет формированию новых транспортных путей, принимает участие в создании транзитных транспортных коридоров [5].

По своей сути транзит является экспортом транспортных услуг, набор которых зависит от уровня развития национальной товаропроводящей сети и ее качества. Кроме того, транзит выступает катализатором развития широкого спектра сопутствующих услуг, а также позволяет эффективно использовать резервы провозных возможностей национальных транспортных систем, стимулирует их воспроизводство и совершенствование.

В настоящий момент железная дорога выступает транзитным лидером транспортного комплекса Республики Казахстан. С начала текущего года перевезено 1729 тыс. тонн транзитных грузов, грузооборот транзитных перевозок составил 2609 млн. т/км. [6]. Доходы от транзита составили более 5 млрд. тенге, что соответствует 40% общего дохода от перевозочной деятельности при том, что объем транзитных перевозок составляет всего 3% от общего объема грузо-перевозок (около 57206 тыс. тонн).

Прогнозные оценки развития мировой экономики говорят о том, что основные финансовые и товарные потоки в начале будущего столетия будут сосредоточены в треугольнике США – Европа – Азия. И важнейшая задача Казахстана в полной мере реализовать свое выгодное географическое положение страны как есте-

2. Сравнительный анализ

характеристик транспортных магистралей

В настоящее время на евразийском континенте происходит активное формирование трансконтинентальных транспортных коридоров.

Широтные сухопутные направления, обеспечивающие связь Европы и Азии, кроме конкуренции водному пути, составляют естественную конкуренцию друг другу.

Каждый из транспортных коридоров имеет свои преимущества и недостатки в плане надежности транспортировки, сроков, стоимости и т.п.

На современном этапе развития в грузовом двустороннем сообщении по линии Европа – Азия – Европа существуют следующие направления железнодорожных транспортных коридоров, в системе которых в качестве составляющего звена выступают железнодорожные магистрали Казахстана:

- * Трансазиатская железнодорожная магистраль – ТАЖД (Северный и Южный коридоры);

- * Центральный коридор Европа-Кавказ-Азия (ТРАСЕКА);

- * Коридор трансконтинентальной магистрали Север-Юг.

Основными альтернативными маршрутами магистралей, проходящим по территории Казахстана, являются российская Транссибирская железнодорожная магистраль и формирующееся направление Транскайской железнодорожной магистрали (в обход России и Казахстана).

Трансазиатская железнодорожная магистраль. Северный коридор ТАЖД – Евразийская магистраль.

Общая протяженность Северного коридора (Китай – Казахстан – Россия – Прибалтика – Западная Европа) составляет примерно 11 тыс. км., а протяженность ее казахстанского участка – 1,8 тыс. км.

Главным преимуществом Казахстана в конкурентной борьбе за трансконтинентальные перевозки является сокращение расстояния и, соответственно, сроков доставки.

Транзит грузов по линии Китай – Европа через территорию республикан сокращает путь в два раза по сравнению с морскими перевозками (перевозка груза в сообщении порт Ляньюньган (Китай) – Берлин (Германия) по морю занимает 20-30 суток,

а по железной дороге через Дружба-Алашаньюку – 11 дней). В сравнении с Транссибирской магистралью протяженность казахстанского маршрута короче на 2-3 тысячи километров. (см.: Табл.3) [7].

Кроме того, с использованием Северного маршрута ТАЖД существует возможность перевозки грузов из Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана в направлении на Москву и далее по Второму Критскому коридору.

В настоящее время в Казахстане осуществляется проект сокращения протяженности Северного коридора ТАЖД на 500 км., после чего этот путь станет еще более рентабельным.

Основным стратегическим приоритетом в данном проекте является его интеграция с российским проектом балтийской транспортной системы и портов Санкт-Петербурга [8].

В рамках обеспечения эффективной эксплуатации Трансазиатской железнодорожной магистрали в Казахстане реализуется инвестиционный проект по повышению пропускной способности железнодорожной станции Дружба, а также модернизации ряда участков на магистрали. К 2005 году предполагается завершение работ по реабилитации пути на всем протяжении линии Актогай-Дружба и вводу необходимого комплекса обустройства на ст. Дружба для обеспечения перевозок на уровне 7-8 млн тонн в год. Проектом предусматривается поэтапное увеличение мощностей перегрузочного комплекса на ст. Дружба до 10 млн. тонн в год в 2005 году и далее до 30 млн тонн к 2010 году, что позволит решить проблему этого узкого места. Принимаются меры по повышению скорости на участке Саяк-Моинты, являющегося вторым проблемным вопросом в границах казахстанской линии Северного коридора Трансазиатской железнодорожной магистрали.

На сегодняшний день практически согласована транзитная тарифная ставка между всеми странами-участниками трансконтинентального железнодорожного пути от китайских портов до белорусского Бреста – она составляет 14 центов за 1 т/километр для 2-футовых контейнеров [9]. Эта ставка уже примерно равна стоимости морской перевозки, которая остается главным и мощным конкурентом для всех транзитных железнодорожных проектов [10].

В настоящее время имеются все необходимые технические возможности для того, чтобы обеспечить конкурентоспособные условия пропуска международных контейнерных поездов по транзитным коридорам в границах Казахстана. Предполагается, что в перспективе переход Дружба-Алашаньюку будет пропускать до 40% общего количества контейнеров Китая в железнодорожном сообщении с европейскими странами, до 15% – Кореи и 10% контейнеров Японии, что дает в перспективе на 2005 год 59 тыс. дфэ грузовых и порожних контейнеров (0,39 млн т), а на 2010 год – 82 тыс. дфэ (0,54 млн т) в обоих направлениях [11].

Южный коридор – Трансазиатская железнодорожная магистраль.

Южный коридор пролегает от восточных портов КНР, через Алашаньюку (КНР), Дружба, Ченгельды (Казахстан), Ташкент, Бухара (Узбекистан), Чарджоу, Телжен (Туркменистан), Мешхед (Иран) с выходом на Стамбул (Турция) и далее – по Четвертому Критскому коридору.

Южная ветка ТАЖД обеспечивает кратчайший выход через пограничный железнодорожный переход Серахс-Мешхед на железнодорожную сеть Ирана, которая заканчивается в порту Бендер-Аббас (Персидский залив). Однако возможности по объему перевозок данного железнодорожного коридора пока еще недостаточно развиты.

Транспортный коридор Европа-Кавказ-Азия (ТРАСЕКА).

Коридор ТРАСЕКА соединяет Европу со странами Центральной Азии через порты Черного и Каспийского морей, охватывая более 40 (22%) государств мира. Транспортный коридор ТРАСЕКА начинается на востоке от портов Ляньюньган и Ричжао в Китае и заканчивается в порту Роттердам в Нидерландах.

Магистраль ТРАСЕКА имеет ряд преимуществ: выгодное географическое расположение, она идет от портов Черного моря, где заканчиваются многие Критские коридоры; достаточно благоприятные климатические условия; незамерзающие порты тихоокеанского побережья Китая; значительное количество обслуживаемых стран.

Однако существует ряд факторов, сдерживающих развитие магистрали. Прежде всего это касается отсутствия международных органов по развитию и эксплуатации данного транспортного коридора, кроме того существуют значительные отличия в таможенных тарифах государств, пересекаемых магистралью ТРАСЕКА, и еще одним немаловажным моментом является позиция России, которая не заинтересована в реализации данного проекта без ее участия.

Кроме того, опасения относительно рентабельности проекта ТРАСЕКА связаны с тем, что по маршруту следования требуется двойная смена ширины железнодорожной колеи, несколько раз необходима смена видов транспорта. Стыки, даже на одном виде транспорта, создают дополнительные проблемы, ведущие к замедлению продвижения груза, удорожанию перевозок, повышению вероятности потери и повреждения [12].

Вместе с тем, недостаточно эффективны экономические показатели этого маршрута.

Таблица 3. Кратчайшие расстояния следования грузов по Трансазиатской и Транссибирской железнодорожным магистралям

Маршрут	Железнодорожные магистрали			
	Транссибирская		Трансазиатская	
	Через станции	Расстояние	Через станции	Расстояние
Шанхай-Хельсинки	Сюйчжау-Цзинань-Тяньцзинь-Пекин-Эрлень-Наушки-Челябинск-Москва	10280	Нанкин-Сюйчжау-Ланьчжоу-Урумчи-Дружба-Караганда-Магнитогорск-Москва	9640
Тяньцзинь-Стамбул	Пекин-Наушки-Иркутск-Новосибирск-Семипалатинск-Актогай-Алматы-Ташкент-Тегеран-Анкара	12469	Пекин-Урумчи-Дружба-Алматы-Ташкент-Тегеран-Анкара	11180
Ляньюньган-Стамбул	Пекин-Наушки-Иркутск-Новосибирск-Семипалатинск-Алматы-Ташкент-Тегеран	13359	Ланьчжоу-Урумчи-Дружба-Алматы-Ташкент-Тегеран-Анкара	11010
Ляньюньган-Париж	Пекин-Наушки-Иркутск-Челябинск-Магнитогорск-Брест-Варшава	13505	Ланьчжоу-Урумчи-Дружба-Балхаш-Караганда-Магнитогорск-Брест-Варшава	11124
Ляньюньган-Хельсинки	Тяньцзинь-Пекин-Эрлень-Наушки-Иркутск-Красноярск-Новосибирск-Омск-Челябинск-Самара-Москва	9890	Ланьчжоу-Урумчи-Дружба-Караганда-Магнитогорск-Москва	9220
Гонконг-Хельсинки	Ухань-Чженьчжоу-Пекин-Эрлень-Наушки-Челябинск-Москва	11140	Ухань-Ланьчжоу-Урумчи-Дружба-Караганда-Магнитогорск-Москва	10280
Пхеньян-Стамбул	Шеньянь-Харбин-Забайкальск-Чита-Новосибирск-Семипалатинск-Алматы-Ташкент-Тегеран-Анкара	13605	Шеньянь-Тяньцзинь-Пекин-Ланьчжоу-Урумчи-Дружба-Алматы-Ташкент-Тегеран-Анкара	12350
Гонконг-Стамбул	Ухань-Тяньцзинь-Шеньянь-Харбин-Забайкальск-Чита-Новосибирск-Семипалатинск-Алматы-Ташкент-Тегеран-Анкара	15615	Ухань-Ланьчжоу-Урумчи-Дружба-Алматы-Ташкент-Тегеран-Анкара	12070

та. Согласно предварительным подсчетам тарифы на перевозку зерна, хлопка и контейнеров с использованием российских железных дорог в 1,7 раза ниже, чем по ТРАСЕКА, а нефти и цветных металлов в – 1,2 раза, сроки доставки меньше в 1,8 раза [13]. С учетом того, что грузовым направлением будет являться западное, то в восточном направлении вероятно недозагрузка, что резко снижает эффективность данного маршрута. Кроме того, на все транспортные факторы накладываются таможенные формальности и внутренние проблемы всех стран по пути следования.

Важной составной частью железнодорожного маршрута ТРАСЕКА является линия Актау-Бейнеу (протяженность 450 км.), которая в настоящее время находится в кризисном состоянии. С учетом перспективы значительного увеличения транзитных перевозок данный участок, без проведения существенной его реконструкции, станет значительным препятствием в работе всей магистрали.

Транспортный коридор «Север-Юг».

Создание транспортного коридора «Север-Юг» (по направлению Астрахань – Магат – Бейнеу – Ералиев – Бекдаш – Туркменбаши – Газанджык – Гудуролум с выходом на сеть железных дорог Ирана Бендер-Торкеман) позволит сформировать новое кратчайшее направление в связях Западной Европы, Скандинавии и Европейской части России с Ираном.

Это позволит сократить сроки доставки грузов затраты на их перевозку (по сравнению с ходом через Парахат-Серахс – на \$15 за одну тонну). Кроме того, в результате строительства железнодорожной ветки Ералиев-Туркменбаши возникает возможность осуществления взаимных перевозок республик Казахстан и Туркменистан в обход территории Узбекистана.

Реализация данного проекта осложнена ограниченными возможностями и условиями использования средств из собственных источников на реконструкцию действующих и сооружение новых объектов транспортных коммуникаций. Такая ситуация создает объективную необходимость в привлечении крупных инвестиций зарубежных государств и международных финансовых институтов.

Альтернативные направления.

Транссибирская железнодорожная магистраль.

Транссиб – является основным альтернативным направлением для казахстанских маршрутов, проходящим от российских портов Тихого океана по территории России в Восточную Европу, протяженностью около 13 тыс. км.

В настоящее время, с целью создания привлекательных условий транзита по Транссибу, МПС России разработало Концепцию государственной политики по поддержке транзитных перевозок по Транссибирской магистрали, в соответствии с которой снижены тарифы, упрощены таможенные и пограничные процедуры, обеспечивается слежение за продвижением контейнеров, решены вопросы сохранности перевозимых грузов и сокращения сроков доставки.

Согласно данным Министерства транспорта РФ, на сегодняшний день основными странами, участвующими в перевозках транзитных грузов по Транссибирской магистрали, являются:

Направление	% от общего объема транзита
Республика Корея - Финляндия	16,24
Финляндия - Япония	13,37
Финляндия - Республика Корея	12,83
Эстония - Республика Корея	7,96
Республика Корея - Казахстан	5,41
Япония - Афганистан	5,39
Республика Корея - Узбекистан	5,31
Республика Корея - Норвегия	4,06
Республика Корея - Афганистан	3,52

По перевозкам контейнерных грузов ведущие позиции занимают: Япония – Монголия (16,66%), Япония – Чехия (13,71%), Китай – Украина (5,53%), Республика Корея – Литва (5,53%), Эстония – Сянган (Гонконг) (5,3%), Сянган (Гонконг) – Казахстан (4,16%), Китай – Румыния (3,61%).

Статистика показывает, что Транссиб используется в основном для перевозки дорогостоящего импорта из Азии на западные российские рынки. На грузопотоки с востока на запад приходится 70% грузоперевозок, остальные составляют перевозки с запада на восток.

Транскитайская железнодорожная магистраль.

В настоящее время идет формирование еще одного альтернативного ТАЖД маршрута. Со стороны Китая прилагаются большие

усилия для реализации проекта по созданию Транскитайской железнодорожной магистрали, идущей в обход территории России и Казахстана. Магистраль пройдет от порта Ляньюнгань через провинции Аньхой, Хэнань, Шэньси и Ганьсу до города Урумчи, затем – через южное подножие Тянь-Шаня и Таримскую впадину по уже имеющейся двухпутной железной дороге в Кашгариию (отрезок пути от Урумчи до Кашгара уже введен в действие). От городов Ош и Бишкек путь пойдет на Ташкент и Самарканд, а оттуда – в Туркмению и Иран. Посредством железнодорожной сети Ирана возникает возможность сообщения через Турцию с Европой, с Ормузским проливом (порт Бендер-Аббас), с Персидским заливом, с портом Амирабад (Иран) на Каспийском море. Завершается путь в Турции и в Восточной Европе. Протяженность нового маршрута составит 10800 км, что примерно сравнимо с ТАЖД, но короче Транссиба. В настоящее время существуют определенные препятствия полной реализации проекта, среди которых есть и технические. Для ввода в эксплуатацию Транскитайской железнодорожной магистрали еще необходимо построить 200 км отрезок дороги от города Ош до Кашгара. Помимо Китая в эксплуатации дороги заинтересованы такие государства, как Япония, Южная Корея, КНДР и некоторые другие страны АТР.

3. Перспективы развития транзитного потенциала Казахстана

С политико-экономической точки зрения вопросы евроазиатского транзита грузов через территорию Казахстана необходимо рассматривать в контексте наличия грузовой базы на конечных пунктах маршрута, а также с позиции грузообразующих стран по отношению к стремлению Казахстана укрепить свои позиции в качестве транзитного государства.

Исходя из анализа современного этапа развития транзитных возможностей Казахстана, можно констатировать, что наиболее перспективным транзитным маршрутом, проходящим по территории республики, является Трансазиатская магистраль. Это обусловлено огромным потенциалом по наращиванию перевозок в направлениях Восток-Запад и Запад-Восток.

В настоящее время реальным конкурентом казахстанскому маршруту является

Транссибирская магистраль. Так, например, по перевозкам в направлении Запад-Восток преимущества имеет Транссиб, поскольку географическая близость России к Западу позволяет обеспечивать загрузку собственной магистрали. В отношении обратного направления перевозок ситуация не так однозначна. Для Дальневосточного региона, включающего Японию, Корею, северо-восточную часть Китая и северную часть АТР, транзитные перевозки по Транссибу имеют следующие преимущества:

* разница протяженности маршрута перевозок для этого региона по ТАЖД и Транссибу незначительна;

* осуществление перевозок по Транссибу – это перевозки по территории одной страны, следовательно, – меньше таможенных границ и единая тарифная политика до западных границ России;

* достаточно короткие сроки перевозок.

Однако для центрального и северо-западного регионов Китая альтернативы Трансазиатской магистрали в настоящее время нет. Здесь уже большую роль играет разница в протяженности маршрутов. При условии сохранения темпов промышленного роста Китая, в ближайшие 5-10 лет указанные регионы КНР станут основным партнерами и заказчиками ТАЖД по трансконтинентальным перевозкам.

С учетом усиления роли транссибирской магистрали в будущем и создания Транскитайской железнодорожной магистрали важным для РК уже в настоящее время становится развитие транзитных возможностей казахстанской части ТАЖД по направлению Восток-Запад и наращивание объемов перевозок из северо-западного, центрального, юго-западного регионов Китая. Причем, необходимо заметить, что северо-западный регион богат природными ресурсами и обладает большим промышленным потенциалом.

Необходимо отметить, что в последнее время основные кредиты для транспортных проектов в Китае направлены на строительство автомагистралей, железнодорожных и автомобильных подходов к морским портам. Основная цель – развитие и улучшение условий для доступа товаров, произведенных внутри страны на внешний рынок через морские порты.

С учетом складывающейся ситуации необходимо ускорение процессов формиро-

та. Согласно предварительным подсчетам тарифы на перевозку зерна, хлопка и контейнеров с использованием российских железных дорог в 1,7 раза ниже, чем по ТРАСЕКА, а нефти и цветных металлов в – 1,2 раза, сроки доставки меньше в 1,8 раза [13]. С учетом того, что грузовым направлением будет являться западное, то в восточном направлении вероятно недогрузка, что резко снижает эффективность данного маршрута. Кроме того, на все транспортные факторы накладываются таможенные формальности и внутренние проблемы всех стран по пути следования.

Важной составной частью железнодорожного маршрута ТРАСЕКА является линия Актау-Бейнеу (протяженность 450 км.), которая в настоящее время находится в кризисном состоянии. С учетом перспективы значительного увеличения транзитных перевозок данный участок, без проведения существенной его реконструкции, станет значительным препятствием в работе всей магистрали.

Транспортный коридор «Север-Юг».

Создание транспортного коридора «Север-Юг» (по направлению Астрахань – Магат – Бейнеу – Ералиев – Бекдаш – Туркменбаши – Газанджык – Гудуролум с выходом на сеть железных дорог Ирана Бендер-Торкеман) позволит сформировать новое кратчайшее направление в связях Западной Европы, Скандинавии и Европейской части России с Ираном.

Это позволит сократить сроки доставки грузов затраты на их перевозку (по сравнению с ходом через Парахат-Серахс – на \$15 за одну тонну). Кроме того, в результате строительства железнодорожной ветки Ералиев-Туркменбаши возникает возможность осуществления взаимных перевозок республик Казахстан и Туркменистан в обход территории Узбекистана.

Реализация данного проекта осложнена ограниченными возможностями и условиями использования средств из собственных источников на реконструкцию действующих и сооружение новых объектов транспортных коммуникаций. Такая ситуация создает объективную необходимость в привлечении крупных инвестиций зарубежных государств и международных финансовых институтов.

Альтернативные направления. Транссибирская железнодорожная магистраль.

Транссиб – является основным альтернативным направлением для казахстанских маршрутов, проходящим от российских портов Тихого океана по территории России в Восточную Европу, протяженностью около 13 тыс. км.

В настоящее время, с целью создания привлекательных условий транзита по Транссибу, МПС России разработало Концепцию государственной политики по поддержке транзитных перевозок по Транссибирской магистрали, в соответствии с которой снижены тарифы, упрощены таможенные и пограничные процедуры, обеспечивается слежение за продвижением контейнеров, решены вопросы сохранности перевозимых грузов и сокращения сроков доставки.

Согласно данным Министерства транспорта РФ, на сегодняшний день основными странами, участвующими в перевозках транзитных грузов по Транссибирской магистрали, являются:

Направление	% от общего объема транзита
Республика Корея - Финляндия	16,24
Финляндия - Япония	13,37
Финляндия - Республика Корея	12,83
Эстония - Республика Корея	7,96
Республика Корея - Казахстан	5,41
Япония - Афганистан	5,39
Республика Корея - Узбекистан	5,31
Республика Корея - Норвегия	4,06
Республика Корея - Афганистан	3,52

По перевозкам контейнерных грузов ведущие позиции занимают: Япония – Монголия (16,66%), Япония – Чехия (13,71%), Китай – Украина (5,53%), Республика Корея – Литва (5,53%), Эстония – Сянган (Гонконг) (5,3%), Сянган (Гонконг) – Казахстан (4,16%), Китай – Румыния (3,61%).

Статистика показывает, что Транссиб используется в основном для перевозки дорогостоящего импорта из Азии на западные российские рынки. На грузопотоки с востока на запад приходится 70% грузоперевозок, остальное составляют перевозки с запада на восток.

Транскитайская железнодорожная магистраль.

В настоящее время идет формирование еще одного альтернативного ТАЖД маршрута. Со стороны Китая прилагаются большие

усилия для реализации проекта по созданию Транскитайской железнодорожной магистрали, идущей в обход территории России и Казахстана. Магистраль пройдет от порта Ляньюнгань через провинции Аньхой, Хэнань, Шэньси и Ганьсу до города Урумчи, затем – через южное подножие Тянь-Шаня и Таримскую впадину по уже имеющейся двухпутной железной дороге в Кашгарию (отрезок пути от Урумчи до Кашгара уже введен в действие). От городов Ош и Бишкек путь пойдет на Ташкент и Самарканд, а оттуда – в Туркмению и Иран. Посредством железнодорожной сети Ирана возникает возможность сообщения через Турцию с Европой, с Ормузским проливом (порт Бендер-Аббас), с Персидским заливом, с портом Амирабад (Иран) на Каспийском море. Завершается путь в Турции и в Восточной Европе. Протяженность нового маршрута составит 10800 км, что примерно сравнимо с ТАЖД, но короче Транссиба. В настоящее время существуют определенные препятствия полной реализации проекта, среди которых есть и технические. Для ввода в эксплуатацию Транскитайской железнодорожной магистрали еще необходимо построить 200 км отрезок дороги от города Ош до Кашгара. Помимо Китая в эксплуатации дороги заинтересованы такие государства, как Япония, Южная Корея, КНДР и некоторые другие страны АТР.

3. Перспективы развития транзитного потенциала Казахстана

С политико-экономической точки зрения вопросы евроазиатского транзита грузов через территорию Казахстана необходимо рассматривать в контексте наличия грузовой базы на конечных пунктах маршрута, а также с позиции грузообразующих стран по отношению к стремлению Казахстана укрепить свои позиции в качестве транзитного государства.

Исходя из анализа современного этапа развития транзитных возможностей Казахстана, можно констатировать, что наиболее перспективным транзитным маршрутом, проходящим по территории республики, является Трансазиатская магистраль. Это обусловлено огромным потенциалом по наращиванию перевозок в направлениях Восток-Запад и Запад-Восток.

В настоящее время реальным конкурентом казахстанскому маршруту является

Транссибирская магистраль. Так, например, по перевозкам в направлении Запад-Восток преимущества имеет Транссиб, поскольку географическая близость России к Западу позволяет обеспечивать загрузку собственной магистрали. В отношении обратного направления перевозок ситуация не так однозначна. Для Дальневосточного региона, включающего Японию, Корею, северо-восточную часть Китая и северную часть АТР, транзитные перевозки по Транссибу имеют следующие преимущества:

* разница протяженности маршрута перевозок для этого региона по ТАЖД и Транссибу незначительна;

* осуществление перевозок по Транссибу – это перевозки по территории одной страны, следовательно, – меньше таможенных границ и единая тарифная политика до западных границ России;

* достаточно короткие сроки перевозок.

Однако для центрального и северо-западного регионов Китая альтернативы Трансазиатской магистрали в настоящее время нет. Здесь уже большую роль играет разница в протяженности маршрутов. При условии сохранения темпов промышленного роста Китая, в ближайшие 5-10 лет указанные регионы КНР станут основным партнерами и заказчиками ТАЖД по трансконтинентальным перевозкам.

С учетом усиления роли транссибирской магистрали в будущем и создания Транскитайской железнодорожной магистрали важным для РК уже в настоящее время становится развитие транзитных возможностей казахстанской части ТАЖД по направлению Восток-Запад и наращивание объемов перевозок из северо-западного, центрального, юго-западного регионов Китая. Причем, необходимо заметить, что северо-западный регион богат природными ресурсами и обладает большим промышленным потенциалом.

Необходимо отметить, что в последнее время основные кредиты для транспортных проектов в Китае направлены на строительство автомагистралей, железнодорожных и автомобильных подходов к морским портам. Основная цель – развитие и улучшение условий для доступа товаров, произведенных внутри страны на внешний рынок через морские порты.

С учетом складывающейся ситуации необходимо ускорение процессов формиро-

вания казахстанских транзитных маршрутов, создание сильной маркетинговой службы по привлечению грузоотправителей, поскольку параллельное развитие Транскитайской магистрали и Транссиба способно привести к оттоку в будущем транзитных потоков с ТАЖД.

Для перевозок из стран АТР серьезным конкурентом для Трансазиатской магистрали остаются морские перевозки. Это связано с тем, что морские перевозки для этого региона являются более традиционными. Кроме того, транснациональные судоходные компании, осуществляя массированные инвестиции в строительство высокоэффективного флота и, как следствие, снижая фрахтовые ставки, добились того, что средний тариф на морские перевозки контейнера стал вдвое ниже железнодорожного. Поэтому, несмотря на то, что путь по железной дороге почти втрое короче, проводимая ценовая политика определяет предпочтение владельцев грузов пользоваться морским путем.

Основой перевозок морским транспортом по сравнению с ТАЖД является единая тарифная политика. При осуществлении морских перевозок отпадает необходимость перегрузки товара, практически отсутствуют границы по пути следования товара.

Грузовладелец предпочитает иметь дело с одним перевозчиком (оператором), который отвечает за груз на всем пути следования. Желательны охрана и сопровождение грузов, а также информационный мониторинг его прохождения. Грузовладелец должен быть уверен, что все отношения с ним построены на общепринятых в мире правилах, пограничных и таможенных процедурах.

Таким образом, рассматривать страны АТР в качестве клиентов ТАЖД можно только в долгосрочной перспективе.

Что касается перевозок Север-Юг, то это направление, в силу меридианальности, целесообразнее рассматривать как дополнительный фактор увеличения транзитных возможностей как казахстанской части ТАЖД, так и транспортного комплекса РФ.

Функционирование транспортного коридора в широтном направлении Запад-Восток не будет полноценным без его дополнения коридором Север-Юг. Их пересечение в Закавказье и в Центральной Азии означало бы увязку транспортных и иных коммуникаций России, Турции, Греции,

Ирана, Индии, стран Ближнего и Среднего Востока.

Транспортный коридор ТРАСЕКА, являясь в определенной степени политическим проектом стран Западной Европы и Америки с целью создания альтернативного маршрута, не зависящего от России, по своим транзитным возможностям сильно уступает всем другим маршрутам. Это обусловлено рядом объективных причин:

- * необходимостью нескольких перегрузок грузов по пути следования, стыковки различных видов транспорта;
- * сложностями с введением единой тарифной политики по всему маршруту;
- * различной таможенной политикой стран – участниц проекта.

Данные факторы приводят к удорожанию транзитных перевозок по ТРАСЕКА и делают их экономически невыгодными для заказчиков. В результате развитие этого маршрута как транзитного возможно только в случае активной финансовой поддержки стран Западной Европы и США. Но даже в этом случае транзитные возможности ТРАСЕКА будут ниже транзитных возможностей ТАЖД и Транссиба. В среднесрочной перспективе ТРАСЕКА не станет серьезным конкурентом ТАЖД, а будет играть роль вспомогательной артерии. Для Казахстана этот проект является важным, с точки зрения развития внутренних автотранспортных и железнодорожных магистралей и развития сотрудничества со странами Ближнего Востока.

***

Таким образом, уже сегодня в республике создана достаточно развитая сеть транзитных маршрутов. Увеличение объема транзита грузов через территорию Казахстана окажет позитивное воздействие на развитие большинства отраслей экономики, в случае адекватного перераспределения полученных доходов. Так, например, прогнозируется:

- * в финансовой сфере – рост доходной части государственного бюджета;
- * в инвестиционной сфере – создание сильного внутреннего инвестора;
- * в транспортном секторе – развитие внутренней транспортно-коммуникационной инфраструктуры;
- * в социальной сфере – рост занятости в сфере предприятий, занятых в обслуживании транзитных перевозок.

Однако для того, чтобы отечественный железнодорожный транспорт сохранил свою долю на транспортном рынке и сумел реализовать свой транзитный потенциал, на наш взгляд, необходимо также принятие целого комплекса мер.

В связи с очевидными преимуществами организации транзитных перевозок необходимо интенсифицировать усилия по созданию

транспортных транзитных коридоров и обеспечению благоприятных условий для расширения транзитных перевозок.

В рамках экономической стратегии государства это является задачей национального масштаба, решение которой может стать одним из факторов, стимулирующих развитие не только транспортного комплекса, но и экономики республики в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кенжегузин М., Баильдинов Е. Развитие экспортно-транзитного потенциала – необходимое условие экономического роста в Казахстане // Транзитная экономика. – 1998. – № 3. – С. 115-123.
2. Транспорт и связь: новые рубежи. Стратегия – 2030: энергия реформ // Казахстанская правда. – 13 июня, 2000г.
3. Внешнеэкономическая деятельность Казахстана. – Алматы, Агентство Республики Казахстан по статистике, 1999.
4. Там же.
5. Транспорт и связь: новые рубежи. Стратегия – 2030: энергия реформ // Казахстанская правда. – 13 июня 2000.
6. Там же.
7. Омаров А.Д., Дорога дружбы и сотрудничества: Великий Шелковый путь вчера, сегодня, завтра. – Алматы, Баур и К. – 1996.
8. Дулка Е. В Астане прошла 3-я международная конференция «Трансевразия – 2000» // Панорама. – 16 июня, 2000 г.
9. Разумов Я. РГП «КТЖ» провело презентацию своих возможностей по перевозке транзитных грузов через станцию Дружба // Панорама. – 16 июня 2000г.
10. Там же
11. Материалы II международной конференции «Трансевразия – 98». – Алматы, – 1998.
12. Исингарин Н.К. Транспорт – магистраль экономической интеграции в СНГ. – Алматы, «Атамур», 1998. – С. 236.
13. Кочергин Г. Великий Шелковый путь и его обочины // Труд. – 21 марта, 2000г.

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОБЛЕМЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Кушалиева Г.А.

За время существования Земли как планеты условия на ее поверхности постоянно изменялись. Геология и палеогеография доказывают, что наша планета прошла сложный путь развития: на ее поверхности менялись положения полюсов; передвигались участки земной коры; континенты то сливались в единые материи, то снова разделялись; изменялись площади суши; активизировалась и затухала тектоническая активность и сопровождающая ее вулканическая деятельность; на поверхность Земли время от времени падали гигантские космические тела; возникли и разрастались, затем исчезали огромные ледниковые покровы [1]. И все же самым удивительным в этом калейдоскопе событий, продолжавшемся на протяжении около 4 млрд. лет, было то, что все изменения происходили в сравнительно узком диапазоне физических характеристик, от которых зависит существование жизни. Об этом свидетельствуют никогда не замерзавший и не кипевший за всю геологическую историю нашей планеты океан и постоянно присутствовавшая биота, первоначально существовавшая только в океане (на протяжении не менее 4/5 всей известной геологической истории Земли).

Наиболее полно эволюция Земли изучена за последний геологический отрезок времени - фанерозойский эон, начавшийся 650 млн. лет назад. Хотя в течение фанерозоя на Земле происходили те же явления, о которых говорилось выше, тем не менее этот период был одним из самых стабильных за всю историю планеты, что подтверждает такая характеристика как средняя глобальная температура у поверхности планеты. За этот огромный отрезок времени все изменения средней глобальной температуры укладываются в десятиградусный диапазон, а в рамках самого фанерозоя для все более коротких отрезков времени средняя глобальная температура оказывается все более устойчивой характеристикой.

Есть все основания полагать, что эволюция условий на поверхности Земли шла в направлении все большего обеспечения ста-

бильности и меньшего размаха колебаний характеристик окружающей среды, которые обеспечивали оптимальные условия для существования жизни.

Появление человека само по себе не нарушило стабильности окружающей среды до тех пор пока он занимался собирательством. Но когда человек перешел от собирательства и охоты к сельскому хозяйству и скотоводству, что обеспечило определенный экономический рост и рост численности людей, он начал заметно изменять и природную среду, используя энергию животных, воды и огня, получаемого тогда путем сжигания древесины. Человек в процессе эволюции своего хозяйства постоянно деформирует окружающую среду, однако в доиндустриальный период это были деформации локального уровня, связанные со сведением лесов, развитием эрозии и засолением почв при расширении сельскохозяйственных угодий.

В период промышленной революции и научно-технического прогресса, на основе использования энергии ископаемого топлива, человек в дополнение к старым способам деформации окружающей среды добавил новые - физико-химические воздействия на окружающую среду, интенсивность которых намного выше прежних воздействий. В результате изменения окружающей среды происходят на глазах одного поколения людей.

В XX веке деформации окружающей среды переросли из локальных и региональных в глобальные, что было зафиксировано в 60-х гг. системами наблюдений и на основе анализа использования ресурсов. В начале второй половины XX века человечество было вынуждено предпринять коллективные действия с целью решения проблем окружающей среды, начало чему положила Стокгольмская конференция и ее план действий.

За прошедший со времени Стокгольмской конференции период созданы национальные и международные инфраструктуры для решения проблем окружающей среды, хотя нельзя признать, что они полностью завершены; разработаны программы, планы, стратегии и проведены много конкретных мероприятий, в том чис-

ле достигнуты локальные успехи в стабилизации окружающей среды.

Прошедшее двадцатилетие между конференциями в Стокгольме (1972) и в Рио-де-Жанейро (1992) показало, что принятые меры и огромные затраты на стабилизацию и сохранение окружающей среды не принесли желаемого результата; глобальные изменения продолжаются и темпы этих изменений нарастают. Национальные и международные усилия предпринимаются в рамках строго не сформулированной, но общепринятой парадигмы о «неправильном» ведении хозяйства и возможности «технологического решения проблем окружающей среды».

Таким образом, существующие реалии и факты свидетельствуют о тщетности усилий по улучшению или даже стабилизации ухудшающихся тенденций разрушения окружающей среды в рамках старой парадигмы, ставят человечество перед выбором новых путей в решении проблем окружающей среды. Научные исследования предлагают такие пути.

Развитие взглядов на проблемы окружающей среды претерпело существенные изменения, прежде чем сформировалась принятая сейчас, но не сформулированная в виде концепции, доктрины или идеологии, парадигма.

Появление термина «экология» относится лишь в конце XIX века. Немецкий натуралист Эрнст Геккель в 1866 г. вводит в научный оборот понятие экологии, которое было предложено им для характеристики совокупности процессов саморегуляции, которые возникают в сообществах организмов при их взаимодействии друг с другом и с окружающей средой. Понимание Геккелем экологии в основном носило естественно-биологический характер, однако, уже делался акцент на системном подходе к изучению биологических явлений и на способности к целесообразной деятельности не только на уровне отдельных организмов, но и довольно сложных надорганизменных объединений - биоценозов вплоть до биосферы в целом как глобальной системы. Обогащение термина «экология» социальными и мировоззренческими элементами начало происходить гораздо позже.

Накопление экологических знаний и изменение отношения к природе происходило с древних времен. Восприятие окружающей природной среды античным человеком носило созерцательный характер, он верил в неразрывную связь человека и природы. Но-

вое время преодолевает созерцательность отношения к природе, развивается идея творчески-практического отношения к ней. Английский философ Ф. Бэкон (1561-1626 гг.) считал необходимым увеличение власти человека над природой через процесс накопления знаний и развития наук, чтобы все на пути преобразования природы стало для человека возможным [2].

Миропонимание эпохи Просвещения исходит из веры в силу человеческого разума, в безграничность человеческих возможностей и прогресс наук. По мнению французского просветителя Гольбаха (1723-1789), человек един с природой, не мыслит своего существования вне природы, являясь «произведением природы» [3].

На протяжении тысячелетий человеческой практики культивировался тип мышления, направленный на покорение природы. Этот цикл развития цивилизации завершается. С 60 - 70-х гг. XX века происходит утрата веры в безграничность человеческой изобретательности. Приходит эпоха постмодернизма, как возврат к истокам и протест против технократического монизма и антропоцентризма. Постмодернизм утвердил себя новой натурфилософией, какой является глобалистика.

Делается попытка построения глобальных моделей развития человечества. Большинство футурологов считает, что необходимо сократить чудовищное количество отходов, стать более экономными, чтобы обходиться меньшим количеством высококачественной энергии. По их мнению, рост потребления энергии на душу населения сверх современного уровня не улучшит жизни в индустриально развитых странах, а напротив, может вызвать обратный эффект. Этой теме посвящено много публикаций. Многие из них рисуют мрачную картину существующих глобальных проблем, однако есть и такие, в которых выражены оптимистические взгляды. Так по мнению выдающегося эколога современности Ю. Одумма [4], мы можем быть оптимистами, но лишь в том случае, если:

1) четко представим себе все стоящие перед человечеством трудности и проблемы и сможем провести все необходимые для научного прогноза расчеты;

2) способны противопоставить всем проблемам и трудностям решения по их устранению или снижению до уровня, позволяющего человеку существовать на Земле в человеческих условиях.

Позиции, с которых рассматривается сейчас будущее, различаются принципиально: от полного доверия к новым технологиям до убежденности в том, что общество должно перестроиться, умерить свою власть над природой, создать новые международные всеохватывающие политические и экономические механизмы с целью ограничения использования ресурсов и жесткого ограничения потребления.

Согласно последней позиции, человечество как часть глобальной экосистемы подвержено действию законов природы в условиях ограниченных ресурсов.

Несомненно одно: мы уже находимся в очень сложной ситуации, обусловленной противоречиями между человеческим обществом, цивилизацией и окружающей природной средой.

Р. Дюбо - ученый, гуманист и убежденный оптимист, полагает, что путь к ликвидации противоречий между человеком и окружающей средой лежит через «одомашнивание» всей биосферы, с тем чтобы сохранить пригодность полей, лесов, водоемов, соблюсти гармонию между творениями человеческих рук и природой. Идея Дюбо - это утопическая идея глобальной экосистемы, которая питалась бы от возобновляемых ресурсов и была бы организована по типу европейских деревень.

По мнению А. Тойнби, цивилизация - это организм, который рождается, становится зрелым, стареет и умирает, что уже случалось в прошлом.

Согласно К.В. Батцеру, цивилизация - не организм, а система, которая становится нестабильной, если сильно повышается стоимость ее собственного поддержания, причиной чего является бюрократизм, предъявляющий чрезмерные требования к сфере производства.

Ярчайшими представителями ветви постмодернизма стали деятели Римского клуба, организации, возникшей в 1968 г. и поставившей своей целью решение глобальных проблем современности. Ученые Римского клуба выдвинули лозунг «назад к природе». По инициативе итальянского экономиста и специалиста в области управления промышленностью доктора А. Печчи в Риме собралась группа из 30 ученых, представлявших 10 стран. В группу входили естественники, математики, экономисты, социологи, промышленники, преподаватели, служащие государственных учреждений. Группа стала издавать серию - «Доклады Римского клуба» -

под общим названием «Затруднения человечества».

Первый из докладов: «Пределы роста» - был подготовлен в 1972 группой ученых Массачусетского университета под руководством супругов Д. и Д. Медоуз. Группа строила глобальные модели с помощью методик системного анализа, разработанных Дж. Форрестером в 1968-1971 гг. Эти модели должны были предсказать, что ожидает нас в будущем при сохранении современных экономических и политических методов.

Результаты моделирования [5] показали, что в связи с многими жизненно важными ресурсами будут наблюдаться циклы взлетов и падений. Промышленный рост и потребление ресурсов будут продолжать увеличиваться ускоряющимися темпами наряду с ростом численности населения и увеличением потребления энергии до тех пор, пока не будет достигнут некий предел. Затем произойдет катастрофа. В докладе осуждается общественная мания роста, при которой ставится цель на каждом уровне (индивидуальном, семейном, классовом, национальном) стать богаче и могущественнее, без учета окончательной платы за экспоненциальный рост.

Второй доклад назывался «Человечество на перепутье»; он был подготовлен Месаровичем и Э.Пестелем (США и ФРГ). В докладе анализ проводился на основе выделения на Земле 10 взаимозависимых регионов. В разных частях Земли проблемы значительно различаются. Вновь анализировались проблемы глобального кризиса и опасность промедления.

Авторы пришли к заключению, что пассивное следование стихийному развитию ведет к гибели, поэтому мир больше не должен развиваться стихийно. Особое внимание авторами доклада было обращено на постоянно расширяющиеся пропасти, которые находятся в центре современного кризиса: между человеком и природой и между богатыми и бедными.

Экологи всего мира поддержали идеи авторов доклада, исходя из того, что если мы хотим избежать глобальной катастрофы, то эти пропасти должны быть уничтожены. Достичь этого можно, только обеспечив некое единство всего мира, при котором была бы подтверждена взаимозависимость человека и природы, а народы всех стран четко представляли бы себе, что ресурсы Земли не бесконечны.

Авторы второго доклада полагали, что необходимо начинать с определенных из-

правлений, которых следует придерживаться. Необходимо, чтобы развитие каждого региона шло своим путем, но исходя из глобальных, а не узко национальных интересов. Таким образом, модель мира выглядела как гибкий, базирующийся на вычислительной технике инструмент планирования, содержащий в себе многоуровневые региональные модели мировой системы.

Третий доклад: «Перестройка международного порядка» - был подготовлен голландским экономистом Я. Тинбергеном с соавторами. Доклад показывал, что сочетание локальных и глобальных моделей возможно.

Четвертый доклад: «Цели для глобального общества» - был составлен философом Э. Ласло и освещал два фундаментальных вопроса:

- в чем заключаются цели человечества?
- согласны ли мы предпочесть материальному росту развитие духовных человеческих качеств?

Последующие доклады посвящались важным составным частям глобальных проблем, например, проблемам переработки отходов, использования энергии, организации общества, достижения изобилия и благосостояния.

Создание Римского клуба высоко оценено общественностью. Благодаря его усилиям быстро возросла международная осведомленность о мировой проблематике. Клуб первым перешел от анализа и диагностики состояния нашей цивилизации к поиску и предписанию средств и путей выхода из критической ситуации. Однако, по мнению Ю. Одум, клуб все же мало сделал для реализации каких-либо кардинальных изменений в развитии, что признают и сами его члены.

По поводу моделей пределов роста существует и такое мнение: «Модели пределов роста не заслуживают обсуждения или критики... Эта гипербола для общественности, этой ложью Римский клуб напугал многих людей» [6]. Следует все же признать, что работы Римского клуба и других разработчиков привлекли внимание к отрицательным последствиям экономического роста и прогресса. В последние десятилетия XX века практически не встречается серьезных работ по экономике, в которых не обсуждались бы проблемы истощения ресурсов [7].

В последующих моделях большое место принадлежит экологическим проблемам. Сейчас модели стали рабочим инструментом комп-

лексного прогнозирования глобальных проблем человечества. Они оказывают серьезное воздействие на мировое развитие. По существу возникло новое междисциплинарное направление - глобальное моделирование, предназначенное для анализа тенденций развития глобальной социально-экономической системы.

Методической основой нового направления стал весь спектр современных направлений в математике и вычислительной технике: системная динамика Дж. Форрестера, теория многоуровневых иерархических систем М. Месаровича, подход «затраты - выпуск» В. Леонтьева, математическое программирование Л. Канторовича и др.

Выделяют следующие ключевые позиции, вытекающие из результатов моделирования [8]:

- технологический прогресс желателен и жизненно необходим, но необходимы также социальные, экономические и политические изменения;
- народонаселение и ресурсы не могут расти бесконечно на конечной планете;
- нам неизвестна емкость среды, т.е. неизвестно, до какой степени физическая среда Земли и системы жизнеобеспечения смогут удовлетворять нужды и потребности будущего роста населения: снижение роста все же уменьшит вероятность превышения допустимого уровня;
- природа будущего глобального устройства не предопределена; многое зависит от того, как скоро изменятся существующие нежелательные тенденции;
- цивилизация представляет собой систему, поэтому при приближении к пределу в отношении ресурсов сотрудничество имеет большую ценность, чем конкуренция.

В подавляющей части литературы, посвященной проблемам окружающей среды [9], серьезная опасность нарушения стабильности на поверхности нашей планеты с губительными последствиями для биосферы и человечества относятся к некоторому более или менее отдаленному будущему. При этом исходят из предположения, что деформация окружающей среды есть некий «гладкий» процесс постепенного нарастания нарушений, хотя природа обычно демонстрирует наличие пороговых процессов [10]. За пределами таких порогов происходит обвалный процесс разрушения. Нет никаких оснований считать, что процесс деформации окружающей среды носит постепенный характер. «Гладкий» мо-

дельный подход не позволяет оценить, на каком этапе разрушения находится человечество: это начало пути, предкризисное состояние или уже катастрофа?

Еще в начале века обращалось внимание на важность изучения биогеохимических циклов [11]. Сейчас этой проблеме также уделяется много внимания: практически нет ни одной серьезной книги по проблемам окружающей среды, в которых не рассматривались бы биогеохимические циклы. М. Толба и Г. Уайт [12] назвали их системами поддержания жизни. Роль биосферы в биогеохимических циклах биогенов нашла свое отражение в гипотезе Гея [13], в которой утверждается идея гомеостатического равновесия биоты и окружающей среды в течение многих миллионов лет. Фактически утверждается, что биота управляет окружающей средой, обеспечивая оптимальные условия для своего существования и развития. По поводу гипотезы Гея научный мир разделился на ее поклонников и ниспровергателей. В этой гипотезе есть действительно слабое место, касающееся механизмов управления, но сама идея биологической стабилизации окружающей среды через циклы биогенов является крупным вкладом в науку об окружающей среде и сейчас получает все большее обоснование. Фактическим признанием этого факта служит широко распространенное убеждение, что без сохранения определенного объема естественных экосистем существование человека невозможно [14], так как это приведет к потере устойчивости окружающей среды. В обоснование такого подхода значительный вклад внесла российская наука [15].

Биосфера (глобальная экосистема) служит не просто источником ресурсов для человека и приемником отходов его экономической подсистемы [16], это гораздо более сложная система, фундамент жизни, в которой биота обеспечивает стабильность окружающей среды с целью поддержания оптимальных условий для ее существования и гасит возмущения, выполняя принцип Ле Шателье. Принцип Ле Шателье, характеризующий устойчивость биосферы, выражается в том, что скорость чистого поглощения углерода биотой при относительно малых возмущениях окружающей среды пропорциональна приросту углерода в окружающей среде по отношению к невозмущенному доиндустриальному состоянию. При выполнении принципа Ле Шателье коэффициент пропорциональности должен быть положительным. Анализ скорости выбросов ископаемого углерода и накоп-

ления его в атмосфере позволяет установить поведение этого коэффициента (переход его от положительного значения к отрицательному) во времени для континентальной биоты в целом.

С начала прошлого столетия биота суши перестала поглощать избыток углерода в атмосфере. Наоборот она начала выбрасывать углерод в атмосферу, увеличивая, а не уменьшая изменения окружающей среды, производимые промышленными предприятиями. Это означает, что структура естественных сообществ биоты оказалась нарушенной в глобальных масштабах. Учитывая, что вся хозяйственная деятельность человека направлена на преобразование биосферы, можно оценить порог антропогенного воздействия, начиная с которого принцип Ле Шателье в биоте перестал действовать, т.е. биота и окружающая среда потеряли устойчивость.

Биосфера в целом и естественные экосистемы обладают предельной хозяйственной емкостью: для биосферы в целом из экспериментальных данных о скоростях прироста и вывода углерода из атмосферы установлен верхний порог этой емкости, превышение которого нарушает устойчивость биоты и окружающей среды, выражаемый через процент потребления первичной биологической продукции человеком и равный 1%. Эта величина подтверждается независимо по величине разрешенного потребления первичной биологической продукции крупными позвоночными.

В пределах хозяйственной емкости биосфера и земные экосистемы выполняют принцип Ле Шателье, быстро восстанавливают все нарушения окружающей среды и последняя остается устойчивой. Способность восстановления в абсолютных величинах, как и предел хозяйственной емкости, меняются от района к району в зависимости от абсолютной величины продуктивности (мощности биоты): в пустынях эта способность наименьшая, а в лесах - наибольшая.

Превышение хозяйственной емкости приводит к прекращению выполнения принципа Ле Шателье биотой, быстрому и все большому размыканию, сводимого раньше с высокой степенью замкнутости круговорота биогенов, превращению самой биоты в источник загрязнения (выброс углекислого газа, растворимых соединений азота и фосфора) и искажению окружающей среды.

Искажение окружающей среды ведет к нарушению экологических ниш многих видов организмов и, как следствие, к распаду

их геномов и в дальнейшем к исчезновению видов. Нет никаких оснований полагать, что подобный механизм не действует в популяции человека, который разрушает и свою экологическую нишу, дополнительно на это накладывается груз антропогенных загрязнителей, образующихся в результате хозяйственной деятельности человека.

Главной задачей человека в настоящий момент является сохранение и восстановление естественных сообществ организмов в таких масштабах, чтобы вернуться в пределы хозяйственной емкости биосферы в целом: только при этом условии прекратится деформация окружающей среды, будет обеспечена ее стабильность, остановится исчезновение видов, разрушение генома человека. Двадцатилетний опыт деятельности по сохранению и восстановлению окружающей среды в рамках технологического подхода к этой проблеме не принес желаемых результатов и снижения темпов нарушения окружающей среды, одним из следствий отдельных локальных успехов очистки окружающей среды было потребление хозяйственной емкости других территорий.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1 Сорохтин О.Г., Ушаков С.А. Глобальная эволюция Земли. - М., Изд. МГУ. 1991. - 446 с.
- 2 Бэкон Ф. Новая Атлантида // Собр. соч. в 2-х тт. - М., Мысль. 1972. Т. 2. С. 514.
- 3 Гольбах П.-А. Система природы // Избр. произв. - М., Мысль. 1963. Т.1. С. 59
- 4 Одум Ю. Экология. - М., Мир. 1986. Т. 1-2.
- 5 Медоуз Д.Х., Медоуз Д.А., Рендерс И. За пределами роста. - М., Изд. Группа «Прогресс», Пангея. 1994.
- 6 Simon J.I. The ultimate resource. - Princeton: - Princeton Univ. Press. - 1981. - 286 p.
- 7 Keyfitz N. Population and development within the Ecosphere: one view of the literature // IASA RR-91-14.-Laxenburg: 1991. - 38 p.
- 8 Хоружая Т.А. Методы оценки экологической опасности. - М., «Экспертное бюро-М». 1998. С. 13.
- 9 См.: Мировая окружающая среда, 1971-1982. Ч. 1 и 2. - М., ВИНТИ. 1984. - 692 с.; Our common future (The Brundtland report) - Oxford: Oxford Univ. Press. 1987. - 383 p.; Caring for the Earth. A strategy for the sustainable living. - Gland: IUCN/UNEP/WWF. 1991; Environmentally sustainable economic development: building on Brundtland. - UNESCO. - 1991. - 100 p.; The world environment 1972 - 1992. - London: Chapman and Hall. - 1992. - 884 p. и др.
- 10 Данилов-Данильян В.И., Горшков В.Г., Арсский Ю.М., Лосев К.С. Окружающая среда между прошлым и будущим: мир и Россия (опыт эколого-экономического анализа). - М., ВИНТИ. 1994. - 133 с.
- 11 Lotka A.J. Elements of physical biology. - Baltimore, Williams, Wilkins Co. 1925. - 460 p.; Вернадский В.И. Химическое строение биосферы и ее окружения. - М., Наука. 1987. - 339 с.
- 12 Tolba M.K., White G.F. Global life supporting systems. - Joint press release of UNEP and SCOPE.- 1979. - P. 2.
- 13 Lovelock J.E. The ages of Gaia: a biography of our living Earth. - N.Y., W.W. Norton and Co. 1988. - 252 p.
- 14 Caring for the Earth. A strategy for sustainable living. - Gland, IUCN/UNEP/WWF. 1991; Environmentally sustainable economic development: building on Brundtland. - UNESCO. 1991. - 100 p.
- 15 См.: Горшков В.Г. Энергетика биосферы и устойчивость состояния окружающей среды // Итоги науки и техники. Сер. Теоретические и общие вопросы географии. Т.7. - М., ВИНТИ. 1990. - 238 с.; Горшков В.Г., Кондратьев К.Я., Лосев К.С. Глобальные экологические перспективы // Вестник РАН. - 1992. №5. С. 70-81; Лосев К.С., Горшков В.Г., Кондратьев К.Я., Котляков В.М., Замеханов М.Ч., Данилов-Данильян В.И., Голубев Г.Н., Гаврилов И.Т., Ревакин В.С., Гракович В.Ф. Проблемы экологии России. - М., ВИНТИ. 1993. - 350 с.; Данилов-Данильян В.И., Горшков В.Г., Арсский Ю.М., Лосев К.С. Окружающая среда между прошлым и будущим: мир и Россия (опыт эколого-экономического анализа). - М., ВИНТИ. 1994. - 134 с. и др.
- 16 Environmentally sustainable economic development: building on Brundtland. - UNESCO. 1991. 100 p.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС КАСПИЙСКОГО МОРЯ В ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

ВВЕДЕНИЕ

Каспийское море - один из феноменальных водных объектов нашей планеты. Его живые и минеральные ресурсы с давних времен составляют основу экономики народов и государств, расположенных на его побережье. Транспортные возможности Каспия, уникальные туристические и курортно-оздоровительные комплексы, а самое главное - нефтяные и газовые месторождения, ресурсы которых, по мнению экспертов, уже превышают запасы Персидского залива, превратили его в приоритетное направление внешней и внутренней политики прибрежных государств, особенно Азербайджанской Республики. Этими качествами можно обогнать внимание, которое уделяют в 90-е годы Каспийскому морю и Каспийскому бассейну ученые, политики, лидеры делового круга.

Известно, что до распада Советского Союза в конце 1991 года Каспийское море периодически находилось во владении СССР и Ирана.

Постсоветский период породил новую ситуацию вокруг Каспия, вызванную тем, что количество независимых государств, расположенных в бассейне моря, увеличилось от двух до пяти (Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия и Туркменистан). Каспий и в советский период имел множество проблем - политических, экологических, гидрологических и т.д. Однако после 1991 года эти проблемы приобрели острый конфликтный характер, ибо в новых условиях новые прибрежные государства, в силу возникших интересов, встали на путь определения объема своих прав и выгод.

Ключевой проблемой, от решения которой всецело зависит судьба дальнейшего сближения и сотрудничества прикаспийских государств в деле умелого и рационального использования возможностей Каспия, является вопрос, связанный с определением международно-правового статуса Каспийского моря. В 60-80-е годы данной теме уделялось мало внимания, однако, после распада СССР и появления нефтяного бума на Каспии, количество исследований возросло. Однако многие труды скорее напоминают верхоушку айсберга, т.к. проблемы Каспия (особенно статусно-правового характера) сложны как в теоретическом, так и в практическом плане.

Нам представляется, что переговорный процесс по установлению международного правового статуса Каспийского моря, прежде всего, определяется степенью теоретических разработок и их состыкованностью с практикой международного права.

Соединив научные и практические знания, мы можем найти ответ на поставленный вопрос: что же представляет собой Каспий, каков его международно-правовой статус? Составной частью ответа на данный вопрос может являться рассмотрение истории межгосударственных правоотношений вокруг Каспия.

1. ИСТОРИЯ КАСПИЙСКОГО МОРЯ КАК ОБЪЕКТА МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В ретроспективе геополитическая характеристика Каспийского моря уходит корнями в глубь тысячелетий. Из дошедших до нас письменных источников становится ясно, что Каспийское море изучали и описывали ученые и путешественники еще с античных времен. Некоторые из них полагают, что Каспий был когда-то соединен с Черным морем. Легендарные герои древнегреческих мифов - аргонавты - будто бы совершили переход через Манычский пролив из Черного моря в Каспий. В трудах ученых и географов более позднего времени, таких как Гегатей Милетский, Геродот, Аристотель, Эратостен и др., Каспийское море описывается как замкнутый бассейн или как залив океана. У Страбона оно характеризуется как бассейн, вытянутый по параллели с Запада на Восток [1].

Каспийское море в разное время имело до сорока различных названий, они обычно давались морю или по этническому названию народов, проживающих на его берегах (кстати, нынешнему названию море обязано племенам каспиев, некогда живших на его западном берегу), или по наименованию городов, областей или стран его прибрежной полосы. К примеру, Каспийское море называлось Бакинским - по названию крупнейшего порта, Гирканим - по названию прибрежной страны Гиркании, Абескунским - по наименованию прибрежного края Абескун, Хазарским - по наименованию народа хазаров, жившего на его северо-западном побережье. Русские называли Каспий Хвальнским морем по названию народа, жившего в устье реки Волги. [2] Иранцы, в свою очередь, называли его Дарья-е Казар (Хазарское море [3]), Дарья-е Мазандаран (Мазандаранское море) или Дарья-е Комаль (Северное море [4]), имея в виду прибрежные исторические области, где обитали древние иранские народности [5] или географическое положение моря в стране.

С распространением ислама и расширением границ арабского халифата Каспийское море и прибрежная его полоса стали объектом особого внимания арабских завоевателей и, соответственно, ученых-исследователей. Поэтому немало арабских источников VIII-XI вв. посвящены Каспию, в которых часто его называют Хорезмским, Джурджанским, Табаристанским морем, море ад Дайлам (ад Дейлем). Употребляются также и такие гидронимы, как ал-Баб ва-л-Абваб (Дербентское), ал-Хазар, ал-Хазарийа и т.д. [6].

Освоение и завоевание прикаспийских территорий началось гораздо раньше появления христианства в России и ислама на юге Каспия. Однако по дошедшим до нас источникам известно, что южный Каспий был завоеван в 760-761 гг. Аббасидами, которые вплоть до IX века не смогли вытеснить из этого региона владетелей зороастрийских княжеств. Практически вплоть до 1722 года влияние Персии на процессы в Каспийском регионе не подвергалось какому-либо изменениям. Так, династия Сефевидов (1501-1722 гг.) придавала огромное значение этому региону, в том числе Каспийскому морю. Сефевиды успешно распространили шиизм среди населения южной части прикаспийского региона, укрепляя тем самым свою власть [7]. Активно развивалось торговое судоходство, которым пользовались также генуэзцы, а позже - британские купцы [8].

Однако не только Персия интересовалась этим регионом.

Бассейн Каспийского моря был известен русским с давних времен. Так, по свидетельству известного историка Востока Имама Абуль-Хасан Али-Масуди, жившего и творившего в конце IX века, первые русы появились на просторах Каспия примерно в 880 году, тогда же они штурмом взяли остров Абескун [9].

Аналогичная акция, как отмечает иранский историк Ибн-Исфендияр, была совершена в 909 году [10].

Наиболее известный поход русских на Каспийское море состоялся в 913 году под предводительством великого князя Игоря, когда 50 тысяч его дружинников на 500 судах совершили поход в Каспийское море. Истории известен еще один поход русских на Каспийское море, совершенный на 72 судах. Произошел он в 1175 году, незадолго до монголо-татарского вторжения в окрестные с Каспием районы [11].

С нашествием в начале XIII века монголо-татарских завоевателей, когда были захвачены не только прикаспийские страны, но и низовья Волги, походы русских в этот район были надолго прекращены. Только спустя три века, в середине XVI столетия, после объединения некоторых русских княжеств вокруг Московского государства, русские вновь стали стремиться к утверждению своего господства в бассейнах Волги и Каспия [12].

С приходом к власти в России династии Романовых и постепенной централизацией власти на Московском престоле, интерес к Каспию и примыкающим к нему землям стал возрастать. Ученые Викин Шетерян [13] (Франция) и Ромен Якимчук [14] (Бельгия) отмечают, что весь западный прикаспийский регион, начиная от Кавказского хребта на западе до горной цепи Эльбрус в Иране на востоке, стал зоной особого внимания России. Практически она открыла путь к этому южному морю в 1554 году, когда Иван IV (Грозный) сначала захватил Казань в 1552 г., а затем в 1556 г. уничтожил Астраханское ханство и таким образом предопределил дальнейшую экспансию бассейна Каспийского моря.

Первый русский военный корабль под названием «Орел», предназначенный для похода в Каспийское море, был построен 14 ноября 1667 г. по указу царя Алексея Михайловича [15].

В конце 60-х годов XVIII века в Каспийском море уверенно хозяйничала казачья

дружины Степана Разина. Она совершала на стругах набеги на персидские города Решт, Фарахабад, Астрабад и др., расположенные на южном побережье Каспийского моря [16].

Весной 1669 г. флотилия Степана Разина столкнулась в открытом бою в районе острова Свиной в Каспийском море (южнее Баку) с персидской флотилией, состоящей из 70-ти судов, и разбила ее, что было расценено историками как одна из крупнейших побед русских на Каспии [17].

Разбойничьи нападения казаков Степана Разина на прикаспийские города и особенно в 1668 году в Мазандаран были сигналом о начале полноценной оккупации Россией этого моря [18].

В начале XVIII века Каспийское море было отвоевано у персов в результате известного Персидского похода Петра I (1722-1723 гг.). За это время политическое и экономическое значение Каспийского моря получило расширенное толкование: оно расценивалось как важный стратегический путь в страны Средней Азии и Индию [19].

«Узнав о существовании древнего русла Узоя, - пишет К.К.Гюль, - Петр I намечал повернуть Аму-Дарью по ее прежнему направлению, полагая таким образом получить водный путь в Индию» [20].

Петр I обосновал идею необходимости присвоения всего Каспия и примыкающих к нему земель, указав, что путь к «теплым водам» должен пролегать через освоение всего этого региона [21].

В ноябре 1722 г. Петр I издал указ о постройке в Астрахани военного порта. Именно этот указ, по нашему мнению, заложил правовую основу военной экспансии Каспийского моря. В 1723 году, после того, как русские войска заняли персидский город Решт, Персия признала себя побежденной. Уступая России по Петербургскому трактату от 12 сентября 1723г. города Дербент, Баку, а также Гилянскую, Мазендеранскую и Астрабадскую провинции, она фактически признала господствующее положение России в вопросе о праве военного судоходства на Каспийском море [22].

После смерти Петра I идею создания военного флота на Каспии перехватил «гроза вселенной» - иранский монарх Надир шах, происходящий из тюркского племени Афшар. По мнению А. Довлатшахи, он стремился доминировать в море. С помощью английского инженера Джона Эльтона было построено несколько военных судов, в том числе и

первый крейсер, однако внезапная смерть помешала сбыться этой мечте иранского шаха [23].

В 1742 году Надир шах спустил в Каспий свое первое военное судно, однако этот шаг не спас Ирана от потери контроля над Каспийским морем. (Судно позже было уничтожено русскими) [24]. В целом пик борьбы за влияние и право собственности на Каспий и прикаспийские земли пришелся на период правления династии Каджаров (1779-1925 гг.). Но и они вынуждены были последовательно уступать России контроль над Каспием [25].

Несмотря на то, что 21 января 1732 г. был заключен Рештский договор между Российской и Персидской империями о сотрудничестве (особенно в области торговли) [26], заменивший договор 1723 года, тем не менее, желания у России стать единственным владельцем Каспия не убавилось. Это подтверждается последующим шествием русских войск на юг.

В 1784г. была захвачена Махачкала, в 1796г. - Дербент [27], а в 1806 г. - Баку. В 1828 году весь Северный Азербайджан (часть его была завоевана Россией в 1813г., по случаю чего был заключен Гюлистанский договор от 1813 года) отошел к Российской империи. Это было юридически закреплено в Туркманчайском трактате 1828 года [28]. Во второй половине XIX века был оккупирован Туркменистан, в 1920 г. - иранский порт Энзели. В конце Второй мировой войны Северный Иран контролировался Советской Армией. Однако удерживать Северный Иран (или Южный Азербайджан), в том числе порт Энзели, советским войскам не удалось [29]. Не без помощи Великобритании и США, продвижение России на юг, «к теплым водам» в этом регионе практически приостановилось.

Итак, в начале XIX века в регионе Каспия старались утвердить свое господство Россия, Великобритания, Франция и Германия. Иран вынужден был лавировать между этими странами. Так, в 1801г. был заключен договор между Персией и Великобританией, в соответствии с которым последняя обещала вооруженную помощь в случае вооруженного конфликта. Этот договор, по существу, подтолкнул правящие круги Ирана к обострению отношений с Россией и развязыванию войны против нее (ст. IV). Однако когда после ряда серьезных поражений в войне шах Ирана в 1805 г. стал настаивать на предоставлении ему обусловленной договором помощи, Англия

потребовала взамен передать ей в аренду все причалы Каспийского моря, разрешить сооружение крепости в Бушире и предоставить в ее владение остров Харк [30].

Великобритания настойчиво искала пути и возможности для закрепления в северных районах Ирана. Только этим можно объяснить заключение новых англо-иранских договоров в 1809, 1812 и 1814гг. [31].

Международно-правовой статус Каспийского моря начал складываться именно в тот период, когда было положено начало процессу противостояния между Россией и Персией, а также между Россией и Великобританией за владение прикаспийскими землями, Каспием в целом. Поскольку к началу XVIII века в этом регионе и бассейне утвердились Россия и Иран, а Великобритания лишь стремилась с помощью дипломатии получить сюда доступ, следует признать, что фундамент статуса Каспия был заложен Санкт-Петербургским (1723г.) и Рештским (1732г.) трактатами.

Договорная практика XVIII-XIX вв.

Рештский договор 1732 года установил право собственности России на некоторых территориях, уступленных ей Персией, регламентировал свободу торговли и навигации по Каспийскому морю, а также по рекам Аракс и Кура [32]. Этот договор, в отличие от договора 1723 года, предусматривал некоторые права для Персии (право судоходства), но тем самым он лишь усыпил бдительность Персии, ибо спустя чуть менее века после девятилетней войны, она снова потеряла контроль над значительной частью Южного Кавказа. Россия разрешила Персии и ее торговым судам пользоваться правом плавать по Каспийскому морю и причаливать к его портам. В соответствии с этим договором только военные суда Российской империи могли находиться в акватории Каспийского моря [33].

Дальнейшее продвижение Российской империи на юг и поражение Персии в очередной войне в 1828 году привели к потере последней полного контроля над Каспием. Вслед за Гюлистанским договором от 12 октября 1813 года Туркманчайский договор от 22 февраля 1828 года [34] в статье 8, в которой признавались права обоих государств на торговое судоходство судов, запрещал Персии держать военный флот на Каспийском море. Эти договоры определили первые элементы

правового статуса Каспийского моря: принадлежность и право судоходства. Они сохранили свою юридическую силу до 1921 года, т.е. вплоть до принятия Российско-Персидского договора о мире и дружбе.

Современные иранские авторы называют XVIII-XIX в.в. периодом русской экспансии в бассейн Каспийского моря и на север Ирана [35]. Однако у российских исследователей мнение иное. К примеру, Ю.Г.Барсегов считает, что указанные договоры стали «крупными вехами в истории становления международно-правового статуса Каспия...», подтверждавшие свободу плавания торговых судов и установившие исключительное право России иметь военный флот» [36]. Спорить с этим выводом, в силу его парадоксальности, сложно.

К концу XIX века появились первые научные сообщения, содержащие комментарии отдельных положений русско-персидских трактатов 1813 и 1828гг., в том числе касающихся Каспия.

Одним из первых охарактеризовал Каспийское море, с точки зрения международно-го права, известный русский юрист-дипломат Федор Мартенс. В частности, он писал: «В совершенно другом сравнительно с открытыми морями положении находятся те моря, которые не только окружены территориальными владениями одного и того же государства, но и не имеют никакой связи с океаном. Это - закрытые моря: они состоят под властью того государства, в пределах которого лежат.

На этом основании... Каспийское море также закрытое, хотя оно омывает берега, принадлежащие России и Персии, но должно считаться русским» [37].

На подобных позициях стояли также Л.А.Камаровский и В.А.Ульяницкий. «В противоположность этим открытым морям - писали они в 1908г., - считаются закрытыми или внутренними те, которые не имеют сообщения с океаном, но по своему составу представляют собою моря, а не озера. Таково... принадлежащее России Каспийское море» [38].

Несмотря на появление ряда научных исследований и наличие определенной российско-персидской договорно-правовой практики XVIII-XIX вв., вплоть до 1921г. международно-правовой статус юридически, в целом, не оформился [39], хотя появились определенные слагаемые. Каспийское море,

став объектом межгосударственных правоотношений, сразу же было привнесено в жертву колониальной политики.

2. СОВЕТСКО-ИРАНСКАЯ ПРАКТИКА

а) Российско-Персидский договор 1921 года о дружбе и сотрудничестве

Об этом договоре как о базисном правовом источнике статуса Каспия много пишут и говорят. В науке утвердилось мнение о том, что этот договор определил основу внешней политики советского коммунистического режима. С другой стороны, данный договор определил новые ориентиры шахского, а затем исламского режимов в Иране в XX веке. Тегеран, согласившись на неофициальный контроль России над Ираном и Каспием, получил иллюзорное право и гарантию на устойчивый мир с нею и на помощь в случае агрессии против нее третьих стран. Практически Иран согласился с потерей территорий, владений и пространства влияния взамен на гарантию существования в тех границах и в том виде, в котором он пребывал в течение всего XX века. Поэтому Иран вел себя столь неадекватно и нестабильно с Великобританией, позже - с Германией и США [40], которые стремились ослабить влияние Советов и утвердить свое. Иран все эти годы не доверял никому, но в вопросах территориальных приоритетов все-таки предпочтение отдавал своему северному соседу, понимая, что из двух зол следует выбирать наименьшее. Договор 1921 года, как писал в своих трудах иранский ученый Б.Х.Парвизпур [41], помогал Ирану варьировать между Советским Союзом и Западом в вопросах внешней политики.

К сожалению, в исторической, политологической и юридической литературе содержится поверхностный анализ и толкование положений договора 1921 года. Многие ученые, кажется, даже не подозревают, что этим договором Советское государство и Персия (после 30-х годов - Иран) проигнорировали политико-экономические интересы третьих стран и самостоятельно договорились о разделе на сферы влияния, в том числе в бассейне Каспийского моря. По существу, они установили закрытый, недоступный для посторонних глаз и колониальный по содержанию (Иран добровольно принял статус дискриминируемой стороны) статус Каспийского моря.

Распутать нити этого клубка противоречий ныне активно взялись различные правовые школы и политики мира, но проблема по-прежнему остается сложной.

Вот почему сегодня, когда новые прикаспийские государства (Азербайджан, Казахстан и Туркменистан), равно как и неприкаспийские, но заинтересованные в этом регионе страны решительно заявили о формальном и архаичном характере Договора 1921 года, Российская Федерация как наследница Советского Союза и Исламская Республика Иран как наследница Персии стали совместно защищать это соглашение, не раскрывая сути своего геополитического соглашения, заключенного в начале века.

б) Предыстория подписания договора 1921 года

К концу XIX века, с момента открытия большой нефти в Баку, резко возрос интерес стран Западной Европы к бассейну Каспийского моря. Как правильно указывает Р. Якимчук, политически нестабильный бассейн оказался в центре внимания Европы. В начале 70-х годов прошлого века Россия, обладая богатыми ресурсами, продолжала зависеть от Запада. Поэтому приход в прикаспийский регион, в частности, на нефтяные месторождения Баку братьев Нобель, Ротшильда и др. представителей крупного западного капитала был ею востребован и оправдан. Западные предприниматели смогли транспортировать бакинскую нефть (в те времена почти 50% мирового производства) по нескольким направлениям - до Астрахани; по построенной железной дороге Баку-Тифлис-Поти; через порт Батуми до Швейцарии (порт Сен-Готар), Генуи и в другие крупные средиземноморские порты. Первая мировая война, приведшая к ослаблению царской России и усилению роли влияния Запада на национальных окраинах империи, обозначила подъем национально-освободительных процессов [42]. В такой ситуации 28 мая 1918 года была провозглашена Азербайджанская Демократическая Республика (АДР). Как независимая страна она устраивала Запад больше, чем как окраина России [43]. Последняя, в свою очередь, старалась вытеснить ведущие зарубежные державы и их компании из прикаспийских нефтеносных регионов. Когда в 1895 году наиболее крупные из них - «Стандарт Ойл», «Ротшильд» и «Нобель Бразес Петролеум Продакшн Ко» - попытались

создать ассоциацию для того, чтобы перехватить контроль над нефтяными месторождениями Баку, это встретило очень серьезное противодействие России. Тогда же была проведена первая ветка нефтепровода Баку - Батуми [44]. И хотя в 1907 году в рамках Петербургской конвенции по делам Персии, Афганистана и Тибета от 31 августа 1907 г. [45] царская Россия и Великобритания сумели договориться о разделе сферы влияния в обширном регионе Азии [46], интересы Запада на Каспии и в окружающих его областях не были удовлетворены. Занятие британскими войсками 16 августа 1918 года Баку полностью подтверждает правоту этой точки зрения. Вслед за оккупацией Баку две компании - «Роял Дат Шелл» и «Стандарт Ойл» - заявили о своем желании начать разработку энергоресурсов Каспия и даже предприняли попытки придать этому юридический характер [47].

Особенности покровительства западного капитала со стороны войск Великобритании охарактеризовал советский ученый Р.А.Тузмухамедов. По его мнению, этому во многом способствовала позиция руководства АДР, опасавшегося экспансии с севера. К октябрю 1918 г., отмечает он, «... английские суда были объединены с белогвардейскими судами и центральной Каспийской флотилией... англичане полностью захватили флот в свои руки... на Каспии» [48].

Правительство демократического Азербайджана тогда активно поддерживала эту политику, надеясь на военную поддержку Запада. Однако западные союзники оставили Азербайджан - то ли потому, что сумели договориться с Россией, то ли в силу военно-политических проблем и собственных интересов. По существу, Запад сдал Азербайджан Советской России.

На этот исторический факт указывает и Ю.Г.Барсегов, правда, в другом ракурсе, с позиции защиты интересов России. Он пишет: «...при определении своего отношения к будущему статусу Каспия Россия не может не считаться с фактором политической и военной безопасности» [49].

По его мнению, присутствие России на Кавказе и в Закавказье имело определяющее значение для обретения и сохранения ею положения великой державы. «Фронт военно-политического противостояния европейских великих держав, проходивший вдоль западных границ России, издавна заходил за южный фланг, охватывая Черное море, Кавказ и

Закавказье. Наблюдаемый в настоящее время обход России военно-политическим блоком НАТО с южного фланга - через Турцию и Азербайджан является продолжением исторической геополитической тенденции» [50]. Делается первый вывод о том, что в период обеих мировых войн и Октября 1917 года западные государства использовали пантюркизм для выдавливания России из этого региона, соответственно, из бассейна Каспия. Но тогда, по его мнению, опасность перехвата у России тюркских регионов удалось нейтрализовать. Затем следует еще один вывод: «Существующий международно-правовой статус Каспия, исключая проникновение враждебных государств, обеспечивал безопасность обоих прикаспийских государств - СССР и Ирана - потенциальных объектов агрессивного пантюркизма» [51].

Подытоживая свои рассуждения, он формулирует третий вывод: «...развитие в регионе Каспия после распада СССР с ювелирной точностью повторяет события, имевшие место после первого катаклизма, связанного с Октябрьским переворотом в 1917 г. и разрушением Российской империи» [52].

После 1917 года были предприняты первые действенные меры закрепления нового режима в регионе. Еще до подписания договора 1921 г. появилось обращение Советов к «Персидскому народу и персидскому правительству от 26 июня 1919 г. [53]. В нем говорилось, что «Каспийское море, по отношению его от разбойных судов английского империализма, будет объявлено свободным для плавания судов под персидскими флагами» [54].

Вскоре после этого было принято обращение НКВД РСФСР идентичного содержания к рабочим и крестьянам Персии от 30 августа 1919 г. [55].

Как известно, в апреле 1920 года XI Красная Армия вновь вернула Азербайджан под флаг России. Вслед за этим актом она поспешила укрепить союз с Персией. Стороны договорились о том, что в Каспии и окружающих его территориях иностранцев ни под каким предлогом больше не окажется [56]. Об этом свидетельствуют соответствующие статьи договора 1921 года (ст.ст. 6-7). Взамен Иран получал гарантии, что не будет оккупирован Россией. Может быть, в силу этого договора, советские войска, находясь в годы Второй мировой войны в Иране, ушли из Южного Азербайджана и не оккупировали какую-нибудь другую часть Ирана.

в) Содержание договора 1921 года

Итак, 26 февраля 1921 года Советская Россия и Персия заключили Договор о дружбе и сотрудничестве. Прежде всего, в нем декларировалась в ст.1 потеря законной силы всех договоров, соглашений и концессий, ущемляющих права иранского народа, заключенных бывшим царским правительством и Персией [57]. Принцип равенства был установлен соглашением как базис двусторонних отношений между двумя государствами [58].

Стороны согласовали право уважать русско-персидские границы, установленные Согласительной комиссией 1881 года (ст. 3), но без определения границы в водах Каспия. В соответствии со ст. 8, договор 1921 г. аннулировал консульскую юрисдикцию, т.е. тем самым Россия отказывалась от экономических привилегий, полученных путем военного превосходства, включая права на ссуды, предоставленные в свое время царским правительством Персии.

Известно, что до Октябрьского переворота 1917 года концессии на рыбную ловлю находились в руках российских поданных [59]. Договор 1921 года положил конец такому положению и предоставил право иранской стороне активно участвовать в рыболовстве путем дополнительных договоренностей (ст. 14) [60].

В этом договоре важное место отводится судоходству и проблемам международной безопасности. Так, относительно судоходства в ст. 11 Персии было предоставлено право иметь флот на Каспийском море на тех же условиях, что и России: «Обе Высокие Договаривающиеся Стороны согласны, что с момента подписания настоящего договора они будут в равной степени пользоваться правом свободного плавания по Каспийскому морю под своим флагом» [61].

Что касается проблем обеспечения безопасности прикаспийских государств (России и Персии - Р.М.), то указание на сей счет имеется в статьях 6 и 7. В частности, в ст. 6 констатируется право России вводить в Персию войска, в случае если третьи государства попытаются превратить территорию Персии в базу для пересечения границ и военных выступлений против России. А ст. 7 развивает идею недопущения третьих стран в Каспийское море. Данное положение гласит, что «если в составе экипажа судов персидского флота окажутся граждане третьих держав,

использующие свое пребывание в персидском флоте в недружественных по отношению к России целях, Российское Советское Правительство будет иметь право потребовать от Правительства Персии устранения указанных вредных элементов» [62].

И, наконец, согласно ст. 3 Россия уступила Персии иранский остров Ашуррадех и по ст. 10 - оборудование порта Энзели.

г) Другие советско-иранские договоры

В развитие ст. XIV договора 1921 года СССР и Иран подписали Соглашение об эксплуатации рыбных ресурсов южного побережья Каспийского моря от 1 октября 1927 года, в соответствии с которым учредили смешанную советско-иранскую рыболовную компанию с концессиями на разработку биоресурсов иранской части Каспия (за условной границей Астара-Гасанкули) в течение 25-ти лет [63].

Кстати, следует отметить, что после истечения срока концессии в 1953 году Иран не пожелал продлить ее срок и тогда же соглашение потеряло свою юридическую силу.

Данное соглашение не внесло никакого вклада в дело развития международно-правового статуса Каспия, и стало промежуточным, временным соглашением [64].

В зарубежной науке международно-правового статуса Каспия, и стало промежуточным, временным соглашением [64]. В зарубежной науке международно-правового статуса Каспия сложилось ошибочное мнение о том, что в договорной практике советского периода не был установлен международно-правовой статус Каспийского моря [65]. На наш взгляд, неполноценный, но определенный статус договорной практикой советского периода все-таки был установлен.

Так, уже в содержании первых официальных нот, которыми обменялись правительства СССР и Персии о порте Пехлеви (1 октября 1927 года) подчеркивалось, что Каспий является советско-иранским морем [66], т.е. стороны признавали его в качестве моря, доступного двум сторонам. Договорная практика XIX века его рассматривала лишь как российское море.

В соответствии со ст. 16 Советско-Иранской конвенции о поселении, торговле и мореплавании 1931 года указывалось, что в бассейне Каспия могут находиться суда только прибрежных государств. Другими словами, море тогда было закрыто для третьих государств. Договор 1935 года под таким же названием и Договор о торговле и мореплавании 1940 года, а также ноты, которыми

стороны обменялись при заключении последнего соглашения также исходили из этой позиции. В частности, в письмах о Каспийском море от 25 марта 1940 года, которыми обменялись представители СССР и Ирана в день заключения Договора 1940 года, отмечалось, что «...Каспийское море, рассматриваемое обеими Договаривающимися Сторонами как море советское и иранское, представляет для Договаривающихся Сторон исключительный интерес...» [67].

Кстати, Договор 1940 года позаимствовал и развил принципы, провозглашенные в договоре 1921 года и во всех последующих соглашениях, подчеркивая тот факт, что только корабли, принадлежащие двум прибрежным государствам, имеют право плавать по Каспийскому морю и, что иностранный персонал, работающий на этих кораблях и в портах должен ограничивать свою деятельность в пределах, определенных в контрактах. Новым в этом договоре было то, что в бассейне Каспия была предусмотрена 10-ти мильная морская полоса, называемая рыболовной зоной (ст. 11).

Следует отметить, что установление 10-ти мильной национальной рыболовной зоны вносило новое положение в статус Каспия, определенном предыдущими соглашениями. По существу, в договорном порядке были определены национальные и международные зоны в Каспии. Это положение ставит под сомнение позицию тех, кто считает, что советско-иранская договорная практика 30-40-х годов определила статус Каспия как condominium, т.е. как зону общего пользования.

Однако договоры 1921-1940 гг. не определили конкретный статус Каспия, по ним трудно судить о каком водном объекте стороны согласовали свои позиции - о море или озере. Практически стороны юридически определили фактор закрытости этого объекта, а не его положение. В договорах вообще не шел разговор о разграничении его вод и дна.

Следует подчеркнуть, что договорная практика тогда и не ставила задачу установления четкого статуса Каспия. Скорее, два прибрежных государства предпочли создать Каспия статус «sui generis», т.е. специальный статус и режим, отвечающие их внешне-политическим доктринам, но не достаточные для понимания третьих стран.

3. НАУКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА О СОВЕТСКО-ИРАНСКОЙ ДОГОВОРНОЙ ПРАКТИКЕ ОТНОСИТЕЛЬНО СТАТУСА КАСПИЙСКОГО МОРЯ

Международные договоры, заключенные между Советским Союзом и Ираном, несмотря на коренное изменение обстоятельств и появление новых политико-экономических и правовых условий, до сих пор живо обсуждаются в науке международного права СНГ, Ирана и западных стран с целью установления международно-правового статуса Каспийского моря.

В этой связи научные позиции относительно договорной практики советского периода могут быть классифицированы по трем направлениям. Первое направление отражает мнение ученых, считающих, что Каспийское море в советский период рассматривалось как закрытое, но не как замкнутое (или полузамкнутое) море.

Другое направление представляет точку зрения ученых, считающих, что Каспийское море является condominiumом, т.е. общей собственностью (или территорией) прибрежных государств.

Последнее направление отражает позицию тех, кто рассматривает Каспийское море как пограничное (международное) озеро.

Наиболее популярным в бывшей советской юридической науке был взгляд на Каспийское море как на закрытое море. Как известно, эта точка зрения опирается на российскую доктрину, сформулированную в XIX веке.

В частности, этот подход зафиксирован в изданном в 1940 году «Военно-морском международно-правовом справочнике» под редакцией В.А.Белли, в котором отмечалось, что «Каспийское море как географически закрытое и окруженное территорией двух государств - СССР и Ирана - рассматривается как советско-иранское море» [68].

В учебнике «Международное право», изданном в 1957 году, Каспий открыто признается закрытым морем. В качестве обоснования служило то, что его воды не имеют сообщения с открытым морем [69].

Эта точка зрения с целью определения международно-правового статуса Каспийского моря была высказана и в «Военно-морском международно-правовом справочнике» под редакцией П.Д.Бараболои, изданном в

1966 году, хотя в нем уже можно найти противоречивые суждения.

По мнению одного из авторов этого справочника - Л.А.Иванашенко, к закрытым морям, по своему правовому положению и режиму судоходства, относятся моря-озера, представляющие собой внутренние национальные воды прибрежных государств в пределах их государственных границ, к которым он относит Каспийское море [70].

Не менее противоречивое суждение в этой же работе выдвигал и В.Д.Логунов. Вначале он заявляет, что Каспийское море не связано путями ни с открытым морем, ни с океаном и поэтому, с точки зрения международного права, является закрытым. Но уже на следующей странице им выдвигается совершенно новая и, как нам кажется, правильная концепция о том, что «не имея выхода в океан, Каспийское море является типичным пограничным озером, расположенным между двумя государствами - Советским Союзом и Ираном» [71]. В подтверждение этой точки зрения В.Д.Логунов замечает, что «общие нормы, применяемые к открытому морю, судам и экипажам, плавающим в открытом море, равно как и исследованиям и промыслам природных ресурсов открытого моря, положения о территориальных водах к Каспийскому морю не распространяются так же как они не распространяются и на пограничные озера». Но, в конечном счете, автор пришел к совершенно неожиданному выводу: «Каспийское море является советско-иранским морем» [72].

Находясь под непосредственным влиянием этих концепций и учений, Ф.С.Бойцов также признавал, что Каспий, будучи замкнутым морем-озером, в соответствии с заключенными соглашениями должен рассматриваться как море советско-иранское [73].

Почти аналогичной являлась и официальная позиция Ирана в этом вопросе, нашедшая свое отражение даже в его национальном законодательстве, о чем свидетельствует В.Я.Шестопалов: «Хотя в законе от 12 апреля 1959г. (Закон о внесении поправок в закон о территориальных водах. - Р.М.) нет специальной на то оговорки, - пишет он, - на основании анализа ранее принятого законодательства и договорно-правовой практики Ирана следует сделать вывод о том, что положение этого закона не может быть распространено на бассейн Каспийского моря, которое считается закрытым морем. Этот очевидный факт признан

законодательной практикой Ирана еще в середине 50-х годов и нашел отражение в примечании к ст. 2 Закона «О континентальном шельфе» от 19 июля 1955 г., в котором указывается, что «положения международного права в отношении закрытых морей применяются к Каспийскому морю» [74].

Большинство из этих точек зрения были высказаны в советское время. Тем более удивляет тот факт, что российский ученый Ю.Г.Барсегов в своей монографии, изданной в конце XX века, т.е. в постсоветский период придерживается архаичной, давно устаревшей позиции. «Попытки обращения с Каспием, - пишет он, - как с пространством, не имеющим действующего международно-правового статуса, лишены всякого правового основания. Невозможно представить, чтобы в конце XX века целое море не подпадало под действие международного права. Помимо элементарной логики существование международно-правового статуса Каспия подтверждается приведенным выше нормативным материалом» [75] (имеются в виду советско-иранские договоры периода 1921-1940гг. - Р.М.). Далее, он еще более точен и конкретен в своих суждениях: «Каспий имеет статус закрытого (в правовом смысле) внутриконтинентального моря, установленный прибрежными государствами и признанный международным сообществом» [76].

Признание Каспия закрытым советско-иранским морем встречается и в ряде работ других ученых, в том числе и зарубежных [77].

Как отмечалось ранее, концепция закрытого моря берет свое начало со средних веков. Ее автор Джон Селден преследовал цель обосновать имперские притязания Великобритании на обширные просторы Мирового океана. В XIX и XX вв. этой концепции придавала жизнь имперская политика России, а затем - Советского Союза. Защищая идею о превращении Каспия в закрытое море, Россия, а затем и СССР, исходили не столько из географического или научно-юридического фактора. Скорее это была официальная военная доктрина великодержавной страны, не желающей допустить в зоны своих жизненных интересов посторонние, особенно развитые западные государства, конкуренцию с которыми ей удалось успешно выиграть на Каспии еще в начале XX века. Почему же столько известных ученых, включая иранских, в те годы поддерживали эту ошибочную позицию? Версий несколько.

Во-первых, виной тому неоднозначная позиция и выводы географической науки, базирующиеся не только на современном положении озера, но и на представлениях, дошедших до нас из глубины веков. Суть их метко охарактеризовал академик К.К.Гюль: «Каспийское море - величайшее озеро в мире. Благодаря своим размерам и солёности воды оно еще в глубокой древности получило наименование моря» [78].

Подобный подход к оценке географического положения Каспийского моря не является единственным в своем роде. Афшин Данекар (Иран) также указывает на этот ошибочный географический признак [79]. По свидетельству Нгуен Нгок Мина, прежде вообще было довольно широко распространено мнение о необходимости рассмотрения крупных озер морями. «Эта точка зрения, - пишет автор, - получила, например, отражение в решении Верховного Суда США по делу «US v. Rodgers», вынесенном в 1893 году [80].

Во-вторых, причиной ошибочного представления о Каспии могло быть желание ряда ученых придерживаться военной стратегии своей страны при оценке военно-политической значимости территорий, водных объектов и т.д. Известно, что официальная Москва в течение всего периода нахождения у власти большевиков в своих суждениях по тому или иному вопросу зачастую исходила из потребностей обороны и военных интересов страны (которые, кстати, не всегда находили свои научные обоснования и сторонников среди зарубежных коллег). В качестве крайнего довода этими учеными приводился один аргумент: установление концепции закрытого моря было продиктовано интересами национальной безопасности. «Именно этим объясняется, - подчеркивает С.В.Молодцов, - широкое признание в советской доктрине международного права концепции закрытого моря и ее распространение на Черное и Балтийское моря, которые имеют четко выраженные черты закрытого моря» [81].

Один из авторов советского варианта концепции закрытого моря Г.М.Мелков подтверждает эту версию. Согласно его мнению, «до победы Советского Союза над фашизмом и образования мировой системы социализма концепция закрытого моря сыграла положительную роль в международно-правовом обеспечении безопасности СССР, в том числе и с морских направлений...» [82].

Думается, что эти высказывания имеют самое непосредственное отношение к факторам и причинам рассмотрения группой ученых, включая иранских [83], Каспийского моря в качестве закрытого.

Как известно, в начале 70-х годов появилась новая концепция под названием «замкнутое море» (или «полузамкнутое море»), которое затем вошло в содержание Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (ст.ст. 122-123).

Главное различие между исследуемыми терминами заключалось в том, что государства - члены ООН - сумели отбросить в сторону военно-политическую суть термина, придав ему правовой и экономический смысл. Ст.122 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года гласит: «...замкнутое или полузамкнутое море» означает залив, бассейн или море, окруженное двумя или более государствами и сообщающееся с другим морем или океаном через узкий проход, или главным образом из территориальных морей и исключительных экономических зон двух или более прибрежных государств» [84].

Если при объявлении конкретного водного бассейна закрытым морем подразумевалось закрытие всех путей сообщения к нему, то статьи 122 и 123 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., наоборот, призывали государства бассейна моря к экономическому сотрудничеству и вовсе не предполагали закрыть тот или иной морской объект, исходя из военно-политических соображений.

Приходится констатировать и тот факт, что после принятия Конвенции 1982 года в Советском Союзе о концепции закрытого моря намеренно «забыли», по известным причинам, оставив тем самым вопрос о статусе Каспийского моря нерешенным.

Что касается второго направления, то следует отметить, что за период с 1921 по 1991 гг. в Советском Союзе мало кто рассматривал Каспийское море в качестве кондоминиума, т.е. совместной территории либо собственности. Эта идея в применении к Каспию, не без подачи России, стала актуальной для науки и практики международного права позднее, в начале 90-х годов после развала Советского Союза [85] и особую остроту приобрела в настоящее время.

Хотя в период с 1921 по 1991гг. Каспий называли советско-иранским морем, но на самом деле ни в одном советско-иранском договоре не была установлена иранская

часть Каспийского моря. Другими словами, Ирану по существу не достался пай от Каспия, и он соглашался с этим положением по известным причинам. Следует согласиться с мнением Гюльнара Нугмана о том, что « в силу географического и регионального распределения сил, море (Каспий - Р.М.) было фактически под контролем СССР с преобладанием здесь советского флота и нефтяных установок. Такой статус был оговорен в двух соглашениях между СССР и Ираном в 1921 и 1940 гг., которые установили относительно стабильное и удовлетворительное распределение сил на море» [86].

Другими словами, в этот период Каспий следовало бы называть скорее советским морем, поскольку Иран не только не имел свою часть в Каспии, но и не имел торговый, военный и рыболовный флот, осуществлял лишь небольшую рыбопромысловую деятельность на берегу. Иначе говоря, Иран фактически им не пользовался, был мало заинтересован в его ресурсах и возможностях и не всегда возражал против такого состояния.

Начиная с 80-х годов в советской юридической науке стали появляться взгляды о возможности хотя бы научного признания Каспия пограничным либо международным озером. Например, как отмечал В.Ф.Мешера, за Каспием исторически укрепилось название моря, тем не менее, с географической точки зрения, он является обычным пограничным озером [87].

Объективности ради следует отметить, что в те годы, когда еще безраздельно доминировала концепция закрытого моря в отношении Каспия, выдвижение предложений в пользу пересмотра его международно-правового статуса и признания его пограничным озером рассматривалось как решительный и смелый шаг. С такими предложениями в большей или меньшей степени активно выступала группа как маститых, так и молодых ученых: К.А.Бекяшев, В.С.Верещетин, А.А.Волков, Г.А.Глазунов, А.К.Жудро, С.А.Малинин, Р.Ф.Мамедов, А.М.Муртазалиев и Х.А.Халафов [88].

В отличие от советской школы международного права, в зарубежной юридической литературе гораздо раньше возобладало мнение в пользу рассмотрения Каспийского моря пограничным озером, что связано, на наш взгляд, с определенным развитием западной концепции пограничных озер.

Так, еще в конце 60-х годов известный английский юрист У.Батлер писал, что, не-

смотря на включение вод Каспийского моря в состав внутренних вод Советского Союза, на самом деле оно является крупнейшим озером, которое исторически называют морем [89]. «Каспийское море - отмечает в свою очередь французский ученый Франц де Хартинг, - так же как Аральское море, в действительности большие озера, подчиненные национальным юрисдикциям. Поскольку берега Каспия принадлежат двум государствам - Советскому Союзу и Ирану, то поэтому его воды пограничные» [90].

Аналогичная точка зрения содержится и у югославского юриста Ю.Андраси [91].

Двойственность критериев, определяющих положение Каспийского моря, по мнению иранского ученого А.Довлятшахи, восходит к доисторическому времени, когда оно имело естественную связь с Черным морем и Северным ледовитым океаном. «Но современное его положение, - пишет автор, - позволяет нам рассматривать его не как море, а как озеро, не имеющее сообщения через пролив с океаном или открытым морем» [92].

Определенное место Каспийскому морю в своей книге «Пограничные озера» отводит Ф.Пондавен. По его мнению, Каспий, несмотря на свою величину, ресурсы и древнюю историю, тем не менее, относится к числу наименее регламентированных, с точки зрения международного права, озер [93].

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

В рамках российско-иранского Договора 1921 года была сделана серьезная попытка в вопросах выработки международно-правового статуса Каспийского моря.

Основным назначением Договора 1921 года, как справедливо считает В.Х.Гиззатов, было оказать противодействие британским попыткам установить контроль над судоходством на Каспии [94]. На наш взгляд, договор установил в начале XX века союз двух соседних государств, направленный на пресечение попыток западных государств и их транснациональных корпораций эксплуатировать нефтяные богатства прикаспийской полосы, в частности, города Баку.

Договор обошел главный вопрос - определение статуса Каспия, в частности, проблему делимитации суверенитетов в нем [95]. Другими словами, в договоре не были определены юридические границы прибрежных прикаспийских государств.

Что касается обеспечения безопасности в Каспийском море, то можно выделить несоответствие договорной практики и реальной жизни в пункте, ограничивающем присутствие граждан третьих стран на судах, плавающих на Каспии. По логике статьи VII не запрещается присутствие иностранцев из третьих стран в случае, если они не занимают враждебной деятельностью. На деле же граждане из третьих стран так и не попали в бассейн Каспийского моря до периода перестройки.

В юридической, политической литературе, периодике часто отмечается, что прикаспийские государства до определения нового международно-правового статуса должны придерживаться положений Договора 1921 года и последующих соглашений, принятых на его основе. Однако эта позиция больше отражает интересы российской и иранской сторон [96], но не отвечает интересам развития других прикаспийских государств и стран, участвующих в реализации Каспийских проектов.

Договор 1921 года не определил четко международно-правовой статус Каспия. Поэтому трудно судить по содержанию статей договора 1921 года о реальном положении бассейна: не установлены границы, нет положения о главных судоходных реках и каналах, не определен принцип судоходства, весьма поверхностно затронуты вопросы рыболовства и т.д.

Таким образом, среди положений данного договора содержится немало положений, непосредственно касающихся Каспийского моря и фактически заложивших фундамент его международно-правового статуса и режима для советского времени. Однако из содержания этого договора трудно судить о том, как квалифицировали Каспийское море его авторы, чем считали - морем, озером или чем-либо другим? Последующие договоры, в частности, 1931, 1935 и 1940 гг., также не смогли уточнить этот вопрос и восполнить правовой вакуум.

В 1991 году после распада Советского Союза возникла новая геополитическая ситуация: вместо двух прикаспийских государств (СССР и Иран) стало пять (добавились Азербайджан, Казахстан и Туркменистан). Сразу же актуализировался вопрос об отношении этих государств к Каспию, его старому статусу, т.е. к советско-иранский договорной практике. Все новые прикаспийские государства дружно заговорили о необходимости пересмотра этой договорной

практики как не соответствующей реалиям дня и их национальным интересам: экономическим, энергетическим и политическим.

Россия и Иран (чуть менее последовательно) выступают за сохранность юридической силы договоров 1921 и 1940 гг. Почему Российская Федерация выступает в защиту явно устаревших, к тому же не способствующих развитию интеграции, соглашениям? Ответ на этот вопрос можно найти у Викена Шетеряна, который чутко уловил ситуацию. «В Москве у политиков, - пишет он, - все еще остается чувство, что позиция великой державы и многовековое господство над Каспием дает им здесь особые права, но это чувство не разделяется остальными [97].

Позиция же Ирана по отношению к советско-иранской договорной практике не всегда была однозначной. Временами руководители этого государства, включая нынешний режим, выступали за денонсацию базового договора 1921 года. Известно, что в 1959 году планировалось принятие советско-иранского договора о дружбе и ненападении. Но вместо этого 5 марта 1959 года в г. Анкаре Иран подписал двустороннее военное соглашение с США сроком действия на 20 лет [98].

Однако и после возникновения Исламской Республики Иран (в феврале 1979 года) Ираном был поднят вопрос о денонсации договора 1921 года (особенно статей 5-6 договора). В своей ноте за № 453/1/7640/18 от 11 ноября 1979 г. [99]. МИД ИРИ заявил, что в Совете Исламской Революции было принято решение объявить об утрате смысла и отмене действия статей 5 и 6 Договора 1921 года. Во второй и третьей частях ноты Ирана указывалось, что иранское правительство, в связи с изменением условий, обусловивших статьи 5 и 6 Договора 1921 года, и согласно оговорке *rebus sic stantibus*, т.е. коренному изменению обстоятельств, опираясь на основные принципы Устава ООН, объявляет об утрате силы этих статей.

В этом же духе, полностью отражая политику своего правительства, газета «Джомхурийе эслами» (31 мая 1983г.) квалифицировала право Советского Союза, вытекающее из статей 5 и 6 Договора 1921 года, как средство осуществления своих захватнических планов [100].

Почему же в таком случае сегодня Иран изменил позицию и вновь ориентируется в своей региональной политике на договор 1921 года, тормозя тем самым процесс выработки

нового статуса Каспия? Опасение Ирана, к сожалению, связано с обретением независимости Азербайджана и с ведением им самостоятельной внешней политики. Об этом в завуалированной форме пишет иранский ученый Касем Малеки, ссылаясь на российскую позицию по отношению к Азербайджану. Однако очевидно, что растущее влияние Азербайджана беспокоит не только Россию, но и Иран, который вынужден цепляться за договор 1921 года. Касем Малеки, в частности, пишет: «С Азербайджаном связана большая действительная и потенциальная опасность интересам национальной безопасности России на Кавказе. Несмотря на то, что настоящие руководители Азербайджана тактически показывают свою верность России, их военно-политическая стратегическая линия направлена к Западу». И, наконец, главную опасность Иран видит в том, что «Баку открыл ворота для проникновения западных стран, в перспективе в Азербайджане будут господствовать интересы Соединенных Штатов, Англии, Турции и нескольких других стран» [101].

Ясны политические мотивы, по которым Россия и Иран стараются сохранить юридическую силу договоренностей, основные по-

ложения которых явно мешают сближению политических интересов и экономической интеграции всех прикаспийских государств.

Сегодня прикаспийские государства поставлены в сложные условия и вынуждены строить свои отношения не на попытках совмещения точек зрения и выработки общих подходов к решению спорных вопросов, а на взаимных претензиях, упреках. Несмотря на имеющиеся разногласия в вопросах формирования нового международно-правового статуса Каспия, в этой сфере наметился определенный прогресс [102]. Он стал особенно заметным после заключения российско-казахстанского соглашения по разграничению дна Каспия, принятого в 1998 году [103].

Двусторонние встречи прикаспийских государств также свидетельствуют о том, что они фактически списали советско-иранскую договорную практику в архив. Монопольное владение Каспием - это практика вчерашнего дня. Необходимо отказаться как от дискриминационных, так и конфронтационных подходов в решении проблем Каспия и определения его международно-правового статуса и искать пути к равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству государств Каспийского региона. Таково требование дня.

ЛИТЕРАТУРА:

1. См.: Гюль К.К. Из истории географических исследований Каспийского моря // Известия АН Азерб. ССР. Серия геол.-геогр. наук. 1960. № 2. С. 90-91.
2. См.: Жикю П.В. О названиях Каспийского моря // Известия АН Азерб. ССР. Серия геол.-геогр. наук. 1960. № 4. С. 94-95.
3. В Азербайджане традиционно употребляется название «Хазарское море» («Хазар денизи»).
4. Иранцы называли Каспий - «Даря-е Комаль», т.е. Северное море, при этом имелась в виду то, что оно расположено на севере страны, а Персидский залив, соответственно называли Южным морем.
5. См.: Mohammad Reza Djalili. Mer Caspienne: perspectives iraniennes // Cahiers d'etudes sur la Mediterranee orientale et le monde turco-iranien. № 23. 1997. P.127.
6. Подробнее см.: Каспийское море в арабских источниках (перевод с арабского и примечания З.М. Буниятова и Н.М. Велихановой) // Известия АН АзССР. Серия история, философия и право. 1988. № 3. С. 113-126.
7. См.: Mohammad Reza Djalili. Op. cit. P.138.
8. См.: История Азербайджана. В VII томах. Т. III (XIII-XVIII вв.). - Баку, 1999. СС. 182-220, 232-236.
9. См.: Маковский А.А., Радченко Б.М. Каспийская Красознаменная. - М., 1982. С. 4.
10. См.: Туманский А. Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и руссах. Санкт-Петербург. - М., 1953. С. 396.
11. См.: Вышнепольский С.А. Мировые морские пути и судоходство. Очерки. - М., 1953. С. 396.
12. См.: Sardari R. Un chapitre de l'histoire diplomatique de l'Iran. These... - P., Maurice Laverque imprimerie, 1941. P. 32.
13. См.: Vicken Cheterian. Sea or Lake: a major issue for Russia // Cahiers d'etudes sur la Mediterranee orientale et le monde turco-iranien. ? 23. 1997. P. 103.
14. См.: Romain Yakemtchouk. Les Hydrocarbures de la Caspienne. La competition des puistrale. - Bruxelles, 1999. P.15.
15. См.: Маковский А.А., Радченко Б.М. Указ. соч. С. 5-6.
16. См.: Воробьева А.Г. К вопросу о пребывании Степана Разина в Азербайджане и Персии // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия: история, философия, право. 1983. № 3. С. 32.
17. См.: Там же. С. 32-33.
18. См.: Mohammad Reza Djalili. Op. cit. P. 128-129.
19. См.: Бадирбейли Р.Ф. Отношение западно-европейских дипломатов к персидскому походу Петра I // Известия АН Азерб. ССР. Серия: история, философия и право. 1979. № 4. С. 44.

20. Гюль К.К. Каспийское море. - Баку, 1956. С. 17.
21. Подробнее см.: Лысинов В.П. Персидский поход Петра I в 1722-1723 гг. - М., 1951.
22. См.: Маковский А.А. Радченко Б.М. Указ. соч. С. 8.; Дипломатический словарь. В трех томах. Т. II. - М., 1985. С. 483.
23. См.: Dowlatchahi A. La mer Caspienne. Sa situation au regard du droit international. These... - P., 1961. P. 112.
24. См.: Mohammad Reza Djalili. Op. cit. P. 129-130.
25. См.: Patrick Clawson. Knitting Iran Together: The Land Transport Revolution, 1920-1940// Iranian Studies. Vol.26. №3-4. Ete-automne, 1993. P. 241-242; История Азербайджана. С. 347-369; Абдурахманов А. Азербайджан во взаимоотношениях с Россией, Турцией и Ираном в первой половине XVIII века. - Баку, 1964. С. 20-34.
26. Подробнее см.: Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях // Составители С.И.Сычев, В.К.Волков. - М., 1946.; История Азербайджана. С. 369-370.
27. См.: Кудрявцев А.А. Древний Дербент. - М., 1982. С. 6.
28. См.: Sardari R. Op. cit. P. 18-20.
29. См.: Mohammad Reza Djalili. Op. cit. P. 131.
30. См.: Туманович Н.А. Европейские державы в Персидском заливе в 16-19 вв. - М., 1982. С. 68.
31. См.: Там же. С. 85
32. См.: Дипломатический словарь. Т. II. - М. 1985. С. 463.
33. См.: Там же.
34. См. например: Ali Geranmayeh. The Caspian Sea in Iranian History and Politics // Central Asian Quarterly Labyrinth. Vol. 2. № 3. 1995. P. 39.
35. Mohammad Reza Djalili. Op. cit. P. 130-133.
36. Барсегов Ю.Г. Каспий в международном праве и мировой политике. - М., 1998. С. 4.
37. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Издание пятое. - Санкт-Петербург, 1904. Т. I. С. 385.
38. Камаровский Л.А., Ульяницкий В.А. Международное право. - М., 1908. С. 79.
39. Мамедов Р.Ф. Международно-правовой статус Каспийского моря как пограничного озера // Московский журнал международного права. № 1. 1999. С. 111-112.
40. 11 октября 1955 г. Иран присоединился к Багдадскому пакту, т.е. прозападному военно-политическому блоку. Секретный протокол к этому Пакту, в частности, предусматривал обязательства его участников предоставлять в необходимых случаях свою территорию и аэродром для размещения войск друг друга. См.: Иванов М.С. Иран в 60-70 годах XX века. - М., 1977. С. 10.
41. См.: Парвизпур Б.Х. СССР-Иран: Возникновение и развитие добрососедских отношений и сотрудничества, 1917-1927 гг. Опыт историко-правового исследования. - Тбилиси, 1977. С. 20-22.
42. См.: Romain Yakemtchouk. Op. cit. P. 17-18.
43. См.: Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). - Баку, 1998. С. 6-7.
44. См.: Romain Yakemtchouk. Op. cit. P. 18.
45. Подробнее см.: Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917. - М., 1952. С. 386-389.
46. См.: Дипломатический словарь. Т. II. С. 482.
47. См.: Romain Yakemtchouk. Op. cit. P. 19.
48. См.: Тузмухамедов Р.А. Советско-иранские отношения (1917-1921). - М., 1960. С. 30.
49. Барсегов Ю.Г. Указ. соч. С. 13
50. Там же.
51. Там же.
52. Там же.
53. См.: Тузмухамедов Р.А. Указ. соч. С. 30.
54. Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. С. 66.
55. См.: Там же. С. 70.
56. См.: Парвизпур Б.Х. Великий Октябрь и суверенитет Ирана. - Тбилиси, 1984. С. 13-14.
57. См.: Аскеров Э.И. Принципы мира, дружбы и сотрудничества СССР с народами стран Востока (Турция, Иран, Афганистан). - М., 1969. С. 4, 11.
58. См.: Vinogradov S., Wouters P. The Caspian Sea: Current Legal Problems // Zeitschrift fur auslandisches offentliches Recht und Volkerrecht. Symposium Paper. - Heidelberg, January 26-28. 1995. P. 607-608.
59. См.: Мамедов Р.Ф. Правовое регулирование советско-иранских отношений в области рыболовства в Каспийском море // Международно-правовые формы сотрудничества социалистических и развивающихся стран. - Баку, Азерб. Госуниверситет. 1987. С. 37-38.
60. См.: Mohammad Reza Djalili. Op. cit. P. 132.
61. Документы внешней политики СССР. Т. III. - М., 1959. С. 538
62. Там же.
63. См.: Мамедов Р.Ф. Правовое регулирование советско-иранских отношений в области рыболовства в Каспийском море. С. 40.
64. См.: Там же.
65. См.: Pondaven Ph. Les lacs frontiere. - P., 1971. P. 59, 63.
66. Подробнее см.: Документы внешней политики СССР. - М., 1965. С. 429.
67. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. X. - М., 1956. С. 71-72.

68. Военно-морской международно-правовой справочник // Сост. В.А. Белли. Кн. 2. – М.-Л., 1940. С. 75.
69. См.: Международное право / Отв. ред. Ф.И. Кожевников. – М., 1957. С. 222.
70. См.: Иванашенко Л.А. Международно-правовой режим закрытых морей / Военно-морской международно-правовой справочник. – М., 1966. С. 130.
71. Логунов В.Д. Международно-правовой режим Каспийского морского театра // Военно-морской международно-правовой справочник. – М., 1966. С. 371.
72. См.: Там же. С. 372, 375.
73. См.: Бойцов Ф.С., Иванов Г.Г., Маковский А.Л. Морское право. – М., 1985. С. 46.
74. Шестопалов В.Я. Персидский залив: проблема континентального шельфа. – М., 1982. С. 73.
75. Барсегов Ю.Г. Указ. соч. С. 5.
76. Там же. С. 5-6.
77. См. Нгуен Нгок Минь. Международное морское право – М., 1981. С. 36.; Международное право / Отв. ред. Л.А. Молжоран, Н.Т. Блатова. – М., 1970. С. 303; Brown D.J. Public International Law. – I., 1970. P. 97; Riazi F. La réglementation des cours d'eau frontières de l'Iran // Revue Iranienne des Relations Internationales. – Téhéran. 1979. № 13-14. P. 145-184.
78. Гюль К.К. Каспийское море. С. 12.
79. См.: Афини Данекар. Предупреждение экологического кризиса на Каспийском море // Аму-Дарья. Иранский журнал по изучению Центральной Азии. Год первый, № 1. Весна. 1999. С. 47.
80. Нгуен Нгок Минь. Указ. соч. С. 35.
81. Молодцов С.В. Международное морское право. – М., 1987. С. 187-188.
82. Горшков Г.С., Мельков Г.М. Военное мореплавание и стратегическое равновесие: международно-правовые аспекты. – М., 1986. С. 65.
83. См.: Касем Малек. Политика нефти на Кавказе. // Аму-Дарья... Год первый, № 1. Весна. 1999. С. 79-81.
84. Морское право. Конвенция ООН по морскому праву с предметным указателем и Заключительным актом Третьей Конференции ООН по морскому праву. Организация Объединенных Наций. – Нью-Йорк, 1984. С. 59.
85. Подпобнее см.: Cezare P.R. Romano La Caspienne: un flou juridique, source de conflits // Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien. № 23. 1997. P. 53-58.; Хосейн Казымтур Ардабелли. Правовой режим Каспийского моря, развитие ресурсов и энергетических магистралей // Аму-Дарья... Год первый, № 1. Весна. 1999. С. 17.
86. Gulnar Nugman. The legal status of the Caspian sea // Eurasian Studies. Spring. 1998. № 13. P. 80.
87. См.: Советское морское право / Под ред. В.Ф. Мешеры. – М., 1980. С. 66.
88. См.: Вережетин В.С. Свобода судоходства в открытом море. – М., 1958. С. 7-8; Волков А.А., Бекяшев К.А. Морское и рыболовное право. – М., 1980. С. 224; Глазунов Г.А. Международное морское право. Справочник. – М., 1985. С. 172, 180; Малинин С.А. К вопросу о правовой классификации водных пространств // Морское право и практика: Сборник материалов ЦНИИМФ. – Л., 1960. № 8(46). С. 13-19; Мамедов Р.Ф. Некоторые международно-правовые аспекты режима Каспийского моря // Актуальные проблемы современного международного права. – Баку, 1984. С. 58-65; его же. Международно-правовой режим Каспийского моря / Автореферат дисс... канд. юрид. наук. – М., 1989; Муртазалыс А.М. Правовая охрана рыбных запасов в северной части Каспийского моря / Автореферат дисс... канд. юрид. наук. – М., 1984. С. 11-12; Khalaf Khalafov. Le statut juridique de la mer Caspienne, ses fondements en droit international et ses conséquences pratiques // La région de la mer Caspienne. Colloque du 26 février 1997. Académie Diplomatique International. – P., 1997. P. 14-23.
89. См.: Butler W.E. The law of Soviet Territorial Waters. A case stude of maritime legislation and practice. – N.Y. – W., – L., 1968. P. 75-76.
90. Harting F.D. Les conceptions soviétiques de droit de la mer. – P., 1960. P. 29.
91. См.: Andrassy I. Megdunarodno pravo. Skolska knjuda. – Zagreb, 1978. S. 149.
92. Dowlatchahi A. Op cit. P. 37, 146.
93. См.: Pondaven Ph. Op cit. P. 12, 59, 63.
94. См.: Гиззатов В.Х. Каспийская нефть и международная безопасность // Каспийская нефть и международная безопасность. Вып. 2. Материалы международной конференции. – М., 1996. С. 52.
95. См.: Cezare P.R. Romano. Op cit. P. 42-43.
96. См.: Мерзляков Ю. По пути раздела Каспия. К Соглашению между Россией и Казахстаном о разграничении дна северной части Каспия // Нефть и газ Каспия. Аналитический журнал. 1998. С. 11.; Djamchid Moritz. Quel regime pour la mer Caspienne? // Collection Espaces et Ressources maritimes. Droit et sciences humaines. № 10. – P., 1996. P. 83-93.
97. Vicken Cheterian. Op. cit. P. 104.
98. См.: Внешняя политика стран Ближнего и Среднего Востока (Отв. ред. А.А. Куценков, А.И. Чичеров). – М., 1984. С. 67-68.
99. См.: Нота МИД ИРИ за № 453/1/7640/18 от 11 ноября 1979 г.
100. См.: Чинашвили Г. Извращенное освещение советско-иранских отношений на страницах «Джамхурийе эслами» // Исламская Республика Иран за пять лет: Специальный бюллетень. – М., 1985. С. 201.
101. Касем Малек. Указ. соч. С. 81.
102. См.: Иванов Н. У Каспия намечился правовой статус // Сегодня. 1998. 12 февраля.
103. Подробнее см.: Ганкин Л. Ельцин с Назарбаевым поделили Каспий // Коммерсант. 1998. 10 апреля.
- Гуль С. Каспий делят парами // Новые известия. 1998. 8 июля.

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В КАЗАХСТАН В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945гг.

Маскеев М.У.

Более полувека привлекает внимание исследователей Великая Отечественная война. Несмотря на то, что ее история достаточно хорошо освещена в казахстанской историографии (М.К. Козыбаев, Г.Абишев, Т.Б. Балакаев, М.Х. Асылбеков, К.С. Алдажуманов и др.), остается еще немало проблем, требующих дальнейшего изучения. Так, до сих пор не вошел в научный оборот в полном объеме ряд источников, анализ которых мог бы дать более объективную оценку происходивших во время войны миграционных процессов, изменивших демографическую картину в Казахстане. Так, в период с 1941 г. по 1945 г. одним из переселений была эвакуация населения, носившая характер организованной миграции при участии государства, хотя иногда проявлялась и в форме индивидуальной миграции.

В данной статье уделено внимание количественным и качественным характеристикам когорты мигрантов, эвакуированных в результате военных действий на фронте, но, как известно, вместе с эвакуированным населением в республику прибывали спецпереселенцы, которые остались за рамками освещаемого вопроса. Что касается населения, эвакуированного из прифронтовой зоны, то их количество варьируется в разных источниках в силу того, что первоначальный их учет не был налажен и в основном имеются данные постфактум, т. е. обобщенные цифры после их расселения и трудоустройства.

Цель статьи – исследовать эвакуацию населения в Казахстан во время войны как отдельно взятое миграционное явление. В связи с чем автор поставил перед собой следующие задачи: определить динамику переселения, установить общее количество эвакуированных, их социальный, половозрастной состав, места выбытия и прибытия, а также их социальную адаптацию в местах расселения.

Первые попытки изучить проблему были предприняты в четвертом разделе первой главы «Прием и устройство эвакуированных граждан и осиротевших детей. Прием и размещение эвакуированных предприятий» крупного исследования по истории

республики военного периода Г.Абишева «Казахстан в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (Алма-Ата, 1958). К сожалению, автор книги ограничился приведением общего количества эвакуированного в Казахстан населения, выделив из их числа семьи военнослужащих и детей. Конечно, такая информация не могла удовлетворить интереса к этой теме ни тогда, ни тем более теперь. Это вызвало к жизни другие работы. В монографии М.К. Козыбаева «Казахстан – арсенал фронта» (Алма-Ата, 1970) уделяется внимание деятельности партийных и советских органов по приему и трудоустройству эвакуированных, которую значительно расширяет и дополняет совместная работа М.К. Козыбаева и Н.Е. Едыгенова «Труд во имя Победы» (Алматы, 1995). В книге Т.Б. Балакаева «Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» (Алма-Ата, 1971) приведены архивные данные, извлеченные из Центрального государственного архива КазССР, отражающие количественные показатели эвакуированного населения, районы выбытия и прибытия, уделено внимание их расселению в сельской местности. В книге М.Х. Асылбекова «Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана» (Алма-Ата, 1973) показана роль железнодорожного транспорта в перевозке воинских грузов, эвакуированного населения и промышленных предприятий из западных районов в Казахстан. Интересные цифры даны в статье П.С. Белана «Сколько отняла у нас война?» (Казахстанская правда, 1995). Опубликованные данные: количество мобилизованных (1 366 164 человека) в армию в период с 1938 г. по 1945 г., участвовавших в войне, безвозвратные потери (601 011 человек), санитарные потери (инвалиды ВОВ – 85 360 человек) и косвенные потери от снижения рождаемости (591 038 человек) помогают исчислить другие демографические показатели. Существенные сведения об эвакуированных приводятся в 1 томе сборника документов и материалов «Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945» (Алма-Ата, 1964). Суммированные данные об эвакуации опублико-

ваны также в 5 томе «Истории Казахской ССР» (Алма-Ата, 1980).

В последнее десятилетие межведомственной комиссией проведена большая работа по рассекречиванию архивных документов, имевших гриф секретности, что дает возможность ввести в научный оборот новые данные, ранее недоступные широкому кругу исследователей.

Перемещением населения, предприятий, материалов и государственных ценностей из прифронтовых районов на восток непосредственно руководил Совет по эвакуации, образованный по решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР 24 июня 1941 г. После образования Государственного Комитета Обороны Совет по эвакуации работал под его непосредственным руководством [1]. Масштабы всей эвакуации населения были колоссальными. Всего в восточные районы во время войны было эвакуировано 20,4 млн человек [2].

В Казахстане приемом, размещением и трудоустройством эвакуированного населения, размещением прибывших эвакуированных промышленных предприятий, учреждений, учебных заведений, воинских частей, госпиталей руководил уполномоченный Совнаркома КазССР [3]. Во всех 14 областях Казахстана также были утверждены уполномоченные управления по эвакуации. Кроме того, в тех же целях была создана комиссия в составе зам. председателя СНК КазССР (председатель комиссии), секретаря ЦК КП(б)К, зав. военным отделом ЦК, нач. республиканского управления трудрезервов, зам. председателя Госплана при СНК КазССР. По этому же принципу создавались комиссии во всех областях [4]. Повседневная работа по эвакуации в областях была возложена на первых заместителей председателей исполкомов облсоветов депутатов трудящихся, в районах – на председателей исполкомов райсоветов, горсоветов, в селах и аулах – на председателей сельских и аульных советов [5].

Эвакуация населения проводилась главным образом по железнодорожным магистралям Казахстана. Сеть эвакуационных пунктов обслуживала население во время длительного и тяжелого переезда. На всем пути следования от фронтовой полосы до Сибири, Средней Азии и Казахстана было расположено 128 эвакуационных пунктов, из них 12 – на территории Казахской ССР. Судя по всему, республика не была готова принять такое огромное

количество населения ни в техническом, ни в моральном отношении. В постановлении СНК и ЦК КП(б) Казахстана от 4 ноября 1941 г. пишется следующее: «Благодаря невнимательному, безответственному отношению обкомов, указанные эвакуационные пункты оказались укомплектованными безинициативными, неспособными для такого важного дела работниками, а в некоторые эвакуационные пункты пролезли явные проходимцы, жулики, взяточники и подобные им элементы, которые своей преступной работой вызвали массовые недовольства эвакуированных, провоцировали и озлобляли их против местных советских, партийных органов» [6]. В постановлении указывались факты простоев эшелонов по 5-8-10 дней в результате несвоевременной подготовки исполкомов облсоветов, райсоветов к приему утвержденного им количества эвакуированных. Отсутствие организованного питания приводило к длительному голоданию эвакуированных, из-за неорганизованной транспортировки от железнодорожных станций до пунктов расселения эвакуированным приходилось добираться пешим порядком на большие расстояния, что в условиях поздней осени и зимы 1941-1942 гг. было особенно сложно, а факты массового заболевания детей, в том числе инфекционными болезнями (скарлатина, корь, тиф), довершали всю безотрадную картину переселения.

Эвакуация населения в Казахстан носила волнообразный характер, динамика которой отмечалась двумя миграционными потоками. Во время первого потока с 7 июля по декабрь 1941 г. [7] в республику прибыло 386 492 человека, в том числе 136,5 тыс. детей [8], которые были расселены в южных и, соответственно, более теплых областях, что было немаловажно для эвакуированных, большинство которых приехало неподготовленными к зимним условиям. О расселении детей говорится в постановлении бюро ЦК КП(б) Казахстана от 8 сентября 1941 г.: «Обязать Наркомпрос КазССР и его местные органы учесть детей школьного возраста, прибывших в Казахстан в порядке эвакуации, и разработать необходимые мероприятия, обеспечивающие полный охват их школьным обучением, обратив при этом особое внимание на организацию этого дела в Алма-Атинской, Западно-Казахстанской, Южно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Южно-Казахстанской, Актюбинской, Джамбулской и Кызыл-Ординской областях, как местах наибольшей концентрации детей и эвакуированных детских организаций и учреждений» [9]. Период с янва-

ря по июль 1942 г. характеризуется резким спадом эвакуационного потока, а также отрицательным сальдо миграции. Это было связано с переходом от оборонительных действий к зимнему контрнаступлению в период с января по апрель 1942 г., в результате которого были освобождены полностью Московская, Тульская и Рязанская области, а также частично Ленинградская, Калининская, Смоленская, Орловская, Курская, Харьковская, Сталинская области и Керченский полуостров.

Таким образом, по данным на 1 июля 1942 г., в республике было учтено 380 592 эвакуированных с обширной географией выбытия, что видно из таблицы [10]:

Название республик	Число эвакуированных	%% к общему итогу
Украинская ССР	158 431	41,6
Белорусская ССР	20 699	5,4
Молдавская ССР	10 254	2,7
Литовская ССР	1 613	0,4
Латвийская ССР	2 025	0,6
Эстонская ССР	615	0,2
РСФСР	124 197	32,6
Из других мест	62 758	16,5
Всего	380 592	100

Из РСФСР наибольшее количество эвакуированных прибыло из г. Москвы – 33 978 человек, Московской области – 12 946 человек и из г. Ленинграда – 12 175 человек [11].

Второй поток со второй половины июля до конца 1942 г. был значительно меньше,

градской, Ворошиловградской, Ростовской областей и Северного Кавказа прибыло 109 807 человек, которые были расселены в северных областях. По ранее опубликованным данным указывалось общее количество эвакуированных 532 506 человек, а с учетом выбытия за пределы республики по разным причинам за тот же период эта цифра составляла 466 155 человек [12].

Справка зам. начальника управления милиции НКВД КазССР и начальника паспортного отдела управления милиции НКВД КазССР от 27 июля 1943 г. «О количестве эвакуированного населения, размещенного в Казахской ССР по состоянию на 1 июля 1943 г.

в разрезе областей» [13], представленная в военный отдел ЦК КП(б) Казахстана, позволяет уточнить эту цифру:

Из приведенной таблицы следует, что фактически в республике оставалось на 46 300 человек меньше. Учитывая то, что в 1943 г. учет

Наименование областей	Учтено эвакуированного населения		
	Взрослых	Детей до 16 летнего возраста	Итого
Алма-Атинская	70 409	22 953	93 362
Актюбенская	20 238	9 168	29 406
Акмолинская	10 633	3 825	14 458
Восточно-Казахстанская	13 842	9 469	23 311
Гурьевская	5 881	1 809	7 690
Джамбулская	23 118	14 612	37 730
Западно-Казахстанская	23 138	8 959	32 097
Карагандинская	19 103	9 120	28 223
Костанайская	12 707	8 922	21 629
Кзыл-Ординская	15 028	9 042	24 070
Павлодарская	8 499	5 874	14 373
Семипалатинская	21 219	14 035	35 254
Северо-Казахстанская	17 846	10 385	28 231
Южно-Казахстанская	18 834	11 187	30 021
Итого	280 495	139 360	419 855

чем первый. В результате активных боевых действий на южном направлении летом 1942 г. в Казахстан из Воронежской, Сталин-

эвакуированного населения был вполне налажен, особенно органами внутренних дел, то в данных указанной справки сомневаться

не приходится. Что касается ранее опубликованного количества эвакуированных, основанных на данных зам. начальника отдела СНК КазССР по хозустройству эвакуации, то, по всей вероятности, они были дополнены определенным количеством спецпереселенцев, в то время как органы внутренних дел владели полной информацией о всех спецпе-

В числе других в республику прибыли известные ученые, писатели, поэты, художники, артисты, преподаватели вузов, студенты. В живописном месте курорта Боровое были устроены 19 академиков, 4 члена-корреспондента АН СССР, а также научные сотрудники с членами семей, всего 130 человек. Среди них были академики В.И.Вер-

Социальный состав эвакуированного населения	Количество человек
Рабочие и инженерно-технические работники эвакуированных предприятий	50 000 *
Колхозники, сопровождавшие эвакуированный скот	13 851 **
Эвакуированные семьи военнослужащих	285 946 ***
Воспитанники эвакуированных детских домов	21 000 ****
Другие	49 058 *****
Итого	419 855 *****

*Казахская ССР. Энциклопедия. Алма-Ата: Главная редакция Казахской Советской энциклопедии, 1981. С.229.

**Балакаев Т.Б. Колхозное крестьянство в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1971. С.146.

***Абишев Г. Казахстан в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Алма-Ата: Казахское государственное издательство, 1958. С.49.

****Козыбаев М.К. Казахстан – арсенал фронта. Алма-Ата: Издательство Казахстан, 1970. С.108.

*****Подсчет автора.

*****АПРК. Ф.708. Оп.7/1. Д.932. Л.9.

реседелцах и могли более точно выделить их из общего количества эвакуированных.

Все эвакуированное население было расселено как в городской, так и в сельской местности. Причем, в сельскую местность расселялись не только представители крестьянства, но и других социальных слоев общества, что вызывало недовольство как со стороны местных властей, так и эвакуированного населения, не имевшего навыков работы в сельском хозяйстве. «В некоторых местах из-за формального отношения к этому вопросу со стороны работников местных органов не всегда учитывались потребность отдельных хозяйств в рабочей силе, возможности трудоустройства по специальности...», – писал в своей статье Ж.С.Сергазин [14]. В справке и. о. начальника статуправления КазССР и нач. отдела населения «О возрастном и половом составе сельского населения Казахской ССР», представленной в особый сектор ЦК КП(б) Казахстана в октябре 1943г., указывается, что по состоянию на 1 января 1943г. в числе сельского населения значится прибывших по эвакуации мужчин 83 730 человек, женщин – 143 609, т. е. всего 227 339 человек [15].

Разными путями, из различных мест приехало по эвакуации население, социальный состав которого был неоднороден, что видно из приведенной таблицы, составленной автором по данным различных источников.

надский – крупный специалист по геохимии и минералогии, Н.Д.Зелинский – химик-органик, Л.И.Мандельштам – физик, А.И.Тюменев – историк. Но такие роскошные по тем временам условия ожидали далеко не всех. Даже в Алма-Ате эвакуированным ученым не сразу были предоставлены оптимальные условия для плодотворной научной работы. Вот что писала зам. директора института истории АН СССР А.М.Панкратова секретарям ЦК КП(б) Казахстана Н.А.Скворцову и Г.У.Бузурбаеву 21 декабря 1941г.: «... я вынуждена обратить Ваше внимание на то, что для работы наших профессоров-историков не создано минимальных условий. Не разрешен главный вопрос – квартирный (живут в служебном помещении КазФАНА (Казахский филиал Академии наук СССР. М. М.), 20 человек в одной комнате, многие спят на полу)» [16]. Речь шла о таких ученых, как академики Б.Д. Греков, Е.В. Тарле, Н.С. Державин. Не особенно отличался быт сотрудников институтов экономики и философии Академии наук СССР, в том числе и такого известного ученого экономиста, как К.В. Островитянова, размещенных в г. Алма-Ате.

В бывшей столице республики нашли приют и продолжали свою творческую деятельность поэты С.Я. Маршак и Л.М. Квитко, графики и живописцы Кукрыниксы М.В.

Куприянов и П.Н. Крылов, известные деятели киноискусства С.М. Эйзенштейн, В.И. Пудовкин, «братья Васильевы» Г.Н. Васильев и С.Д. Васильев, Л.З. Трауберг, Г.М. Козинцев, Ф.М. Эрмлер, Г.В. Александров, Л.П. Орлова, Н.А. Крючков, Б.П. Чирков и другие.

Так обстояли дела лиц, отнесенных к так называемой I категории. Совсем по-иному устраивался быт других категорий эвакуированных. В постановлении Бюро ЦК КП(б) Казахстана от 8 сентября 1941г. «О состоянии трудового устройства и расселения эвакуированного населения в областях КазССР» говорится: «... имеются факты проявления нездоровых настроений среди некоторой части этого населения – отказ от выезда на работу в сельскую местность, рваческие тенденции, заключающиеся в требовании преимущественного снабжения перед местным населением и получения как можно больше пособий за счет государства (Кзыл-Ординская, Актюбинская области, Пешковский район Кустанайской области)... Наряду с этим, имеются далеко не единичные факты, когда местные партийные, советские организации при обращении к ним эвакуированных относятся к просьбам грубо и бюрократически, не проявляя требуемой заботы и элементарного ... гостеприимства к эвакуированным» [17].

Между тем, темпы эвакуации ускорялись. Из информации секретаря Алма-Атинского горкома КП(б) Казахстана и председателя Алма-Атинского горисполкома секретарю ЦК КП(б) Казахстана Н.А.Скворцову в декабре 1941г. следует, что: «За последние 2 месяца в городе прописано 10 055 человек. В этом числе большой удельный вес занимают студенты и рабочие эвакуированных в Алма-Ату учебных заведений и предприятий» [18]. Проверки, проводившиеся бригадами по поручению партийных органов, показывали то ужасное положение, в котором оказывались эвакуированные в местах их расселения. Один характерный пример иллюстрирует докладная записка инструктора военного отдела Алма-Атинского обкома КП(б) Казахстана и председателя обкома союза учителей начальных и средних школ, члена бригады секретарю Алма-Атинского обкома КП(б) Казахстана: «... б. почти во всех колхозах трудоспособные, из числа прибывшего населения, не были обеспечены работой, руководители колхозов объясняют это тем, что ... работы не имеется» [19].

В постановлении СНК КазССР и ЦК КП(б) Казахстана от 25 января 1942г. указыва-

лось: «Продовольственные фонды для оказания помощи эвакуированным в колхозах республики создаются исключительно медленно, расходование их проводится бесконтрольно. В ряде колхозов, совхозов и через торгующую сеть до сих пор не организовано регулярное снабжение эвакуированных продуктами питания, особенно мясом и жирами. Наряду с этим, имеются факты прямого разбазаривания продовольственных фондов, завезенных на село для питания эвакуированных» [20].

В таких условиях приходилось в буквальном смысле выживать эвакуированному населению. И если во время войны в республике было трудно всем, то эвакуированным было трудно вдвойне, т.к. они испытывали на себе бремя войны и невзгоды переселенческих мероприятий одновременно.

С 1943г. эвакуированные стали возвращаться в свои родные места. Ревэвакуация населения продолжалась почти до конца войны, однако ее темпы были невысокими. Так, например, из 35254 человек, размещенных в Семипалатинской области, на 1 января 1944г. оставалось 7 642 семьи (26933 человека), а на 1 января 1945г. – 8711 человек [21]. Многие эвакуированные прочно осели в районах их размещения.

Эвакуация в Казахстан в годы войны населения, промышленных предприятий, учреждений, учебных заведений, воинских частей, госпиталей внесла свои коррективы в социально-экономическую структуру республики. Это была крупномасштабная акция государства, обусловленная военным положением, которая изменила демографическую ситуацию. За счет эвакуированных до некоторой степени были восполнены прямые и косвенные людские потери республики в войне. Так, несмотря на то, что общие потери в людях достигли 1 202 000 человек [22], численность населения республики на начало 1950г. составляла 6 591 600 человек [23], что на 443 900 человек больше, чем было в 1940г. Изменился социальный состав населения. Например, численность рабочих и служащих к 1943г. по сравнению с 1940г. не снизилась, а даже возросла на 13% [24], из них на 4,8% за счет эвакуированных. Если в условиях войны железнодорожный транспорт испытывал дефицит рабочей силы, основной причиной которого явилась мобилизация в действующую армию, то позже, наряду с другими источниками пополнения, состав же-

лезнодорожников комплектовался и «... за счет эвакуированных из западных районов страны...» [25]. Национальный состав претерпел существенные изменения. Республика стала еще более многонациональной. Значительны были изменения половозрастной структуры, характеризующиеся увеличением доли женщин и детей. Снизилась санитарные нормы обеспечения населения жилой площадью из-за нехватки жилого фонда для эвакуированных. Все это изменило привычный уклад жизни населения республики, повышая общий фон социальной активности.

Велико было напряжение моральных и физических сил самих эвакуированных, бросив-

ших свои насиженные места и прибывших с большим трудом в неведомый им край, где они должны были адаптироваться к местным условиям, нередко не имея даже минимальных средств к существованию. Такие тяготы доводили их до отчаяния, толкали на преступные действия, имелись случаи самоубийств. Тем не менее, для эвакуированных, выехавших из зоны активных боевых действий, казахстанская земля стала местом, где они могли выжить в те суровые годы.

Таким образом, эвакуация населения в Казахстан в годы войны была одной из крупных миграций в истории республики, повлиявшая на демографическое состояние общества и оказавшая огромное влияние на ее дальнейшее развитие.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. – М., Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, – 1961. – Т. 2. – С. 143.
- ² Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия. – М., Советская энциклопедия, – 1985. – С. 803.
- ³ АПРК. Ф. 8. Оп. 5. Д. 99. Л. 11.
- ⁴ АПРК. Ф. 708. Оп. 5/1. Д. 139. Л. 233.
- ⁵ Там же.
- ⁶ АПРК. Ф. 708. Оп. 5/1. Д. 139. Л. 228.
- ⁷ Базанова Ф.Н. Формирование и развитие национальной структуры населения Казахстана (на материалах межреспубликанской миграции). Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Алма-Ата, 1988. – С. 36.
- ⁸ Балакаев Т.Б. Колхозное крестьянство в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Алма-Ата, Издательство «Наука» Казахской ССР, – 1971. – С. 88.
- ⁹ АПРК. Ф. 708. Оп. 5/1. Д. 138. Л. 276.
- ¹⁰ Балакаев Т.Б. Указ.соч. – С. 89.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. – Алма-Ата, Издательство «Наука», – 1964. – Т. 1. – С. 433.
- ¹³ АПРК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 932. Л. 9.
- ¹⁴ Сергазин Ж.С. О размещении эвакуированного населения в Казахстане в годы Великой Отечественной войны // Известия Академии наук Казахской ССР. – 1979. – № 5. – С. 27.
- ¹⁵ АПРК. Ф. 708. Оп. 7/1. Д. 145. Л. 27.
- ¹⁶ АПРК. Ф. 708. Оп. 5/1. Д. 562. Л. 12.
- ¹⁷ АПРК. Ф. 708. Оп. 5/1. Д. 138. Л. 274.
- ¹⁸ АПРК. Ф. 8. Оп. 5. Д. 99. Л. 8.
- ¹⁹ Там же. Л. 5.
- ²⁰ АПРК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 102. Л. 399.
- ²¹ Карымсакова Ф., Алдажуманов К. Размещение эвакуированных предприятий, учреждений и населения в Семипалатинской области в годы Великой Отечественной войны // Известия Академии наук Казахской ССР. – 1973. – № 5. – С. 93.
- ²² Белан П.С. Скольких отняла у нас война? // Казахстанская правда. – 1995. – № 85. – С. 4.
- ²³ Демографический ежегодник Казахстана. – Алматы, Казинформцентр, – 1994. – С. 5.
- ²⁴ Козыбаев М.К., Едыгенов Н.Е. Труд во имя Победы. – Алматы, Казахстан. – 1995. – С. 79.
- ²⁵ Асылбеков М.Х. Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана (1917-1970 гг.). – Алма-Ата, Издательство «Наука» Казахской ССР. – 1973. – С. 160.

Poujol C. Le Kazakhstan. – Paris: Presses Universitaires de France, 2000. – 128 p.

Книга известного французского востоковеда, руководительницы постоянного семинара по Центральной Азии в Национальном Институте Восточных языков и Цивилизаций доктора Катрин Пужоль «Казахстан» восполнила досадный пробел в современной французской политологии, посвященной независимому Казахстану. Напомним, что за последние годы был издан ряд книг о современном Казахстане: «Казахи» Марты Олкотт в США (второе и дополненное издание 1995 г.), «Формирование казахской идентичности – от племени к государству» Ширин Акинер в Великобритании (1995 г.), «Современные казахи» под редакцией Ингвара Сванберга в Швеции и Великобритании (1999 г.).

Д-р Пужоль представляет институт, который стоит у истоков современной европейской ориенталистики. Изучение Центральной Азии там началось уже в XVIII в. благодаря трудам французских иезуитов, работавших в Китае. Французские востоковеды-синологи внесли немалый вклад в освещение древней и раннесредневековой истории нашего региона. Сама К.Пужоль является носителем традиций, заложенных во французской историографии такими мэтрами среднеазиатоведения как А.Беннигсен, Ш.Лемерсье-Келькежей и Э.Каррер д'Анкосс. Ей представилась удачная возможность приложить методы, разработанные ее предшественниками в 1960-80-е гг. в отношении государств Центральной Азии, в условиях получения ими реальной независимости. А именно это предсказывали мэтры советологии еще в конце 70-х – начале 80-х гг. Особенностью французской школы востоковедения является то, что французские авторы фокусируют внимание в основном на проблемах национально-культурной идентичности, а также ислама, в то время как англосаксонские авторы – на геополитической проблематике.

Однако начало книги К.Пужоль позволяет думать, что она решила написать ее в большей степени в англосаксонском стиле с упором на геополитику. Она пишет, что «Казахстан вступил на международную арену благодаря своему президенту Нур-

султану Назарбаеву, а также своему исключительному энергетическому и стратегическому потенциалу, который незамедлительно привлек внимание многочисленных партнеров, стремившихся обогнать друг друга» (с.3). История и география Казахстана, по мнению автора, определили его судьбу. Но ее финалом, пишет Пужоль, стала «победа современного мира и оседлой идеологии над кочевой свободой, победа письменной культуры над устной традицией».

Структурно книга состоит из трех частей: 1-ая часть – «Казахское пространство и Евразия» – охватывает историю территории Казахстана с древности до начала XX века, 2-ая часть – «Советский Казахстан» – соответственно период с 1917 по 1991 гг. и, наконец, 3-я часть – «Хрупкий гигант» – посвящена современному Казахстану. По вполне понятным причинам, нас интересует в первую очередь третья часть. В ней автор группирует проблемы по трем основным направлениям, которые, на ее взгляд, заслуживают внимания при изучении современного Казахстана: 1) политическая жизнь республики, политические и юридические изменения, обеспечение безопасности республики, власть и оппозиция; 2) внешняя политика Казахстана, участие в международных и региональных организациях, отношения с Россией, «привилегированное партнерство» с США, «внимательное соседство» с Китаем; 3) проблемы культуры и глубоких мутаций в обществе, перестройка системы образования и молодежная политика, религиозный ренессанс, шоковое состояние здравоохранения.

Рассматривая начальный этап существования независимого Казахстана, Пужоль подчеркивает, что все шаги Н.Назарбаева диктовались прагматическими соображениями, требовавшими обеспечить выживание молодого государства. Во внешней политике это выразилось в маневрировании по оси Запад-Восток. Важным шагом в легитимизации республики стало принятие в ноябре 1993 г. первой конституции, содержавшей официальные декларации о продвижении к правовому государству и верности демократическим принципам. Сме-

ну правительства в 1994г. автор связывает с двумя тенденциями: амбициозным планом А.Кажегельдина по реформированию и приватизации экономики, с «казахизацией» власти и системы государственного управления. Приход следующего премьера Н.Балгимбаева продолжил начатую тенденцию в сфере приватизации. Но ему предстояла другая сложнейшая миссия – перенос столицы в Акмолу-Астану.

Проблему обеспечения безопасности Казахстана Пужоль связывает прежде всего с ядерной проблемой, которая остро встала перед республикой еще до распада СССР – в 1989-91гг. в форме антиядерного движения. Рассматривая политику в области безопасности в 90-е гг., автор адаптировала нашу концепцию (см.: Laumulin M. Foreign Policy and Security of the Republic of Kazakhstan. – Almaty, 1997), согласно которой в этой области выделяются две фазы: – пассивная (1991-95) и активная (1995-2000). На второй фазе Казахстан строит свою внешнюю политику, исходя из доктрины многовекторной дипломатии, а его роль в международных отношениях становится заметно активнее.

Во внутреннем устройстве Казахстана в полной мере отразилось его оригинальное состояние, вытекавшее из синтеза европейской модели, трансплантированной из России, и внутреннего тюрко-мусульманского стержня, сохранявшегося в традиционной сфере. Политический, мультиконфессиональный характер казахстанского общества, по мнению автора, был серьезно травмирован принудительным оседанием и секуляризацией. Пужоль не оригинальна, считая, что система власти в Казахстане функционирует на основе системы клиентелизма, который, в свою очередь, является результатом системы регионального управления, восходящей к старой жузовой системе. Эти факторы, считает автор, обеспечивают общественные отношения и несут явный отпечаток аграрного менталитета, подминая под себя и социальные отношения в городских слоях.

Рассматривая политическую систему, сложившуюся в Казахстане, автор однозначно характеризует ее как авторитарную, несмотря на разветвленную структуру демократического парламентаризма. Главным действующим лицом, подчеркивает автор, которое обеспечивает внутреннюю стабильность, является действующий президент Н.Назарбаев. К.Пужоль приводит длинный послуж-

ной список президента, чтобы у читателя не оставалось сомнений в происхождении властной харизмы казахстанского лидера, а затем переходит к природе оппозиции. Она состоит из представителей нескольких политических групп: парламентариев, сенаторов и интеллектуалов. С точки зрения своей активности, которая еще держится на импульсе со времен перестройки, оппозиция в Казахстане выглядит гораздо солиднее, чем в других центральноазиатских государствах. Ее программная база, по мнению автора, безупречна: децентрализация системы государственного управления, возобновление реформ в экономике, осуществление реальных политических и юридических реформ и на этой основе – моральная и психологическая консолидация общества. Слабым местом казахстанской оппозиции, как считает автор, является отсутствие признанных лидеров и действенной организационной структуры.

Второе оппозиционное течение представлено казахством и русским этническим движением. Его протестный потенциал сконцентрирован в недовольстве «казахизацией» власти, которая «угнетает» славянские меньшинства. И наконец, третье оппозиционное течение связано с конкретной личностью бывшего казахстанского премьера А.Кажегельдина, для которого основным движущим мотивом является борьба за власть. Бывший премьер попытался, но безуспешно, заполнить собой и своей партией – КДСК – вакуум в руководстве и организационных структурах оппозиции. Реакция власти на активность оппозиции характеризуется автором как прагматичная и гибкая, внимательно учитывавшая все слабые места оппозиции и серьезно относившаяся ко всем изменениям в ее идеологии.

На всем протяжении процесса своего формирования и укрепления правящему режиму приходилось сталкиваться с серьезными вызовами. До 1994г. основной проблемой была нейтрализация националистов и религиозных экстремистов. В 1995г. власти удалось предотвратить возникновение действенной оппозиции, формировавшейся вокруг харизматической личности О.Сулейменова и его партии Народный Конгресс Казахстана. Во второй половине 90-х гг. самым серьезным противником осталась компартия, но власти удалось направить ее развитие в русло маргинализации и вытеснения на политическую обочину. Политика Н.Назарбаева,

считает К. Пужоль, строилась в точном соответствии с провозглашенным им в свое время лозунгом «без правых и левых».

В конце 90х гг. в политике Казахстана, замечает автор, явно выделились следующие приоритеты его развития: создание национального (казахского) государства, гармонично существующего в условиях глобализации (mondialisation) международных отношений, лидирующего в регионе в качестве «снежного барса» и остающегося верным своему евразийскому окружению. Все эти посылки дальнейшего развития Казахстана, обращает внимание К. Пужоль, зафиксированы в программе его развития до 2030 г. Средством достижения поставленных целей является лингвистическая, этническая и социопрофессиональная казахизация общества. Однако на внутреннюю эволюцию Казахстана большое влияние оказывают внешние факторы, которые Пужоль рассматривает во второй части своей книги.

Центральным пунктом внешней политики молодого государства стала многовекторная дипломатия, ориентированная по всем азимутам: Турция, исламский мир, Центральная Азия, Запад и СНГ. Афганский фактор привел к разделению внутри центральноазиатского региона: в противовес оси Талибан-Пакистан-Туркменистан, Казахстан, Узбекистан и Киргизия совместно с Ираном поддерживали Северный альянс. В целом отношении Казахстана с исламским миром, по мнению К. Пужоль, сложные, автор характеризует их как «недобровольное соучастие», влияющее на внутреннюю аккультуризацию самого Казахстана.

Исследуя экономическое развитие Казахстана с 1990 по 1998 гг., автор наглядно показывает, что экономика республики проделала длинный путь, характеризовавшийся драматическим падением производства и высоким уровнем инфляции в начале и стабилизацией экономики, небольшим экономическим ростом и снижением инфляции в конце 90-х гг. Открытие Казахстана внешнему миру было самым тесным образом связано с проблемой его суверенитета, а данная сфера определялась «эквilibристикой» между тремя великими партнерами – Россией, США и Китаем.

Казахстанско-российские отношения за восемь лет претерпели серьезные изменения, на них оказывали влияние как внутренняя потребность каждого из партнеров друг в

друге, так и взаимные противоречия. Россия в качестве нажима на Казахстан использовала наличие крупной русскоязычной диаспоры, проблему Каспийского моря и пограничный вопрос. В свою очередь Казахстан, чтобы компенсировать растущее российское давление, сближался попеременно то Соединенными Штатами, то с Китаем. Но общность интересов все же всегда возобладала над тактическими расхождениями Казахстана и России. Эта реальность воплотилась в 1998г. во время подписания Договора о вечной дружбе и сотрудничестве.

Еще до распада СССР Казахстан привлек внимание США благодаря своему стратегическому положению, экономическому потенциалу и ядерному оружию. Несмотря на определенные расхождения по ряду вопросов и даже некоторый кризис в отношениях, возникший после роспуска казахстанского парламента в 1995г., К. Пужоль считает отношения Казахстана с США «привилегированными». Для этого есть все основания, если внимательно изучить структуру инвестиций в экономику республики, где доминирует американский капитал, и неослабевающий интерес Вашингтона к сотрудничеству с Казахстаном на Каспийском море. Следы американского присутствия, отмечает автор, можно заметить во многих областях: разработке энергетических ресурсов, финансовой и технической помощи, военном строительстве, конверсии промышленности, культурной сфере, многочисленных программах академического обмена и повсеместном проникновении английского языка. Таким образом, делает вывод К. Пужоль, американское влияние на Казахстан не ограничивается экономической и стратегической областями, а распространяется и на политическую и культурную сферы.

Китай с самого начала видел в Казахстане наиболее интересного партнера среди всех центральноазиатских республик. В свою очередь, вся политика Казахстана в отношении своего восточного соседа свидетельствует о явной заинтересованности Республики Казахстан в результатах динамичного экономического развития КНР. Но уже с 1995г. казахстанско-китайские отношения переходят из экономической области в стратегическую. Обе стороны подтверждают свою готовность бороться против всех форм сепаратизма и обеспечивать территориальную целостность друг друга. После неофициального визита Н.Назарба-

ева в Китай в феврале 1997 г. Пекин становится участником «Большой игры» на Каспийском море. Причиной, побудившей казахстанское руководство пойти на беспрецедентное сближение с Китаем в энергетической области, по мнению автора, было следование своей доктрине по диверсификации внешнеполитических отношений, а также желание ослабить растущий прессинг со стороны Москвы. Создание Шанхайской пятерки в 1996-98 гг. направило в единое русло общность геополитических интересов всех участников. Однако, делает вывод Пужоль, Москва еще не сделала для себя далеко идущих выводов относительно того, является ли казахстанско-китайское сближение для нее позитивным или же негативным фактором.

Социально-экономические изменения в Казахстане носили брутальный характер и характеризовались, с одной стороны, десоветизацией, перестройкой системы образования, а с другой – унификацией и созданием «транснациональной» идеологии, за которой скрывалось стремление правящей элиты сохранить политический контроль. В сфере образования, как считает автор, значительную роль призваны сыграть иностранные лица, например турецкие – светские и религиозные, которые предоставляют возможность получения альтернативного, дерусифицированного образования. Усилия, направленные на поддержку в Казахстане казахского языка как государственного, К. Пужоль оценивает как беспрецедентные. Наиболее наглядные изменения идеологического характера можно заметить в сфере гуманитарных наук. На место «советских» дисциплин – научного атеизма, марксистской теории, истории КПСС, социалистического реализма – пришли новые: история религии, история Казахского государства, рыночная экономика и культурология.

Неотъемлемой частью происходящих в Казахстане изменений общественного характера автор считает религиозный ренессанс. В то же время традиционные религии – ислам и православие – ведут в сотрудничестве между собой и властями борьбу против резко усилившейся популярности различных сект. По мнению французской ученой, территория Казахстана после независимости превратилась в полигон для различных парамедицинских, антинаучных и иррациональных учений, приманивая к себе разнообразных кол-

дунов, шаманов, гипнотизеров, шарлатанов и пропагандистов гербалайфа. Другой сферой, где происходит десоветизация общественного сознания, является бурное развитие альтернативной официозу прессы, появление различных криминальных, скандальных и эротических изданий. Таким образом, все эти явления разрушают консервативный и морализаторский характер советского общества, частью которого был Казахстан. Неудача традиционных религий носит, по мнению К. Пужоль, планетарный характер, и в этом случае Казахстан не является исключением.

Как и другие транзитные государства, Казахстан вместе с независимостью столкнулся с целым рядом проблем – политических, экономических, экологических, культурных и психологических. Сферы образования и здравоохранения испытали настоящий шок после развала советской системы. В целом все эти проблемы носят структурный характер. Новый режим не в состоянии справиться с угрозой эпидемий и взрыва заболеваний (автор приводит целый список опасных болезней, принимающих в республике характер пандемии). К чести президента Н. Назарбаева, пишет К. Пужоль, он рассматривает проблемы здравоохранения как политические. А такие проблемы как радиоактивное заражение Семипалатинского региона и Аральская катастрофа приняли благодаря его усилиям даже внешнеполитический и международный характер.

Таким образом, прохождение Казахстаном транзитной фазы сопровождается неизбежным травмированием общественного сознания и падением уровня жизни. Оно должно обязательно завершиться освобождением как от эйфории и излишних иллюзий, так и от ностальгии по прошлому, что является непереносимым следствием происходящих в этой республике разрушения и перестройки привычного образа жизни, мыслей и действий. В заключении К. Пужоль отмечает, что история Казахстана носит парадоксальный характер. В течение столетий его территория была сферой господства специфически кочевого образа жизни и лингвистической монополии тюркофонов. В XVIII-XIX вв. она была интегрирована в сферу русской политики, что сопровождалось началом процесса оседания, появлением администрации, здравоохранения, русификацией школьного образования, строитель-

ством каналов, зарождением капиталистических отношений, появлением славянского элемента и православной религии.

В советский период получили продолжение процессы, начавшиеся в колониальную эпоху: завершение оседания, модернизация образования, распространение грамотности, нивелирование общественных отношений и национализма. Это привело к появлению феномена, который автор называет «советской корректностью», т.е. компромиссом между казахским национализмом и советским режимом, лояльностью ему казахской элиты и скрытым консерватизмом. В культурной области возник так называемый русско-мусульманский синкретизм. С этим наследием Казахстан вошел в постсоветскую фазу, которая, как считает К. Пужоль, еще не пройдена. С политической, юридической и психологической точек зрения Казахстан представляет собой многообразное общество, что является наследием советской эпохи. Следующей неизбежной задачей, стоящей перед новым казахским политическим классом, является консолидация общества. Молодое поколение республики демонстрирует удачную способность к адаптации современных политических и технологических инноваций, а это, в свою очередь, позволяет надеяться, что оставшийся путь Казахстан пройдет быстрее, чем это было до сих пор.

С глобальной точки зрения, пишет Пужоль, Казахстан призван сыграть свою роль в трансконтинентальных экономических связях и вернуться к своей исторической миссии оси Евразийского континента. Переживший в свое время целую серию культурных шоков, Казахстан в действительности представляет собой удачный синтез между азиатским Востоком и европейским Западом, между казахским и русским началом, между атеизмом и православием, исламом и шаманизмом.

Будущее Казахстана, заключает автор, без сомнения будет связано с Западом. Однако азиатское наследие, конечно, еще будет оказывать свое влияние на казахское общество, которое демонстрирует время от времени попытки оживить свои кочевые корни. Эти попытки – вернуться к побежденной кочевой идентичности или искусственно реконструировать ее – являются без сомнений иллюзорными, заключает автор.

В своей книге д-р К. Пужоль большое внимания уделяет внутренним, культурным и социально-психологическим факторам, оказывающим влияние на эволюцию Казахстана. Это главное отличие книги К. Пужоль от работ ее англосаксонских коллег, которые в большей степени концентрируются на геополитических вопросах, касаясь современного развития Казахстана или ситуации в Центральной Азии. Вызывает удивление тот факт, что автор практически не уделяет внимания исламу. А ведь французская историографическая школа имеет богатые традиции исламоведения. На наш взгляд, стремление К. Пужоль обойти исламскую проблематику отражает ее реальную политическую актуальность для Казахстана. В то же время автор предостерегает от излишних попыток культивирования культурной кочевой традиции казахского общества, считая, что будущее Казахстана связано с эволюцией казахского социума в сторону современного общества и завершения его модернизации по западному образцу. Этот вывод практически совпадает с прогнозами ее британских и шведских коллег (см.: Казахстан-Спектр. 2000. № 2. С. 120-124). Тем не менее, ряд выводов К. Пужоль не являются бесспорными, а будущее развитие Казахстана оставляет простор для дискуссий.

Лаумулин М.

Summary

Article: «To the Question of Democratization as a Factor of the Country's Development»
Author: **Ashimbayev M.S.** Head, Analytical Center of the Security Council of Kazakhstan; Director, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan.

The article analyses the factors determining the further democratization and political reforming in Kazakhstan; the general tendencies of the political system's transformation studied on the basis of the world experience.

Article: «Mass Consciousness at the Period of Public Transformation in Kazakhstan»
Author: **Ertysbayev E.K., PhD.** Head, Socio-political department of the administration of the President of the Republic of Kazakhstan.

The article is devoted to the examination of mass consciousness in the kazakhstani society at the post-Soviet period. Data provided by sociological polls contribute to making an analysis concerning values prevailing in the society. Moreover, this analysis touches on such issues like social attitudes of people living in various regions of the country, electoral behaviour of citizens, the impact of any type of political culture on the political consciousness. The author reveals primary tendencies at the evolution of mass consciousness, peculiarities of the kazakhstani political culture and main factors influencing on the mass consciousness in the kazakhstani society.

Article: «Value-Identity Orientation of the People of Kazakhstan»
Author: **Abdygaliyev B.B.** First Deputy Director, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan

The author analyses the specific features of the process of identification of the Kazakhstan citizen with their attitude towards state, ethno linguistic and cultural symbols as an example.

Article: «Marginalization of the Population as the Factor of Socio-Political Instability.»
Author: **Mustafayev N. I.** Leading Research Fellow, Department of the Internal Policy, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan.

The article analyzes the main factors of the marginalization of the population in Kazakhstan – economic crises, unemployment, «village-town» migration, legal and illegal immigration, crime. The conflict potential of the marginalization is determined.

Article: «Institutionalization of the Pluralistic System in the Bicultural Society of Kazakhstan»
Author: **Kuanyshev Zh.I., PhD.** Advisor to Secretary of State of Republic of Kazakhstan

The author examines the process of the state system reforming, democratization of the society and the creation of the party system in the Republic of Kazakhstan in conditions of the transitional period. Moreover, the author tries to explore problems, caused by the process of reforming.

Article: «Political values of the population of Kazakhstan in the Context of Social Changes».
Author: **Turekhanova B.** Research fellow, Agency of political researches (APR)

In this article the attempt have been made to overview the existing approaches to the research of the political values. The author is monitoring the political values of the Kazakhstan population in the process of fundamental changes in social life as well as in the political and economical spheres. This work captures the positions of such political scientists as G. Almond, S. Verba, R. Inglehart, as well as Kazakh and Russian authors. This article is examining the methodological aspect of the study of political values and might be used in the specifics of Kazakhstan population's political values analysis.

Article: «Uncontrolled Zones -Threats to the Security of the Central Asia»

Author: **Kuchkarov A.M.** Head of the Sector, Institute for Strategic and Interregional Studies under the President of the Republic of Uzbekiston

The article examines the changing situation in Central Asia caused by the problem of zones without controls in Tajikistan as a source of a destabilization in Central Asian region. This threat forced the states of the region to unite their efforts.

Article: «Xinjiang-Yesterday and Today»
Author: **Syroezhkin K. L.,** Doctor of Politics, Professor

The article stresses the character and scales of the changes occurred in Xinjiang (China) in the ethnic, socio-economic and political spheres. The author examines the dynamics of Xinjiang's development for the past 45 years of its existence as one of the China's provinces. Also, the author presents his own conclusions on perspectives of the future Xinjiang's development.

Article: «France-the Strategic Partner of Kazakhstan»
Author: **Her Excellency, Ms. Arystanbekova A. Kh.** Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Kazakhstan to the Republic of France

The article examines the Kazakhstan-France bilateral relations. France was one of the first European countries, which recognized the independence of the Republic of Kazakhstan. The Kazakh-French political dialogue has been increasingly developing for the past years. The strong economy, independent politics, rich culture and history make France one of the most important partners for Kazakhstan. Today, there are about 40 representations of the leading French firms in Kazakhstan, which invest into several projects in various spheres of Kazakhstan's economy. Cultural, scientific and humanitarian cooperation is also developing between Kazakhstan and France.

Article: «New Approaches towards the Problems of the Military Security of the State Expounded in the Military Doctrine of the Republic of Kazakhstan»
Author: **Dubovtsev G.Ph., Colonel.** Deputy Head, Military-Scientific Center of the Defense Ministry of the Republic of Kazakhstan.

The article examines political and military facets, which necessitated the elaboration of the new Military Doctrine of the Republic of Kazakhstan. According to the author, military needs of a state must be formulated proceeding from truly existing threats to its national security. Limited resources of Kazakhstan necessitate the adaptation of the military policy of the state and its military organization to contemporary realities in order to provide the efficient level of the state's defense.

Article: «Depressive Regions as Objects of the Regional Economic Policy»
Author: **Matayev T.M.** Post-Graduate Student, Institute for Development of Kazakhstan

The article analyses the main features of the depressive regions in Kazakhstan, the instruments of the state regulation towards these regions. The author stresses the need to start the elaboration of the bases of a complex support program as a first step towards creation of the general aid complex program supporting the depressive regions.

Article: «Transit and Transport Potential of the Republic of Kazakhstan (Railway transport)»
Author: **Gusseva L.Yu.** Research Fellow, Department of Foreign Policy and International Relations, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan

The article is devoted to the examination of the issue concerning the development of transport and transit potential of the Republic of Kazakhstan. The article also contains not only an analysis of

transport transit outlets, linking Europe and Asia, but also an analysis of competitiveness of routes immediately crossing the territory of the Republic of Kazakhstan. The attention is focused on the analysis of the transit potential of the railway transport as the basis of the transport system of the Republic of Kazakhstan. This analysis also touches upon factors, restraining the development of the transit potential and perspectives of its further enlargement.

Article: «The Development of Views on Environmental Problems»
Author: **Kushaliyeva G.** Post-Graduate Student, Institute of Philosophy and Polyology

Years that passed since conferences in Stockholm and Rio-de-Janeiro to our days have shown that the undertaken measures and high expenditures for stabilization and secure of an environment haven't brought the desired results: global changes are continuing and pace of these changes is increasing. Therefore, the reality gives an evidence of vainness of all attempts to improve or even to stabilize worsening tendencies of environmental destruction within the framework of the old paradigm and makes humanity to search for a new ways of solving environmental problems. The academic researches suggest such ways. This article aims to expose an audience to different arguments associated with discussion of environmental problems.

Article: «International Legal Status of the Kaspian Sea in the Historical Development»
Author: **Mamedov R.** Professor of Law. Head, Chair of the International Law, Baku State University named after M.Rasul-Zade, Azerbaijan.

The article examines the legal status of Kaspian Sea through the history of the Kaspian Sea as the object of the inter-legal relations, mainly between Russia and Persia (Iran).

Article: «The Migration of the Population in Kazakhstan during the Great Patriotic War of 1941-1945»
Author: **Muskeyev M.U.** Leading Specialist, Archive of the President of the Republic of Kazakhstan

The article analyses the migration of population to Kazakhstan in 1941-1945. A supplemental information is already available on this theme. An evacuation of population is considered as migratory process changing the demographic situation in the Republic in the first half of 40-th years in XX-th century and influencing upon its further development.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Журнал Казахстан – Спектр
№ 3-4, 2000

1. Абдыгалиев Берик Бахытович – Первый Заместитель Директора Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан.
2. Арыстанбекова Акмарал Хайдаровна – Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан во Французской Республике.
3. Ашимбаев Маулен Сагатханович – Заведующий Аналитическим центром Совета Безопасности РК, Директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан.
4. Гусева Лариса Юрьевна – научный сотрудник отдела внешней политики и международных отношений Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан.
5. Дубовцев Георгий Федорович – Заместитель начальника Военно-научного центра Министерства обороны Республики Казахстан, полковник.
6. Ертисбаев Ермухамет Кабидинович – Заведующий общественно-политическим отделом Администрации Президента Республики Казахстан, кандидат исторических наук.
7. Куанышев Жалсарбай Ильясович – Советник Государственного Секретаря Республики Казахстан, кандидат исторических наук.
8. Кушалиева Гаухар – аспирант Института философии и политологии МОН РК.
9. Кучкаров Абдулхафиз Мамбетович – Заведующий сектором Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан.
10. Лаумулин Мурат Турарович – Первый секретарь посольства Республики Казахстан в Федеративной Республике Германия, кандидат исторических наук.
11. Мамедов Рустам – Заведующий кафедрой международного права Бакинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.
12. Маскеев Мурат Уланович – ведущий специалист отдела научной публикации документов Архива Президента Республики Казахстан.
13. Матаев Талгат Мустафаевич – соискатель Института развития Казахстана.
14. Мустафаев Нуртай Идиянович – ведущий научный сотрудник отдела внутренней политики Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан.
15. Сыроежкин Константин Львович – журнал «Континент», доктор политических наук.
16. Туреханова Ботагоз – научный сотрудник Центрально-Азиатского агентства политических исследований.